

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Издается с 1998 г.
Выходит два раза в год

№ 1 (39)

ГОТОВНОСТЬ К ПЕРЕМЕНАМ: СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К ИННОВАЦИЯМ

Составители выпуска –
канд. ист. наук И.Ю. Жилина
д-р экон. наук С.Н. Смирнов

**МОСКВА
2019**

УДК [338+316.42](470)(082)

ББК 65.9(2 Рос)

Э 40

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

М.А. Положихина – канд. геогр. наук, председатель,

Н.А. Макашева – д-р экон. наук, зам. председателя,

Д.В. Ефременко – д-р полит. наук,

М.В. Клинова – д-р экон. наук,

Н.П. Кононкова – д-р экон. наук

Составители выпуска –

канд. ист. наук *И.Ю. Жилина*

д-р экон. наук *С.Н. Смирнов*

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Э 40 **Экономические и социальные проблемы России:**
Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; ред. кол.: Положихина М.А., гл. ред., и др. – М., 2019. – № 1: **Готовность к переменам: Социально-экономические аспекты адаптации населения к инновациям** / сост. вып. Жилина И.Ю., Смирнов С.Н. – 160 с.
ISSN 1998–1791

Рассматривается влияние инноваций на повседневную жизнь людей. Анализируются особенности адаптации различных групп населения к новым технологиям. Исследуется роль государства в процессе внедрения инноваций в социальную сферу.

Для научных сотрудников, работников органов исполнительной и законодательной власти, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

УДК [338+316.42](470)(082)

ББК 65.9(2 Рос)

The impact of innovation on people's daily lives is considered. The features of the adaptation of various population groups to new technologies are analyzed. The role of the state in the process of introducing innovations in the social sphere is investigated.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

DOI: 10.31249/espr/2019.01.00

© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Коровникова Н.А.</i> Особенности социально-экономической адаптации современных россиян.....	8
<i>Смирнов С.Н.</i> Инновации в повседневной жизни и их особенности в городских и сельских поселениях России.....	30
<i>Пехтерева Е.А.</i> Инновации в финансовой сфере и практика их применения: Технология блокчейн и криптовалюта в России.....	51
<i>Семеко Г.В.</i> Финансовая грамотность в России: Проблемы и пути их решения.....	70
<i>Пряжникова О.Н.</i> Социальные инновации и практики социальной и солидарной экономики	99
<i>Жилина И.Ю.</i> Волонтерство как ресурс для решения социальных и экологических проблем России.....	119
<i>Ивановский Б.Г.</i> Адаптация экономики стран ЕС и США к инновациям	141

CONTENTS

Preface.....	5
<i>Korovnikova N.A.</i> Features of the socio-economic adaptation of modern Russians	8
<i>Smirnov S.N.</i> Innovations in everyday life and their characteristics in urban and rural settlements of Russia	30
<i>Pekhtereva E.A.</i> Innovation in the financial sector and practical life: The blockchain technology and cryptocurrency in Russia	51
<i>Semeko G.V.</i> Financial literacy in Russia: Problems and ways of their solution	70
<i>Pryazhnikova O.N.</i> Social innovation and social and solidarity economy	99
<i>Zhilina I.Yu.</i> Volunteering as a resource for solving social and ecological problems of Russia	119
<i>Ivanovskiy B.G.</i> Adaptation of EU and US economies to innovations.....	141

ПРЕДИСЛОВИЕ

Термин «инновации» в современном его понимании был введен в экономический обиход в начале XX в. Й. Шумпетером, который уделял основное внимание изучению инноваций, связанных с производством и маркетингом товаров и услуг. К подобным относятся такие решения и технологии, внедрение которых принципиально повышает экономическую эффективность производства и обеспечивает выход на рынок новых товаров и услуг. Инновации можно рассматривать как материализованные в производстве результаты научно-технического прогресса – в отличие от разработок, которые в силу тех или иных причин не нашли своего практического применения.

Население по-разному относится к инновациям, непосредственно влияющим на повседневную жизнь и на благосостояние. В прошлом известны примеры полного, в том числе силового, неприятия инноваций. Так называемое «огораживание» в Англии (конец XV – начало XIX в.), когда для обеспечения сырьем растущей суконной промышленности происходило расширение пастбищного овцеводства в ущерб классическому земледелию, сопровождалось многочисленными волнениями беднеющего в результате этого процесса крестьянства.

В настоящее время оценка последствий инноваций приобретает все большую и большую актуальность. Одна из ключевых проблем состоит в том, что в результате внедрения инноваций в производство постепенно происходит замена живого труда трудом овеществленным, сокращается потребность в рабочей силе. Например, переход на онлайн-технологии переводов и платежей повлек за собой сокращение числа банковских отделений и, соответственно, высвобождение банковских работников. Эта проблема сокращения масштабов живого труда осознается мировым сообществом. Обсуждение так называемого безусловного базового до-

хода – определенной суммы выплат всем гражданам страны или региона – является, как нам кажется, одной из попыток купировать будущую утрату частью населения доходов от трудовой деятельности.

Еще одной крупной проблемой является неравный доступ населения к инновациям, которые меняют повседневный быт людей. Основными препятствиями являются: 1) финансовые ограничения цены инновационного решения для домохозяйств; 2) различия регионов проживания; 3) сугубо субъективные – человеческие факторы, когда инновации не согласуются с устоявшимся за десятилетия, если не за века стилем жизни людей. Первые и отчасти вторые препятствия преодолимы. Изначально дорогая мобильная связь по мере распространения и удешевления оборудования стала доступной для абсолютного большинства населения; сокращается парк автомобилей с карбюраторными двигателями, которые заменяются автомобилями с впрысковыми двигателями и электромобилями. Развитие интернет-технологий отчасти компенсирует невыгодное транспортно-географическое положение отдельных поселений. Однако такие инновации не обеспечивают полное преодоление депривации¹ жителей удаленных поселений по условиям доступа ко многим инновационным услугам, например к высокотехнологичной медицинской помощи.

Что касается третьего препятствия, то оно преодолевается по мере осознания населением экономических и социальных преимуществ использования новых технологий в быту. Вместе с тем часть населения оказывается устойчива к этим инновациям, по разным причинам считая прежние модели жизни более приемлемыми. К этой категории относятся и люди, которые отказываются от общепринятых благ и ориентируются на жизнь для себя в гармонии с окружающей средой.

Настоящий сборник посвящен подходам к изучению инноваций, особенности проявлений последних как в России, так и в зарубежных странах. Возможности социально-экономической адаптации российского населения к условиям широкого распространения инновационных технологий в повседневной жизни анализируются в статье Н.А. Коровниковой. Различия в масштабах распространения инноваций между городским и сельским населением России (на основе обработки данных статистических об-

¹ Депривация – сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические или социальные потребности.

следований, проводимых Росстатом), рассматриваются в статье С.Н. Смирнова.

Е.А. Пехтерева представила обзор публикаций, посвященных анализу такого неоднозначного мирового феномена, как блокчейн и криптовалюта. Возможности адаптации к новым технологиям на основе повышения уровня финансовой грамотности граждан освещаются в статье Г.В. Семяко.

О.Н. Пряжников рассматривает роль такой значимой социальной инновации, как социальная и солидарная экономика в продвижении актуальных для современного общества ценностей (охрана окружающей среды, повышение индивидуальной ответственности граждан, формирование коллективной идентичности, сокращение социального неравенства и др.). Материал И.Ю. Жилиной посвящен сравнительно новому для России феномену волонтерства, которое может рассматриваться как своеобразный, но значимый инновационный ресурс решения различных проблем в социуме.

В статье Б.Г. Ивановского представлены материалы о связи инноваций в странах Евросоюза и США с темпами экономического роста, производительностью труда, рынком труда и социальной сферой.

Резюмируя представленные материалы, можно сделать следующий вывод: готовность населения к принятию инноваций далеко не всегда реализуется в повседневной жизни. А это означает, что, наряду с другими видами социально-экономического неравенства, неравенство в доступе к инновациям является одной из принципиально значимых для человечества проблем. Тем не менее существуют различные способы, механизмы и ресурсы для смягчения этого неравенства – как в государственной политике, так и в гражданском обществе.

*И.Ю. Жилина
С.Н. Смирнов*

Н.А. Коровникова*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к определению процесса адаптации населения, а также понятия адаптационных ресурсов и стратегий. Проанализированы тенденции формирования массового сознания в постсоветский период, показаны особенности социально-экономической адаптации современных россиян.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптация; адаптационные ресурсы; адаптационные стратегии; образовательный капитал; массовое сознание; Россия.

N.A. Korovnikova

Features of the socio-economic adaptation of modern Russians

Abstract. The paper considers approaches to defining the process of adaptation of population, as well as the concepts of adaptation resources and strategies. Analyzed the trends in the formation of mass consciousness in the post-Soviet period, shown the features of the socio-economic adaptation of modern Russians.

Keywords: socio-economic adaptation; adaptation resources; adaptation strategies; educational capital; mass consciousness; Russia.

* **Коровникова Наталья Александровна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики ИНИОН РАН.

Korovnikova Natalia Alexandrovna, candidate in political sciences, senior researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Введение

В современных условиях высокоскоростных социетальных трансформаций вопросы адаптации граждан к новым экономическим и политико-культурным системам заняли одно из центральных мест в рамках научного и общественного дискурсов. В отечественной исследовательской среде данная проблематика приобрела особую актуальность и значимость в 1980–1990-е годы на фоне дискредитации и ликвидации как аксиологических, так и материальных ориентиров советского образца в ходе реформирования ключевых социально-экономических институтов и административно-правовой системы, а также формирования нового российского общества и государства.

Совокупность масштабных изменений привела к тому, что население на всем постсоциалистическом пространстве столкнулось с необходимостью адаптироваться к ранее неизвестным и малопонятным явлениям, что вызвало своего рода массовый *«культурный шок»* как результат *«преждевременного наступления будущего»* [Красавина Е.В., 2015, с. 50]. Процессы трансформации заставили российский социум приспосабливаться к новым условиям и правилам организации жизнедеятельности – мобилизовать все индивидуальные ресурсы, выработать поведенческие реакции, модели и стратегии, соответствующие изменяющейся действительности.

Адаптация современного социума: Понятие, ресурсы, стратегии

Основные характеристики адаптационных процессов различных социальных слоев в значительной степени обусловлены *результатами социализации*, которую можно определить как процесс восприятия и усвоения индивидом определенной системы норм и ценностей, «позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества». Этот процесс включает как контролируемое целенаправленное влияние (воспитание), так и стихийные, спонтанные воздействия. Другими словами, социализация предполагает усвоение образцов поведения, социальных норм, общественно значимых (терминальных) ценностей, которые необходимы для успешного функционирования индивида в конкретном историческом контексте. В общем виде *механизм социализации* можно представить как реализацию «системы социальных

возрастноориентированных программ», ЗУНов (знаний, умений и навыков), транслируемых от старших поколений младшим [Красавина Е.В., 2015, с. 48–49].

Главное отличие адаптации от социализации специалисты видят в том, что она ориентирована на прагматические цели, инструментальные ценности-средства и содержит алгоритм практических действий в реальных социально-экономических условиях. Для ее теоретического анализа современные исследователи опираются на *социально-ресурсный подход, модели социальной интеграции* [Коршунов А.В., 2011 б] и нижеследующие теоретические концепции:

– *теория человеческого капитала*, которая изучает совокупность воплощенных в индивиде экономически значимых ресурсов (знаний, навыков, опыта, мотиваций, способностей к восприятию и продуцированию новой информации), применяемых им в процессе трудовой и общественной деятельности; при этом индивидуальное и групповое развитие представляет собой интегральную характеристику, включающую не только экономическую (материальные ресурсы), но и социальную (нематериальные ресурсы) составляющие [Логинов Д.М., 2004, с. 4–5];

– *теория рационального выбора*, в рамках которой индивид рассматривается как «максимизатор выгоды», чья деятельность нацелена на максимально возможное увеличение собственного благополучия, в том числе через мобилизацию усилий для наиболее успешной реализации имеющихся ресурсов в рамках определенной институциональной среды [Логинов Д.М., 2004, с. 5]; причем исследование рационального поведения предполагает «изучение экономического поведения с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» (по Л. Роббинсу) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 14];

– *теория непрерывного образования*, изучающая процесс формирования и совершенствования человеческого капитала в процессе профессионального, корпоративного, дополнительного, социального и всех типов информального (повседневного) образования [Горшков М.К., Ключарев Г.А., 2011, с. 16].

В современной научной литературе можно найти множество *дефиниций адаптации*, которые зависят от фокуса исследования и отражают различные аспекты адаптационных процессов. Так, *адаптация* – это:

- процесс согласования ожиданий и требований со стороны институциональной среды, которая детерминирована политической и научной элитой, а также различными слоями населения [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 188];

- объективные процессы вхождения индивида (или социальной группы) в качественно новую социальную среду, ее освоения, взаимного приспособления, в результате которых формируются условия удовлетворения потребностей, достижения жизненных целей, прогрессивного изменения «адаптирующей» среды;

- изменение поведенческих реакций в соответствии с моделью поведения и системой ценностей конкретного социума;

- результат активного приспособления индивида к условиям нового социального окружения, который носит парадоксальный характер: «разворачивается как гибко организованная в новых условиях поисковая активность, выход индивида за пределы готовой конечной формы»;

- сохранение вида в природной среде (в биологии) или достижение рационально поставленной цели (в социологии) [Красавина Е.В., 2015, с. 51–53];

- состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы (личности, группы, организации, института, общества, цивилизации и т.д.) к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем трансформации как социальных стереотипов поведения, практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и ее внутренней структуры и функций [Соколова Ю.Д., Зборовский Г.Е., 2016, с. 313];

- выработка продуктивных моделей социально-экономического поведения, основанных на реализации индивидуальных ресурсов [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 5];

- выстраивание социально-экономических поведенческих стратегий, направленных на сохранение или повышение уровня жизни и / или социального статуса, адекватных требованиям реальной (модифицированной) институциональной среды.

Приведенные определения адаптации позволяют утверждать, что этот процесс обусловлен системой *социальных установок на когнитивном* (объект социальной установки в фокусе сознания), *эмоциональном* (оценка объекта социальной установки) и *поведенческом* (поведение в отношении объекта социальной установки) *уровнях* [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 26]. Другими словами, эффективная адаптация предпо-

лагает *мобилизацию* имеющихся индивидуальных и групповых *ресурсов всех уровней*, которые представляют собой основания «для достижения высоких материальных и статусных позиций» [Логинов Д.М., 2004, с. 4], формируют «неотчуждаемую собственность» индивида [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 26] и могут относиться к следующим *типам*:

1) *личностные (микроиндивидуальный уровень)* – индивидуальный опыт, накопленный в ходе образовательной и профессиональной деятельности, уровень образования, трудовой квалификации;

2) *семейные (мезогрупповой уровень малых групп)* – ресурсы, обусловленные семейным статусом и капиталом;

3) *социальные (макрогрупповой уровень больших социальных групп)* – ресурсы, зависящие от типа, уровня развития и характера конкретного социума, региона, его экономического и культурного потенциала и т.п. [Коршунов А.В., 2011 а, с. 1].

Третий тип (уровень) предполагает аккумуляцию следующих важнейших видов *нематериальных ресурсов*, а именно:

3.1) *информационного капитала*, который предполагает *способность и возможность работать с информацией* и классифицирует население по признаку «*цифрового раскола*» (англ. digital divide): а) *активные пользователи* информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ), которые создают и преобразуют информационную среду; б) те, кто стремится работать с ИКТ, но не имеет доступа ввиду технических и / или экономических ограничений (*потенциал дальнейшей информатизации*); в) противники ИКТ по причине убеждений или отсутствия способностей (*информационный пассив*) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 54];

3.2) *культурного капитала*, который обусловлен *типом* преобладающей *культуры* (в классификации М. Мид) в зависимости от характера межпоколенческого взаимодействия и внедрения инноваций: *постфигуративной, кофигуративной и префигуративной*¹

¹ *Постфигуративная культура* – это традиционная культура. Она изменяется медленно и незаметно, внуки живут в тех же условиях, что и деды. *Кофигуративная культура* – это культура, в которой преобладают модели поведения, задаваемые современниками. Она существует там, где в обществе происходят перемены, делающие опыт прошлых поколений непригодным для организации жизни в изменившихся условиях. *Префигуративная культура* – это культура еще более интенсивных и быстрых трансформаций, чем кофигуративная. Инновации в ней могут происходить настолько быстро, что взрослое население просто не успевает усваивать их. Постфигуративная культура ориентирована на прошлое,

(в современном российском обществе имеют место все три типа при *возрастающем влиянии префигуративной культуры*, соответствующей социуму на стадии трансформации) [Коршунов А.В., 2011 а, с. 2];

3.3) *социального капитала*, который приобрел особую значимость на фоне реформ раннего постсоветского периода, когда традиционные ресурсы (советское образование, квалификационный уровень, социальная принадлежность) не вписывались в качественно новый социально-экономический контекст, а социальная политика в жестких условиях общественной трансформации была слабой. Ввиду способности социальных связей компенсировать дефицит материальных ресурсов для решения индивидуальных и групповых (семейных, профессиональных) проблем индивидуальное благосостояние повышается с ростом социальных связей, тогда как исключение из социальных структур приводит к его сокращению (согласно концепции Р. Роуз) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 55, 65].

Совокупность доступных ресурсов формирует *адаптационный потенциал*, аккумулирующий весь спектр возможностей приспособления, которые могут использоваться индивидом (или группой) для формирования конкурентных преимуществ во внешней среде и достижения выгоды в материальной или нематериальной форме [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 26]. Степень реализации адаптационного потенциала зависит от *объективных и субъективных характеристик* адаптирующихся, включая возраст, семейное положение, уровень образования, удовлетворенность условиями жизни и профессиональной деятельностью, уровень уверенности в будущем, степень индивидуализации (осознания собственной определяющей роли) в достижении жизненных целей и влиянии на общественные процессы и институты, возможности профессионального роста, личную безопасность и правопорядок, жилищно-бытовые условия, состояние здоровья, уровень духовно-нравственного развития и т.п. [Красавина Е.В., 2015, с. 55]. К тому же наиболее важным объективным фактором адаптации является

кофигуративная – на настоящее, префигуративная – на будущее. Решающее значение в ней приобретает духовный потенциал молодого поколения, у которого образуется общность опыта, которого не было и не будет у старших [М. Мид: постфигуративная, кофигуративная и префигуративная культуры. – Режим доступа: https://studme.org/128004154844/kulturologiya/mid_postfigurativnaya_kofigurativnaya_prefigurativnaya_kulturny].

тип (модель) развития социальной системы на макространовом уровне в конкретных исторических условиях, которая определяет адаптационные предпосылки, источники и стимулы [Красавина Е.В., 2015, с. 53], а именно:

– «*либеральная*», в соответствии с которой государство гарантирует права личности при минимальной социальной поддержке;

– «*социал-демократическая*», в соответствии с которой государство регулирует определенные сектора экономики и предоставляет защиту наименее адаптированным социальным слоям;

– «*патерналистская*», в соответствии с которой государство контролирует большую часть экономики и оказывает поддержку всем слоям населения [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 18].

Адаптационный потенциал, в свою очередь, детерминирует индивидуальные и групповые *стратегии адаптации*, которые в общих терминах можно определить как направляющий способ поведения, рассчитанный на достижение не случайных, а значимых целей [Соколова Ю.Д., Зборовский Г.Е., 2016, с. 313] или как *комбинации различных приемов приспособления* личности (или группы) к социуму и его требованиям в соответствии с поставленными целями и программами их достижения.

Адаптационные стратегии формируются на *двух ментальных уровнях адаптации* [Красавина Е.В., 2015, с. 53]: а) *социально-психологический* (адаптация к среде жизнедеятельности, в т.ч. к профессии, работе, учебе и их условиям, конкретной социальной группе); б) *социально-экономический, политико-культурный* (объект освоения – социум, общественные структуры, отношения и коммуникации). Они могут быть сгруппированы по нескольким основаниям, а именно:

а) *виду деятельности*: предпринимательство (самозанятость); единичная занятость; вторичная занятость; множественная занятость [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 18];

б) *характеру*: добровольная, вынужденная;

в) *направленности*: позитивная, негативная [Красавина Е.В., 2015, с. 53], регрессивная, разрушительная, кризисная («полукриминальная» деятельность, которая несет угрозу социальной стабильности) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 25];

г) *результатам реализации*: материальная или статусная, средняя, низкая адаптация, дезадаптация [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 18].

Что касается *адаптационных стратегий российского населения* (более подробно об этом написано ниже), то в условиях стремительных трансформаций внешней среды речь идет уже не об адаптации, а о процессе *переадаптации* (или «изменении изменений»), который нацелен на непредсказуемость будущего, поскольку традиционные адаптационные стратегии (стремление к безопасности, гомеостазу, стабильности) не отвечают скорости социально-экономических процессов [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 29–30].

Как показывают последние исследования, группу сторонников *радикальных изменений* в России составляют: а) *«отчаявшиеся»* или *«депрессивные»*, наименее приспособившиеся граждане со средним специальным образованием, в основном жители городов с населением до 100 тыс. человек; б) *«либералы и демократы»*, выступающие за политические преобразования, отдающие приоритет «разделению полномочий между различными ветвями власти, судебной реформе, честным и свободным выборам, гарантиям независимости СМИ, ограничению влияния силовиков» [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 7]. В то же время за *«незначительные»* перемены выступают: а) *«градуалисты»* (адепты В.В. Путина, нынешнего политического порядка, граждане с высшим образованием и высоким потребительским статусом); б) *«москвичи»* (сторонники постепенных трансформаций с либеральными взглядами на содержание реформ судебной системы, выборов, свободы СМИ и т.д.); в) *«средний класс»* (по потребительским, поведенческим и даже политическим характеристикам) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 10].

Особый исследовательский интерес в условиях формирования общества знаний и перехода к цифровой экономике знаний представляют адаптационный потенциал и адаптационные стратегии *современной российской молодежи*. Сегодня эта группа вынуждена руководствоваться не только «возрастноориентированными программами» взаимодействия с другими возрастными группами [Красавина Е.В., 2015, с. 49], но также учитывать, что образование, информация, знания, которые выступают залогом успешности социальной и профессиональной деятельности, постоянно обновляются, а *риск-технологии* превращаются в распространенный способ реализации целей и потребностей, становятся наиболее значимым фактором социального развития [Коршунов А.В., 2011 б]. К числу *основных характеристик* молодых россиян эксперты относят:

– *позитивно-карьерную адаптационную стратегию* как тип активной стратегии адаптации, основанный на принятии ценностей рыночного общества и современного рынка труда [Коршунов А.В., 2011 б];

– *стратегию «множественной занятости»*, совмещение работы и учебы;

– *опору на собственные силы*, а не на обстоятельства, установка на самостоятельность и самодостаточность;

– *переориентацию* на микросоциальную среду, родственные и дружеские, *неформальные связи* [Красавина Е.В., 2015, с. 54];

– *деформацию профессиональных намерений*, иногда завышенные притязания [Лопаткин И.В., 2015, с. 13];

– *наличие доминирующих ценностей* (родители, друзья, стабильность, порядок, безопасность, знания, образование, свобода, семья, дети, любовь, интересная и оплачиваемая работа);

– *аполитичность* и, как следствие, отсутствие интереса к общественно-политической жизни («поколение В.В. Путина» в целом демонстрирует удовлетворенность текущей ситуацией и оптимизм относительно будущего России) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 10];

– *зависимость от «остаточной» веры в государственную помощь и защиту* («если захочет, государство поможет») [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 31];

– *«межпоколенческий разрыв»* с родителями, которые являются продуктом советской эпохи [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 31] и даже в переломный период основывались на «старом багаже» идей и ценностей [Красавина Е.В., 2015, с. 50];

– *относительно сдержанную позицию касательно любых изменений*, несмотря на представления о молодых как «о двигателях и потребителях перемен» [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 9], которые смогут воплотить «новую русскую мечту» [Волков Д., 2018].

Роль образования в формировании адаптационного потенциала современных россиян

В российском социуме XXI в. наблюдается существенная дифференциация адаптационного потенциала между различными социально-демографическими группами, которая в значительной степени объясняется разницей в уровне и качестве образования,

поскольку *образовательный капитал* (в выбранном ракурсе синонимичен с понятием «человеческого капитала» и предполагает наличие хорошего, в первую очередь высшего, образования) продолжает играть определяющую роль в формировании наиболее эффективных адаптационных стратегий.

Доступ к образованию как к значимому адаптационному ресурсу ограничен для определенных слоев населения целым рядом *факторов*, включая: 1) *материальный* (уровень благосостояния, достатка); 2) *территориальный* (удаленность от образовательных учреждений); 3) *статусный* (образовательный капитал, в т.ч. высшее образование членов семьи, признание роли образования в повышении общественного положения, престижа); 4) *адаптационный* (уровень личностной, групповой, социальной адаптации), которые обуславливают взаимосвязь между образовательными стратегиями и дальнейшими жизненными и профессиональными целями [Логоинов Д.М., 2004, с. 20].

Действительно, в развитых общественных системах возможности и перспективы реализуемости полученного образования длительное время определялись четкой корреляцией между его уровнем и уровнями дохода и общественного положения. Некоторые исследователи даже вычисляли «ценность» каждого года обучения на базе материальной выгоды на протяжении всего периода трудовой деятельности [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 28]. Хотя интенсивные социально-экономические трансформации разрушили «традиционную» систему социальной идентификации: «образование уже не является универсальным критерием социальной самооценки» [Логоинов Д.М., 2004, с. 17]. Тем не менее на фоне сокращения рабочих мест «низкой и средней квалификации» и стремительного развития рынка высоких технологий ценность образования как индивидуального реализуемого ресурса не подвергается сомнению [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 28].

Более того, зарубежные исследователи утверждают, что в настоящее время экономическая *конкурентоспособность* детерминирована уровнем и качеством *образовательного* (интеллектуального) *капитала, знаний и инноваций*. В контексте цифровой экономики и общества знаний образование *представляется основным способом развития навыков и компетенций, которые повышают эффективность, производительность и темпы экономического роста стран в долгосрочной перспективе*.

Результаты последних исследований специалистов из Университета Сфакса (Тунис) доказывают наличие корреляции между образовательными показателями и темпами экономического развития, а также свидетельствуют о том, что на экономику положительно влияют следующие *факторы*: *инновации* (измеряемые расходами на научные исследования и количеством заявок на патенты) и *расходы на высшее образование*. Поэтому увеличение инвестиций в образовательный капитал (особенно в сфере высшего образования) вызывает рост основных макроэкономических показателей за счет расширения каналов передачи знаний, за счет интенсификации научного обмена и коммуникаций, а также за счет подготовки нового поколения лидеров, менеджеров и технического персонала [Bouhajeб M., Mefteh H., Ben Ammar R., 2018].

Испанские эксперты из Университета Страны Басков подчеркивают особую значимость *восприятия высших учебных заведений в массовом сознании*, которое *формирует* не только общественное мнение и настроения, но и *адаптационный потенциал* населения. Они акцентируют большее влияние *аффективного компонента* на определение статуса высшего образования и на степень значимости учебных ресурсов среди граждан по сравнению с когнитивными аспектами. Этот вывод согласуется с популярным среди ученых мнением, что не только когнитивные структуры, но и эмоциональные оценки детерминируют массовое восприятие и адаптацию (переадаптацию) к трансформируемой действительности [Lafuente-Ruiz-de-Sabando A., Forcada J., Zorrilla P., 2019, p. 80–81].

Российские исследователи, в свою очередь, для определения возможностей доступа и эффективного использования образовательного капитала с целью успешной позитивной адаптации решают следующие *задачи* [Логинов Д.М., 2004, с. 4]:

- рассматривают основные теоретические подходы и статистическую информацию относительно ресурсных функций и потенциала высшего образования;

- выявляют место образования в структуре ресурсов, формирующих адаптационный потенциал российского населения в условиях социетальных трансформаций;

- рассчитывают адаптационный потенциал различных социальных групп и возможности его эффективной реализации в современном социально-экономическом контексте;

- определяют ключевые факторы и тенденции, детерминирующие особенности российской образовательной среды.

Качество образовательных ресурсов во многом обусловлено основными тенденциями развития высшего образования в России, в том числе: введение высшего образования в число неперенных требований развивающегося рынка труда; расширение спроса на образование на фоне растущего разнообразия форм и направлений его возможного получения; стремительное развитие платности высшего образования; диверсификация целей получения высшего образования со стороны потребителей этих услуг и т.д. [Логинов Д.М., 2004, с. 19].

В то же время уже в начале 2000-х годов начала формироваться тенденция «сигнальной функции диплома», которая заключается в том, что работодатель, не имея трудовых ресурсов, отвечающих его требованиям, принимает на работу выпускников наличествующей образовательной системы, впоследствии переучивая их посредством развивающихся каналов дополнительного образования [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 46]. В такой обстановке полученные знания и материальные инвестиции в высшее образование перестают приносить соответствующую отдачу. В связи с этим решение проблем образовательного пространства требует внимания не только к вопросам его доступности и эффективности, но и максимальной применимости и адаптивности к условиям стремительно возрастающей конкуренции и изменению реальных потребностей рынка труда.

Более того, в настоящее время в некоторых регионах России преобладают формы адаптации, не основанные на накопленном образовательном капитале, который реализуется только при наличии соответствующих социальных связей и коммуникаций. По некоторым данным, около трети российского населения основным источником заработка считают труд в личном подсобном хозяйстве. Причем в эту группу входят и образованные люди трудоспособного возраста, но имеющие невостребованную профессию в условиях современного рынка труда [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 24].

Не следует также забывать, что российский рынок труда представляет собой структурно сложный социальный институт, который состоит из различных сегментов с собственными интересами, потребностями, ценностями и формируется в специфических внутренних и внешних условиях [Лопаткин И.В., 2015, с. 13]. Соответственно, особую актуальность приобретают:

- постоянный мониторинг развития российского рынка труда;
- научные исследования в области занятости и безработицы;

– выработка механизма корректировки структуры профессионального обучения с учетом перспектив социально-экономического развития регионов и страны в целом;

– организация и реализация на предприятиях программ трудовой адаптации;

– преодоление дисбаланса спроса и предложения (количественного и качественного) труда в связи с несоответствием уровня квалификации выпускников требованиям работодателей;

– введение системы госзаказа на выпускников учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования;

– разработка *новых механизмов повышения адаптационных возможностей, отвечающих запросам рынка труда, – специфических* (профориентация, информирование субъектов рынка труда о взаимных потребностях и ожиданиях, а также о прогнозируемых тенденциях их развития, профессиональная подготовка и переподготовка, содействие временному и постоянному трудоустройству) и *неспецифических* (формирование системы ценностных ориентаций, профессиональной и карьерной мотивации, коммуникативной, социальной и деятельностных компетенций) [Лопаткин И.В., 2015, с. 12–15].

Эффективное и своевременное решение вышеизложенных задач требует комплексности, системности, преемственности и тесной взаимосвязи институтов на всех уровнях адаптации: от семьи, дошкольных образовательных учреждений, до выхода на рынок труда и включения в трудовую деятельность.

Адаптационные трансформации российских граждан в новом социально-экономическом контексте

Состояние массового сознания может рассматриваться как обобщенное *выражение степени адаптации населения*, поскольку «общественное настроение», отражает готовность принять (или не принять) «новые социально-экономические порядки» [Красавина Е.В., 2015, с. 54], другими словами, это *важный критерий адаптивности и адаптированности*. Поэтому исследователи в качестве интегрального эмпирического показателя адаптации (или дезадаптации) часто используют оценки граждан условий их жизнедеятельности (материального положения, социальной стабильности и безопасности, доступа к образованию и информации, социального самочувствия и т.п.).

Особенности массового сознания современных российских граждан обусловлены *источниками изменений их настроений*, которые можно разделить на две группы:

1) *ситуационные сдвиги* (изменения), инициированные официальными СМИ, которые оказывают сильное, но кратковременное воздействие ввиду зависимости от изменения транслируемого контента;

2) *автономные сдвиги* (спонтанные изменения), являющиеся результатом межличностных коммуникаций на бытовом уровне, которые затрагивают напрямую малые социальные группы, но по мере интенсификации межгрупповых взаимодействий способны сформировать самостоятельный, фундаментальный и устойчивый тренд [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 4–5].

На протяжении большей части постсоветского периода оба «источника» сдвигов взаимодействовали и взаимодополняли друг друга, определяя характер и направленность трансформаций, которые были связаны с глубокими переменами в системе аксиологических ориентиров населения, включая «изменения в приоритетах по отношению к своим индивидуальным потребностям, интересам общества и государства» [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 13]. В таком ракурсе именно *социально-экономическая адаптация стала процессом, обуславливающим доминирующие тенденции общественного развития России, который охватил как макроуровень* государственно-политических и социально-экономических задач, *так и микроуровень* реальных условий жизнедеятельности населения [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 14].

Изначально в ходе постсоветских трансформаций новые институты и механизмы западного образца не были подкреплены эффективной социально-экономической политикой, что привело к «псевдорыночным» неэффективным деформациям. Дискредитация советской институциональной системы и коммунистической идеологии вызвала индивидуализацию интересов и ценностей, концентрацию на микробытовом уровне сознания. В результате российские граждане формировали адаптационные стратегии, опираясь исключительно на собственные нематериальные индивидуальные ресурсы [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 5–7]. Иначе говоря, постсоветские адаптационные стратегии были детерминированы либеральными реформами, направленными на минимизацию функций государства, переход к универсальным регуляторам

социально-экономической деятельности (нормам и ценностям западного мира), рационализацию индивидуальных и общественных потребностей [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 14].

Но в результате многих ошибок в реализации «рыночного проекта» в реальных российских условиях, непоследовательности проведенных преобразований и тотального разрушения существовавших социально-экономических, политических, аксиологических основ возникло разочарование, укрепившее в массовом сознании населения России мысль о том, что западные стандарты не соответствуют исторически традиционным представлениям о социальной справедливости и защите. Отсутствие четких целей социальной, экономической, административно-правовой трансформации и ценностно-мировоззренческих основ, воспринимаемых большинством в качестве духовно-нравственных регуляторов, а также нестабильность функционирования новой институциональной системы обусловили адаптационные механизмы в ранний постсоветский период (конце 1990-х – начале 2000-х годов) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 12].

Реализация постсоветских механизмов адаптации на всех уровнях привела к социально-экономической дезинтеграции и деградации, кризису трудовых мотиваций и распространению деструктивных моделей поведения. В 2000-е годы начинаются процессы построения «управляемой демократии» и посттрансформационного восстановительного роста, которые послужили причиной стабилизации общественных настроений на основе удовлетворения потребностей в «порядке» и «стабильности», а также возросшего спроса на «чувство принадлежности к великой державе» [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 3].

Результаты последних статистических исследований демонстрируют, что приоритетными для общественного внимания являются вопросы *внутренней политики* (обеспечение порядка и стабильности) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 2]. Хотя по-прежнему многие россияне считают, что Россия имеет потенциал стать великой державой в современном мировом пространстве при соблюдении следующих условий: движение в будущее с четким планом действий; «жизнь по совести»; личная ответственность перед страной и друг другом; процветание и образование населения как главные приоритеты развития; «государство для человека, а не человек для государства» [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 10]. При этом большинство предъявляет «запрос на миролюбивую внешнюю политику» на основе таких

ценностей, как «мир и уважение», и критикует излишний экспансионизм, негативные экономические последствия и двойные стандарты в международных отношениях [Осенний перелом, 2018].

Но в последнее время (со второй половины 2018 г.) стали вновь проявляться признаки низкой и даже негативной оценки действия властей [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 12]. Главные причины современного скептического настроения населения исследователи видят в следующем: недостаточные изменения в составе правительства, отсутствие конструктивной программы и, конечно, разочарование в выборах, которые воспринимались «как рутинное ненужное мероприятие, ради которого зря тратят деньги и загружают людей» [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 12–13]. Хотя по оценкам экспертов Московского центра Карнеги, вопреки представлениям о дискредитации электорального механизма, главным инструментом перемен в сознании современных россиян остается голосование «на выборах за партии / кандидатов, предлагающих близкий им план преобразований». В силу его легитимности такой способ выбрали 43% опрошенных [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 2].

Несмотря на ухудшение социального самочувствия, в российском обществе до сих пор имеет место относительно *низкий протестный потенциал*, отсутствуют негативные и агрессивные эмоции, а проявления недовольства носят локальный характер при низкой готовности участвовать в политике (например, по данным Левада-Центра, в апреле 2017 г. только 16% опрошенных выражали готовность к участию в политике) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 14].

Подобные общественные настроения объясняют *особенности* социально-экономической адаптации россиян, в том числе: 1) краткосрочность адаптационных стратегий; 2) преобладание ситуативно-прагматического способа адаптации, в рамках которого имеющиеся ресурсы реализуются в сложившейся внешней среде; 3) неотлаженность механизмов «обратных связей», а также навыков осуществления общественного контроля за действиями властных структур; 4) неспособность к конструктивной корректировке внешней среды со стороны основной части российского населения; 5) дискретный характер адаптации ввиду неравномерного социально-экономического развития регионов (территориальный фактор); 6) глубокие разрывы в возможностях адаптации работников частного и государственного секторов экономики; 7) «внутрисекторальные различия», связанные с экономическим положением отдельных отраслей

и организаций; 8) множественная занятость как распространенный способ адаптации (по некоторым данным ею было охвачено 20% населения) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 24].

На сегодняшний день эксперты зафиксировали следующие *тенденции, которые детерминируют адаптационный потенциал и адаптационное поведение россиян*, а именно:

1) *возрастающая готовность к решительным, масштабным переменам*: доля сторонников радикальных изменений выросла с 42% в августе 2017 г. до 57% в мае 2018 г., а число сторонников незначительных изменений сократилось с 41 до 25%. Причем в мае 2018 г. число предъявляющих запрос на перемены вышло за рамки малоимущих групп и охватило средние слои населения [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 15–16];

2) *признаки вытеснения надежды на сильную власть* («леги-стской утопии») *запросом на справедливость*: на первый план выходит не требование сильной власти (7% участников фокус-групп), а требование справедливости (80% участников, с учетом близкого по смыслу запроса на действенную социальную политику) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 16]. При этом возросло число россиян, придающих первостепенное значение *процессуальной справедливости* – «равенство перед законом важнее для страны, чем справедливое распределение благ» [Осенний перелом..., 2018]. В то же время согласно результатам исследования, проведенного специалистами Московского центра Карнеги, главным смыслом реформ участники считают повышение уровня жизни в стране, обеспечение большей социальной справедливости, более эффективной социальной защиты, более доступной медицины и здравоохранения [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 10–11];

3) *переключение на «внутренний локус контроля»* (акцент на *внутренних качествах*): дискредитация опоры на помощь государства (94% респондентов заявили, что не полагаются больше на государство, а полагаются только на себя) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 14]. Совместное исследование Московского центра Карнеги и Левада-Центра показало, что россияне демонстрируют позитивное отношение к рыночной экономике и даже хотели бы, «чтобы их дети стали успешными частными хозяевами и предпринимателями» [Волков Д., 2018]. Основная причина этой тенденции – экономический кризис, снижение уровня жизни, недостаточная помощь государства, необходимость полагаться на собственные силы и интеграцию с себе подобными [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В.,

2018, с. 21–23]. При этом группа предпринимателей выражала большую заинтересованность в активной гражданской позиции, развитии демократических институтов, бизнеса и экономики в целом по сравнению с другими группами [Волков Д., 2018].

Результаты проведенного фондом «Либеральная миссия» социологического исследования (октябрь 2018 г.) показывают, что в конце 2018 г. эти тенденции были дополнены следующими социальными трендами:

– *усиление пессимизма в восприятии будущего России*: 46% респондентов считали, что ситуация ухудшится, 22% – останется на нынешнем уровне;

– *активизация ценностей самовыражения*, а именно: уважение (равенство прав, доверие к людям, внимательное отношение к их устремлениям и убеждениям, уважение друг к другу, взаимоуважение народа и власти, уважение к другим странам), свобода, мир, экология, научный прогресс, развитая промышленность, справедливость, благополучное («процветающее») население – патриоты своей страны;

– *запрос на лидеров нового типа*, отвечающих следующим характеристикам: уважительное отношение к народу и его интересам, честность, способность признавать свои ошибки и делегировать полномочия, демократичность, законопослушность, открытость, дипломатичность (в международных отношениях);

– *нарастание запроса на изменения: готовность к радикальным переменам выразили 76% респондентов*;

– *взаимное недоверие власти и народа*: негативное восприятие респондентами отношения к ним власти, ухудшение коммуникации между властными структурами и населением, сочетание ощущений непредсказуемости, ненадежности и небезопасности [Осенний перелом..., 2018].

В то же время эксперты считают, что не следует игнорировать *роль государства* в сегодняшней России, поскольку многие россияне придерживаются позиции «власти не доверяем, но заботу о достойной жизни возлагаем на государство», характерной для советского патернализма [Хамраев В., 2018]. Это суждение, по сути, является *основой общественного договора*: «власть должна обеспечить нам некоторый достаток в жизни, а мы будем вести себя в соответствии с ее требованиями» [Хамраев В., 2018]. Так, согласно данным Левада-Центра, в июле 2018 г. 62% граждан продолжали считать, что «государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни»; 30%

были уверены, что государство «должно устанавливать единые для всех правила игры и следить за тем, чтобы они не нарушались», а за минимальное вмешательство государства «в жизнь и экономическую активность своих граждан» выступили всего 6% россиян [Хамраев В., 2018].

Надежды на государство со стороны большинства населения также объясняются *слабостью противников государственной политики*, проявляющейся в качественных характеристиках оппозиции, которая: а) не имеет структурированных идей и сложившейся идеологии; б) стремится привлечь к себе внимание любыми средствами; в) не способна объединиться в политическую организацию; г) осуществляет в основном локальные протесты по конкретным поводам; д) активно распространяет информацию только в социальных сетях; е) распространяемая информация носит преимущественно эмоциональный характер [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 29, 32]. Другими словами, сегодняшние протестные движения гетерархичны, полицентричны и не контролируют процессы собственного изменения и адаптации, что приводит к фрагментации оппозиционной активности и препятствует ее консолидации в массовые движения с четко сформулированной программой действий.

К числу наиболее вероятных *последствий* вышеперечисленных трендов специалисты относят: 1) *рост контрэлитного популизма* (типичные признаки: усталость от политического «застоя», запрос на справедливость, возрастающая готовность к быстрым, масштабным и рискованным изменениям); 2) *риски для экономической политики* (стремление населения искать нереалистичные социально-экономические решения, которые могут привести к потере макроэкономической и бюджетной устойчивости) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 32–38]; 3) *готовность адаптироваться исключительно к изменениям в области новых технологий* (64% россиян в той или иной степени выразили желание приспосабливаться к технологическим изменениям против 27% нежелающих); 4) *осуждение и неготовность к повышению пенсионного возраста* (74% опрошенных «против» и 18% «за», причем определенно «не готовы» – 49%), а также *сохранение социальных льгот* даже вопреки повышению качества жизни (78% против 16%) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 26–27].

Заключение

Последние исследования массового сознания современных россиян зафиксировали, что латентные изменения в общественных настроениях достигли своего рода критической точки и, по-видимому, уже близки к тому, чтобы перейти в открытые формы публичного общественно-политического действия, хотя политическая активность и протестный потенциал на данный момент остаются на относительно низком уровне [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 38]. Подобная ситуация «ментальной энтропии» связана с тем, что российское общество не сформулировало конкретных требований, в нем доминируют общие пожелания повышения качества и уровня жизни при отсутствии широкой публичной дискуссии и информации о потенциальных изменениях [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 2].

В то же время имеет место рекалибровка общественных ориентиров и ценностей, связанная с критической переоценкой социально-экономических реалий, в том числе: отказ от «классического популизма», вытеснение базовых материальных потребностей, приоритет самовыражения по различным направлениям – «от внешней политики до отношения к мигрантам и от восприятия реформ в бюджетной сфере до требований к потенциальным лидерам» [Осенний перелом..., 2018].

Очевидно, что российское общество интуитивно склоняется к сочетанию адаптационных и преадаптационных стратегий, осознавая необходимость изменений, «чтобы было лучше и спокойнее жить» [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 30] и чтобы достичь «новой мечты» [Волков Д., 2018] для своих детей и внуков – комфортной для самовыражения и проявления частных инициатив общественной среды, непротиворечащей государственным интересам и целям России в XXI в.

Список литературы

1. Адаптационные стратегии населения: Коллективная монография / под. ред. Е.М. Авраамовой. – СПб.: Компьютербург, 2003. – 196 с. – Режим доступа: <http://csl.isc.irk.ru/BD/Books/Стратегия%20населения.pdf>
2. Волков Д. Новая русская мечта / Левада-Центр. – М., 2018. – 21.11. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/11/21/novaya-russkaya-mechta/>

3. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? – М.: Московский центр Карнеги, 2017. – 33 с. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906>
4. Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в контексте модернизации. – М.: ИС РАН: ФГНУ ЦСИ, 2011. – 232 с. – Режим доступа: https://5top100.ru/upload/iblock/dff/csp_gorshkov_klucharev.pdf
5. Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В. Признаки изменений общественных настроений и их возможные последствия / Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИОН РАНХиГС), КГИ. – М., 2018. – 41 с.
6. Коршунов А.В. Адаптационные стратегии российской молодежи на рынке труда // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2011 а. – № 7. – 4 с. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/7/sociologiya/korshunov.pdf (дата обращения 17.01.2019).
7. Коршунов А.В. Адаптационные стратегии российской молодежи на рынке труда в условиях социально-экономической нестабильности и неопределенности: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2011 б. – 31 с. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1185909-pall.html>
8. Красавина Е.В. Основные подходы к анализу адаптационного механизма молодежи в условиях современного общества // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2015. – № 1 (13). – С. 48–57. – Режим доступа: <https://www.rea.ru/ru/org/cathedries/prlogkaf/Documents/Красавина13.pdf>
9. Логинов Д.М. Высшее образование как ресурс адаптации населения к социально-экономическим изменениям в современной России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2004. – 22 с. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/226/523/1219/Avtoreferat.pdf>
10. Лопаткин И.В. Адаптация молодежи на современном рынке труда: социологический аспект: Дис. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2015. – 177 с. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2015/10/06/dissertaciya_i.v._lopatkin.pdf
11. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? / Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., Черепанова Е.В. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2018. – 26.12. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/7298>
12. Соколова Ю.Д., Зборовский Г.Е. Адаптационные стратегии социальной общности пенсионеров: управленческий подход // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Междунаро. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – Т. 2. – С. 312–316. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/44586>

13. Хамраев В. Россияне требуют от государства заботы // Газета «Коммерсантъ». – 2018. – № 151, 23.08. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3720460>
14. Bouhajeb M., Mefteh H., Ben Ammar R. Higher education and economic growth: the importance of innovation // Atlantic Review of Economics (ARoEc). – 2018. – Vol. 1, N 2. – Mode of access: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6525858>
15. Lafuente-Ruiz-de-Sabando A., Forcada J., Zorrilla P. The university image: a model of overall image and stakeholder perspectives // Cuadernos de Gestión. – Bilbao, 2019. – Vol. 19, N 1. – P. 63–86. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/326380276_The_university_image_a_model_of_overall_image_and_stakeholder_perspectives

С.Н. Смирнов*

ИННОВАЦИИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ В ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ РОССИИ¹

Аннотация. Рассматриваются различия в масштабах использования инновационных технологий в повседневной жизни городского и сельского населения России. Показано, что распространенность инноваций в домохозяйствах городских и сельских населенных пунктов существенно различается, а риск сохранения этих различий в будущем остается высоким.

Ключевые слова: инновации; городские и сельские населенные пункты; домохозяйства; статистические обследования; финансовые и интеллектуальные ресурсы.

* **Смирнов Сергей Николаевич**, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, заведующий Центром анализа социальных программ и рисков Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Smirnov Sergey Nikolaevich, doctor of economic sciences, leading researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, head of the Center for social programs and risks analysis at the Institute of social policy of the National Research University Higher school of Economics (Moscow, Russia).

¹Статья написана по проекту Российского фонда фундаментальных исследований № 17-06-00396 «Социальные и природно-экологические факторы процесса урбанизации / дезурбанизации в современной России (междисциплинарный макро- и микроанализ)».

S.N. Smirnov
**Innovations in everyday life and their characteristics
in urban and rural settlements of Russia**

Abstract. The differences in the scale in the use of innovative technologies in everyday life of urban and rural population of Russia are considered. It is shown that the prevalence of innovations in households in urban and rural settlements varies significantly, and the risk of conservation of these differences in the future remains high.

Keywords: innovations; urban and rural settlements; households; statistical surveys; financial and intellectual resources.

Инновации в жизни населения

К настоящему времени накоплен значительный опыт исследований российского общества в контексте особенностей проявления двух принципиальных и изначально разнонаправленных тенденций в экономической и социальной жизнедеятельности домохозяйства. Первое из них предполагает модернизацию всех ее сторон как на уровне самого домохозяйства, так и его членов – качества жилья, условий труда и состояния рабочих мест, использования современных информационных технологий в повседневной жизни. Обусловленные инновациями изменения, особенно связанные с трансформацией повседневных практик, по разным причинам могут отторгаться частью населения [Желнина Е.В., Ростова А.В., 2016; Желнина Е.В., 2017]. Второе направление возникло в результате разделения населения страны на тех, кто интегрировался в новые экономические условия и тех, кто не смог этого сделать в ходе экономических преобразований, проводившихся в России начиная с 1992 г. Последние для выживания стали создавать свою собственную экономическую среду без государственного участия, возрождая зачастую архаические формы экономических и социальных отношений [Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., 2018].

Распространенность инноваций в домохозяйствах зависит от многих объективных факторов – социально-демографических характеристик, уровня доходов, места проживания и т.п. В настоящей статье предпринята попытка количественной оценки различий между параметрами, определяющими уровни использования инноваций в домохозяйствах городской и сельской местности.

В качестве основного информационного ресурса для проведения расчетов послужили данные проводимых Федеральной

службой государственной статистики (Росстат) федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам [Постановление..., 2010]. Ведомство регулярно публикует на своем сайте¹ итоги комплексного наблюдения условий жизни населения; репродуктивных планов населения; доходов населения и участия в социальных программах; поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения; рациона питания населения; качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения; трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование; использования суточного фонда времени населением; использования труда мигрантов, а также участия населения в непрерывном образовании. По данным на конец 2017 г., в городских поселениях России проживали 109,2 млн человек, или 74,4% общей численности населения страны, а в сельских поселениях – 37,6 млн человек (соответственно 25,6%).

Анализ опубликованных данных показал, что наиболее полная информация по исследуемой проблеме содержится в первом из перечисленных обследований, а именно, в «Комплексном наблюдении условий жизни населения» (КОУЖ). К моменту написания статьи были опубликованы материалы обследования, проведенного в 2016 г. и охватившего 59 994 домохозяйства, 41 769, или 69,6%, из которых проживали в городской и 18 225, или 30,4%, – в сельской местности. В ходе обследования также были опрошены 134 862 индивидуальных респондента, 92 556, или 68,6%, из которых проживали в городских, а 42 296, или 31,4%, – в сельских поселениях. Важно, что данные этого обследования репрезентативны с точки зрения настоящего исследования по городам и сельским поселениям Российской Федерации в целом. Отдельные данные содержатся и в некоторых других обследованиях, материалы которых также использовались.

В качестве рабочей гипотезы рассматривалось предположение, что распространенность инноваций среди домохозяйств в городских населенных пунктах выше, чем среди домохозяйств в сельских населенных пунктах².

¹ Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm

² Далее – соответственно городские и сельские поселения.

Инновационная депривация сельского населения: Статистические характеристики

Реализованная методика расчетов предусматривала выявление инвестиционной составляющей в каждом из элементов повседневной жизни опрошенных. Результаты обследования позволяют сделать это, несмотря на то что определенная субъективность, конечно, присутствует.

Так, говоря о качестве занимаемого жилья, можно предположить, что *инновационное жилье* может быть условно определено как жилье, качество которого высоко оценивается респондентами. По данным КОУЖ, к таковому может быть отнесено жилье, состояние которого было оценено респондентами как «отличное». В городских поселениях доля домохозяйств, которые дали такую оценку, составила 6,5%, в то время как в сельских поселениях – 5,1%, или на 21,5% меньше, чем в городских поселениях.

Еще одна, и достаточно важная характеристика внедрения инновационных технологий при обустройстве жилья – это повышение его комфортабельности за счет использования современного оборудования, в том числе, например, дополнительных источников отопления. В этом отношении разрыв между домохозяйствами в городских и сельских поселениях существенно больше и достигал почти трех раз. Доля домохозяйств, указавших, что их жилище оборудовано центральным отоплением, и использующих не менее одного дополнительного источника тепла, в городских поселениях составила 19,1% (из них использовавших конвектор, радиатор, тепловой вентилятор – 12,3, бойлер – 3,6, систему «теплый пол» – 3,1%), в то время как в сельских поселениях – всего 6,7% (соответственно 3,8%, 1,7 и 0,3%).

Одним из параметров, характеризующих соответствие жилого помещения домохозяйства современным требованиям, является устойчивость функционирования всех систем его ресурсного обеспечения, в частности подачи электроэнергии. Результаты опроса КОУЖ показали, что доля домохозяйств, имевших проблемы с подачей электроэнергии, в городских поселениях составила 14,3%, в то время как в сельских поселениях – 33,5%, или в 2,3 раза больше.

Говоря об *инновационной составляющей быта домохозяйств*, можно отметить, что с течением времени некоторые ее характеристики утрачивают свою значимость. Например, в 1970-е годы наличие цветного телевизора в российских семьях, безусловно, могло

рассматриваться в качестве одной из них. Однако в настоящее время, когда в городских поселениях доля домохозяйств, имеющих цветной телевизор, составила 99%, а в сельских поселениях – 98,7%, он перестал быть элементом инновационности. То же можно сказать и о мобильном телефоне, утратившем в 2000-е годы свою инновационную роль: доли домохозяйств в городских и сельских поселениях, сообщивших о его наличии, составили соответственно 98 и 96,3%.

В качестве инновационного устройства, представленного в вопросниках КОУЖа, может рассматриваться домашний компьютер (стационарный или ноутбук). О наличии компьютера сообщили 72,5% домохозяйств в городских поселениях, в то время как в сельских поселениях доля таких домохозяйств, составившая 53%, оказалась в 1,4 раза меньше.

Домохозяйства в сельских поселениях лучше оснащены такими инновационными устройствами, как спутниковая антенна: доля таковых составила 55,5% по сравнению с 18,8% домохозяйств, проживавших в городских поселениях. Но это не может служить характеристикой инновационности быта, а лишь определяет особенности приема телесигнала в сельской местности. По наличию кабельного телевидения соотношение долей было обратным: если в городских поселениях оно имелось у 57,5% домохозяйств, то в сельских – у 14,8%.

В качестве характеристики *инновационности работы* было предложено использовать профессиональную и моральную удовлетворенность занятых. По нашему мнению, этот показатель лучше описывает инновационные аспекты занятости по сравнению с удовлетворенностью заработком, надежностью работы, выполняемыми обязанностями, режимом работы, условиями труда и состоянием до работы. Что же касается предложенных показателей, то соответствующие доли проживающих в городских и сельских поселениях различаются не очень значительно. В первом случае доля получавших профессиональную удовлетворенность от работы составила 66%, а во втором – 60,8%. Что касается испытывавших моральное удовлетворение от выполняемой работы, то эти доли составили соответственно 68,2 и 65,5%.

Важная дополнительная характеристика, использование которой позволяет оценить соответствие систем профессиональной подготовки спросу на рабочую силу определенных специальностей и квалификации – это доля лиц, выполнявших основную работу, полностью соответствующую полученной специальности.

Эти доли также лишь незначительно различались между городскими и сельскими поселениями. Для работающих лиц в возрасте 15 лет они составили соответственно 47 и 45,3%, а доли указавших, что полученное образование или специальная подготовка очень помогают в работе – 65,6 и 67,6%.

По 9,7% респондентов в возрасте от 16 лет и старше как в городских, так и в сельских поселениях, приходилось в 2017 г. заниматься поисками работы или подработки. Эти данные были получены при проведении еще одного обследования Росстата из блока федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, а именно «Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» (КДУ)¹. Проведенное в 2017 г. обследование охватило 48 012 домохозяйств, 33 528, или 69,8%, из которых проживали в городской, а 14 484, или 30,2%, – в сельской местности, а также 115 156 индивидуальных респондентов, включая 77 781, или 67,6%, горожан и 37 274, или 32,4%, жителей сельской местности.

Горожане в большей мере ориентированы на инновационные способы поиска работы с использованием современных информационных технологий. Из искавших работу в городах просматривали объявления об имеющихся вакансиях в Интернете 44,3%, в то время как среди сельских жителей доля таких соискателей оказалась в полтора раза меньше, составив 28,5%. Также заметно выше оказалась доля искавших работу горожан, которые просматривали объявления в средствах массовой информации (26,8 против 19,5%), размещали свои резюме в сети (12,4 против 4,8%), просматривали объявления на сайте «Работа в России» (4,3 против 2%) и размещали объявления в СМИ (2,5 против 1,2%).

В отличие от горожан жители сельских поселений при поиске работы несколько чаще прибегали к таким традиционным способам ее поиска, как обращение в государственную службу занятости (17,3 против 13,7%) и непосредственное обращение к работодателям (30,3 против 26,1%). В целом жители городских поселений были более активными в поисках работы: каждый из искавших ее использовал для этого в среднем 2,02 способа по сравнению с 1,76 способом, к которым прибегали жители сельских поселений.

¹ Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality17/index.html (Вход через Internet Explorer.)

При оценке инновационности *медицинского обслуживания* целесообразно учитывать не столько оснащенность лечебных учреждений современным оборудованием, сколько конечные результаты работы учреждения. Материалы КОУЖа позволяют это сделать, и ситуация здесь не вполне однозначная. В городских поселениях из общего числа лиц в возрасте 15 лет и более, которые не обращались в медицинские организации при наличии потребности в медицинской помощи, 32,1% не удовлетворяла работа медицинской организации, еще 21,1% не рассчитывали на эффективное лечение. В сельских поселениях эти доли оказались ниже, составив соответственно 19,6 и 18,3%. Распространенность архаичных практик у проживающих в городских и сельских поселениях практически не отличается: доли тех, кто не обращался в медицинские организации, поскольку занимался самолечением, составили соответственно 52 и 55,9%. Очевидно, доступ домохозяйств в селах к современным медицинским технологиям ограничен.

Образовательная компонента инновационности также поддается оценке. В этом отношении жители сельских поселений находятся в депривированном положении. Доля имеющих профессиональное образование среди лиц в возрасте 15 лет и более составила 61,5%, в то время как в городских поселениях эта доля оказалась в 1,2 раза больше, составив 73,3%. Среднее число лет, затраченных лицами в возрасте 15 лет и более на получение профессионального образования или специальности в городских поселениях оказалась незначительно (на 6,1%) больше, чем в сельских поселениях (соответственно 13,77 и 12,98 лет).

По инновационным технологиям образования разрыв между проживающими в городских и сельских поселениях по трем использованным характеристикам оказался незначительным, причем по двум из них – в пользу сельских поселений. Доли респондентов в возрасте 15 лет и более, обучающихся в общеобразовательных организациях в городских и сельских поселениях, которые отметили наличие компьютерного класса, составили соответственно 96 и 95,8%, доступа к сети Интернет – 85,8 и 90,3%, интерактивных досок – 58,8 и 59,6%. По остальным четырем характеристикам сельские общеобразовательные организации статистически заметно проигрывают городским по наличию собственного сайта (соответствующие доли респондентов составили соответственно 57,1 и 50,1%), программ с использованием дистанционных технологий (35,1 и 25,6%), электронной библиотеки (32,1 и 21,3%), а также электронных дневников учащихся (73,7 и 55,8%).

Одним из условий адаптации населения к инновациям является повышение образовательного ценза граждан. Намерения проживающих в городских и сельских поселениях по продолжению своего обучения практически не отличались: 45,4% горожан и 46,3% селян в возрасте от 15 до 55 лет (женщины) и 60 лет (мужчины)¹, обучавшиеся в образовательных организациях, и не учащаяся молодежь в возрасте до 24 лет ответили, что они собираются продолжать свое обучение, а не собираются – соответственно 30,6 и 29,5%.

Что касается подрастающего поколения – детей в возрасте до 15 лет, обучающихся в общеобразовательных организациях, то намерения родителей по продолжению их образования разнятся. Если в городах 55,6% родителей были ориентированы на продолжение обучения детей в образовательных организациях высшего профессионального образования, то в сельских поселениях доля таких родителей составила 40,2%, или в 1,4 раза меньше. Доли родителей, ориентированных на продолжение обучения детей в образовательных учреждениях начального или среднего профессионального образования, находились в обратном соотношении, составив соответственно 17 и 23,6%.

Однако в целом приходится констатировать, что жители сельских поселений существенно хуже по сравнению с горожанами подготовлены к использованию современных *информационных технологий*. Если в городских поселениях 74,4% респондентов в возрасте 15 лет и старше имели навыки практической работы с персональным компьютером, то в сельских поселениях – всего 57,3%, или в 1,3 раза меньше. Возможностью выхода в Интернет располагали 75,6% горожан по сравнению с 56,7% сельских жителей. При этом частота выхода в Интернет также заметно варьировала. Из общего числа имевших возможность выхода в Интернет жителей городских поселений 66,5% реально выходили в него каждый или почти каждый день, в то время как среди жителей сельских поселений эта доля оказалась в 1,2 раза меньше, составив 56,3%.

Интересны результаты анализа целей использования Интернета, которые заметно различались между городскими и сельскими поселениями (табл. 1).

¹ С повышением пенсионного возраста в РФ с 1 января 2019 г. в дальнейшем возрастные границы опрашиваемых, по-видимому, будут установлены на уровне 60 лет (женщины) и 65 лет (мужчины).

Таблица 1

Цели выхода респондентов в Интернет, %¹

Цели	Населенные пункты		Разность (гр. 2 – гр. 3), п.п.
	Городские	Сельские	
1	2	3	4
Общение в социальных сетях для поддержания личных контактов и обмена информацией, переписка с родными и близкими	78,9	75,0	3,9
Прочтение новостной информации, статей	62,2	34,3	27,9
Скачивание фильмов, музыки и игр, сетевые игры и др.	49,6	46,8	2,8
Осуществление финансовых операций (оплата услуг, перевод денег)	35,2	16,8	18,4
Поиск информации о товарах и услугах для повседневной жизни, заказ товаров (бронирование мест), подача собственных объявлений о продаже личных вещей и имущества	32,4	20,0	12,4
Пользование электронными библиотеками, энциклопедиями, виртуальными экскурсиями и др.	30,1	20,8	9,3
Получение информации, оформление документов на сайтах органов государственной власти, госучреждений и ведомств	18,8	7,7	11,1
Поиск или выполнение оплачиваемой работы, рассылка информации	13,1	6,2	6,9
Обсуждение социальных и политических вопросов, участие в интернет-акциях, опросах общественного мнения и др.	9,7	4,8	4,9
Дистанционное обучение по обязательной или дополнительной программе	5,3	6,5	–1,2
Другие цели	12,2	13,8	–1,6
<i>Справочно.</i> Количество целей выхода в Интернет в расчете на одного пользователя, ед.	3,47	2,57	–

¹ Респонденты могли указывать несколько целей выхода в Интернет, поэтому суммы по столбцам 2 и 3 превышают 100%.

Источник: составлено по данным КОУЖ-2016.

Во-первых, видно, что горожане использовали Интернет для достижения значительно большего числа целей по сравнению с сельскими жителями (см. последнюю строку табл. 1).

Во-вторых, в городских поселениях жители в существенно большей степени рассматривали Интернет как средство внедрения инноваций в свой быт. Так, доля горожан, которые указали, что в Интернете они осуществляют поиск или выполнение оплачиваемой работы и рассылают информацию, превысило долю таких пользователей Интернета в сельских поселениях в 2,4 раза. Аналогичные разрывы в пользу горожан составили: в области проведения финансовых операций – 2,1 раза, поиска информации о товарах и услугах для повседневной жизни, заказа товаров и их продажи – 1,6 раза, пользования электронными библиотеками, энциклопедиями, виртуальными экскурсиями – 1,4 раза. Единственная позиция в инновационном блоке использования Интернета, где доля жителей сельских поселений превосходила долю горожан – это дистанционное обучение по обязательной или дополнительной программе. Но эти доли сами по себе и в том, и в другом случаях незначительны и находились на периферии основных целей пользователей Интернета.

В-третьих, что касается целей использования Интернета, которые могут быть условно определены как «бытовые» (общение в социальных сетях для поддержания личных контактов и обмена информацией, переписка с родными и близкими; скачивание фильмов, музыки и игр, сетевые игры и т.п.), то здесь разрыв между городскими и сельскими жителями незначителен.

Наконец, в-четвертых, жители городских поселений в большей степени вовлечены в общественно-политическую жизнь страны: доля участвовавших в обсуждении социальных и политических вопросов, в интернет-акциях, опросах общественного мнения и т.п. в два с лишним раза превышала эту долю у сельских жителей.

Разрыв в возможностях использования Интернета между городскими и сельскими подростками оказался не принципиальным, но тем не менее статистически заметным. Из проживающих в городских поселениях детей в возрасте от 9 до 14 лет, обучающихся в общеобразовательных организациях, 91,7% имели навыки практической работы с персональным компьютером, в то время как в сельских поселениях их оказалось 81,7%, или на 12,2% меньше. При этом доля имевших возможность выхода в Интернет домохозяйств, в которых проживают городские подростки, составила 92,7%, а сельские – 71,9, или на 28,9% меньше. В то же время

разрыв между числом реально выходивших в Интернет подростков оказался еще больше: если в городских поселениях их доля составила 80,3%, то в сельских поселениях – 63,9, или на 25,7% меньше. Однако важно, что в контексте использования инновационных технологий в текущем образовательном процессе и подготовки к последующему образованию различий практически нет. Так, в городах 73,5% детей в возрасте от 9 до 14 лет, выходивших в Интернет, использовали его для подготовки к урокам и школьным проектам, в то время как в сельских поселениях эта доля оказалась лишь незначительно меньше, составив 72,8%.

Материалы КОУЖ позволяют также оценить то, что можно условно определить как инновационность населенных пунктов, их соответствие современным условиям проживания. В качестве соответствующего показателя используются доли респондентов, которые указали на отсутствие проблем, связанных с условиями проживания в своих населенных пунктах (на этот вопрос отвечали респонденты от 15 лет и старше). В городских поселениях таковых оказалось 19,7%, а в сельских – 13,7%. Структуры относительной значимости отмеченных проблем, которые условно разделены нами на проблемы инновационного характера и общие проблемы, различаются между городскими и сельскими поселениями (табл. 2).

Таблица 2

**Основные проблемы населенных пунктов,
отмеченные респондентами, %¹**

Проблемы	Населенные пункты		Разность (гр. 2 – гр. 3), п.п.
	Городские	Сельские	
1	2	3	4
<i>Проблемы инновационного характера</i>			
Состояние дорог, безопасность дорожного движения	66,5	65,7	0,8
Загрязненность окружающей среды	45,7	24,2	21,5
Плохая организация работы жилищно-коммунальных служб	41,2	36,9	4,3
Общая неблагоустроенность, недостаточность озеленения	37,2	28,4	8,8
Большая отдаленность мест проведения отдыха и досуга	32,7	53,0	–20,3
Большая отдаленность учреждений культуры	30,2	35,7	–5,5

Проблемы	Населенные пункты		Разность (гр. 2 – гр. 3), п.п.
	Городские	Сельские	
1	2	3	4
Большая отдаленность объектов для занятий физкультурой и спортом	27,8	51,5	–23,7
Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере медицинского обслуживания	23,1	37,2	–14,1
Плохая организация работы общественного транспорта	19,9	39,4	–19,5
Большая отдаленность аптек	10,1	47,6	–37,6
Недоступность государственных и муниципальных услуг в сфере дошкольного и школьного образования	9,8	17,2	–7,4
Большая отдаленность торговых точек	8,0	21,3	–13,3
<i>Общие проблемы</i>			
Распространение алкоголизма	39,0	31,8	7,2
Вандализм (умышленные разрушения в общественных местах и жилых домах)	28,6	8,5	20,1
Распространение наркотиков	27,1	9,7	17,4
Высокий уровень преступности	13,4	4,3	8,9
Другие проблемы	21,5	18,6	2,9
<i>Справочно.</i> Среднее число проблем, отмеченных респондентом, – всего (ед.),	4,82	5,31	–
– из них проблем инновационного характера (ед.)	3,52	4,59	–
– общих проблем (ед.)	1,30	0,73	–

¹ Респонденты могли указывать несколько проблем, поэтому суммы по столбцам 2 и 3 превышают 100%.

Источник: составлено по данным КОУЖ-2016.

Видно, что большинство сельских жителей волновали проблемы, связанные именно с низким инновационным потенциалом населенных пунктов, в которых они проживают. Особенно значимо они проигрывали горожанам по возможностям приобретения лекарств, доступности занятий физкультурой и спортом, мест досуга и отдыха, транспортному обслуживанию. Однако городские поселения – и это можно было предположить изначально – значительно проигрывали сельским по показателям загрязненности окружающей среды.

С другой стороны, в сельских поселениях существенно меньше распространены такие неизбежные спутники городской жизни, как алкоголизм и наркомания. Меньшую озабоченность их жителей вызывали преступность и вандализм. Иными словами, оказалось, что архаичные формы повседневной жизни в сельских поселениях сочетались с относительно меньшей распространенностью антисоциальных форм поведения.

Инновационные характеристики образа жизни определяются в том числе вовлеченностью респондентов в различные способы позитивного проведения свободного времени. По данным КОУЖ оказалось, что за последние 12 месяцев посетили хотя бы одно культурно-развлекательное мероприятие 59,9% горожан в возрасте от 15 лет и старше и 44,1% жителей сельских поселений той же возрастной группы: кинотеатр – соответственно 40,9 и 22,3%, театр – 21,3 и 7,1%, концерт – 25,7 и 25,2%, какое-либо спортивное мероприятие в качестве зрителя – 18,8 и 16,8%, художественную выставку, музей – 15,7 и 6,3%. По всем позициям распространенность инновационной компоненты среди горожан больше, чем у жителей сельских населенных пунктов. В среднем на каждого горожанина пришлось 1,83 посещения перечисленных объектов и мероприятий, а на сельского жителя – 1,22, или на 1/3 меньше.

К этой же группе показателей, характеризующих участие населения в инновационных формах проведения свободного времени, относится участие граждан в туристических или экскурсионных поездках. По данным КОУЖ, доля респондентов в возрасте от 15 лет и более, совершивших за последние 12 месяцев туристическую или экскурсионную поездку и проживающих в городских поселениях, составила 39,1%, в то время как в сельских поселениях – 22,2%, или на 3/4 меньше.

Довольно любопытные результаты были получены при выяснении вопроса, каким образом молодежь (респонденты в возрасте от 15 до 23 лет) проводят свое свободное время и насколько продуктивно это времяпрепровождение. Основное различие между респондентами (из выборки обоснованно были исключены лица данной возрастной категории, которые обучались по программам подготовки кадров высшей квалификации) состояло в том, что в сельских поселениях по сравнению с городскими существенно выше оказалась доля тех, кто использует свое свободное время на занятие домашними делами. Эта доля составила у них 39,2%, в то время как у горожан – 28,3%, или в 1,4 раза меньше. Указанная разница объясняется спецификой организации сельского быта,

требующего большего приложения личных усилий. Кроме того, сельская молодежь в большей мере по сравнению с городской выбирает формы использования свободного времени, которые могут быть условно определены как пассивные: доли просматривающих телепередачи составили соответственно 35,6 и 24,2%, в то время как занимающихся с компьютером (что требует не только пассивного созерцания) – 57,6 и 70,7%. В целом в расчете на одного респондента количество отмеченных способов проведения свободного времени у сельской и городской молодежи не отличаются, составив в среднем соответственно 2,81 и 2,85.

В целом доля населения в возрасте от 15 лет и старше, способного вести активный образ жизни, в городских поселениях составила 54,7%, а в сельских – 46,3%. Однако из таких респондентов только 58,5% горожан и 48,9% селян реально занимались какими-либо активными видами отдыха. И здесь четко видна неготовность инфраструктуры прежде всего сельских поселений к организации подобного отдыха: из общей численности не занимавшихся активным отдыхом в селах 28,8% отметили отсутствие поблизости мест для таких занятий, в то время как в городах эта доля оказалась в 6,4 раза меньше, составив всего 4,5%.

Основной предпосылкой поддержания нормальных условий бытования домохозяйств, использования ими в повседневной жизни инновационных технологий является наличие необходимых финансовых ресурсов. Обследование показало, что для большинства домохозяйств как в городских, так и в сельских поселениях они оказались недостаточны. Только 17,3% городских домохозяйств указали, что они могут свести концы с концами при покупке самого необходимого очень легко, легко и сравнительно легко (из них очень легко и легко – всего 3,1%). Доли таких домохозяйств в сельских поселениях оказались еще ниже, составив соответственно 9,6 и 1,5%.

Финансовые ограничения варьируют по конкретным видам расходов, причем домохозяйства в сельских поселениях сталкиваются с ними во всех без исключения случаях в большей мере, чем домохозяйства в городах. Так, имели возможность заменить пришедшие в негодность предметы мебели 31,7% домохозяйств в сельской местности и 39,5% домохозяйств в городах; каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома – соответственно 27,9 и 42%; покупать каждому члену семьи две пары подходящей по сезону обуви – 42,2 и 52,8%; справиться с непредвиденными расходами по ремонту жилья – 47,1 и 55,3%; приглашать гостей на

семейное торжество – 65,3 и 72,1%; покупать фрукты в любое время года – 65,4 и 77,3%; оплачивать жизненно необходимые лекарственные препараты – 84,6 и 87%; менять членам семьи одежду на новую по мере износа – 84,5 и 85,9%; два раза в неделю употреблять в пищу блюда из мяса, птицы или рыбы или равноценную вегетарианскую пищу – 89,8 и 92,1%.

Эти данные корреспондируют с результатами еще одного обследования, проводимого Росстатом, – «Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств» (ОБДХ)¹, в ходе которого в 2017 г. были обследованы 48 075 домохозяйств, включая 33 550 проживавших в городской и 14 525 – в сельской местности. Оказалось, что домохозяйства в сельских поселениях в целом беднее домохозяйств в городских поселениях, что, безусловно, ограничивает их возможности к внедрению инноваций в свою повседневную жизнь. Так, не хватало денег даже на еду 1,2% домохозяйств в сельских поселениях и 0,8% – в городской местности; денег хватало на еду, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги было затруднительно соответственно для 19,6 и 19% домохозяйств соответственно; денег хватало на еду и одежду, но не могли себе позволить покупку товаров длительного пользования – 56,3 и 47,4%; денег хватало на еду, одежду и товары длительного пользования, но не могли себе позволить покупку автомобиля, квартиры, дачи – 21 и 28,4%; а средств было достаточно, чтобы купить все, что считают нужным, – всего у 1,5% домохозяйств в сельских поселениях и у 3,3% домохозяйств в городских поселениях.

В последнее время в России во все большей степени осознается необходимость реализации концепции инклюзии лиц с ограниченными возможностями здоровья², получившей распространение в экономически развитых странах. Отметим, что в советский период доминировал иной подход, предусматривавший создание изолированных сообществ для инвалидов, минимально пересекавшихся с сообществами здоровых людей. Новый подход позволяет лицам с ограниченными возможностями здоровья чувствовать себя не изгоями, а равноправными членами социума [Афонькина А.Ю., 2015].

¹ Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/9416e1004017ce639c45fec7692f4691

² Этот термин в настоящее время представляется более корректным по сравнению с термином «инвалид».

Одним из необходимых условий инклюзии является использование так называемых ассистивных технологий, включая специальные технические устройства, которые позволяют лицам с ограниченными возможностями здоровья адаптироваться к внешней среде. Наличие таких средств может рассматриваться как одна из характеристик *инновационности жизни данной категории населения*. По данным КДУ, в 2017 г. из общей численности лиц старше трудоспособного возраста и инвалидов всех возрастных групп в городских поселениях 46,7% нуждались в повседневной жизни в каких-либо приспособлениях (технических средствах), а в сельских поселениях – 40,1%. Респонденты отметили высокие уровни обеспеченности такими средствами нуждающихся в них, практически не различающиеся между городскими и сельскими поселениями (соответственно 87,1 и 86,1%). Удовлетворенность этими приспособлениями также оказалась достаточно высокой: в городах ими были полностью удовлетворены 86,7% пользователей, а в сельских поселениях – 86,1%.

Из нуждающихся в повседневной жизни в каких-либо средствах ухода и / или медицинской реабилитации (доли таковых среди лиц старше трудоспособного возраста и инвалидов всех возрастных групп составили соответственно 39,2 и 34%) в городских поселениях ими были обеспечены в полном объеме 83,3%, а в сельских – 78,2%. Разница по сравнению с уровнем обеспеченности техническими средствами оказалась несколько выше, но не имела принципиального характера. Доли полностью удовлетворенных имеющимися средствами ухода и медицинской реабилитации составили соответственно 84,6 и 85,4%.

Существенно хуже оказалась ситуация с жилищными условиями домохозяйств, которые состоят из лиц, имеющих право на социальное обслуживание по возрасту и / или по инвалидности. Лишь 40,4% тех из них, которые проживали в многоквартирных домах в сельских поселениях, отметили, что не нуждаются в улучшении качества занимаемого жилья (а именно: не требовалось сделать текущий или капитальный ремонт в квартире, поменять что-либо из оборудования, утеплить квартиру, осуществить какой-либо иной вид благоустройства). В городах эта доля оказалась выше, но была только немногим больше половины, составив 50,4%. Что касается проживающих в индивидуальных домах, то доля отметивших, что их дома не нуждаются в ремонте, тоже оказалась немногим больше половины: в городских поселениях она составила 56,8%, а в сельских – 51,9%.

В 2014 г. было проведено еще одно обследование из блока федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, а именно «Использование суточного времени населения» (ВНИСФ)¹, охватившее 9996 домохозяйств, 7210, или 72,1%, из которых проживали в городской, а 2786, или 27,9%, – в сельской местности, а также 23 229 человек индивидуальных респондентов. Результаты обследования позволяют проанализировать структуру использования суточного фонда времени в контексте инновационности (табл. 3).

Видно, что основные различия между жителями в городских и сельских поселениях состоят, во-первых, в том, что в последних в структуре суточного времени выше доля тех позиций, которые связаны с работой в самом домохозяйстве. Так, если у сельских жителей – мужчин суммарная доля времени, затраченного на оказание неоплачиваемых бытовых услуг для собственного конечного использования в рамках домохозяйства и оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства составила 17,9%, то у жителей городов – 7,9%, или в 2,3 раза меньше. У женщин соответствующие показатели также различались в 2,3 раза, составив соответственно 20 и 8,6%. Подобного рода времяпрепровождение вряд ли может быть отнесено к инновационному.

Во-вторых, горожане по сравнению с жителями сельских поселений отдают больше времени работе в различных институциональных структурах формального сектора экономики. У мужчин эти доли составили соответственно 20,5 и 17,4%, а у женщин – 14,7 и 10,9%.

В-третьих, оказалось, что ресурсы свободного времени, которое могло быть использовано в том числе и для освоения инновационных практик в повседневной жизни как индивидуумов, так и домохозяйств в целом, у горожан оказались несколько, хотя и не принципиально больше, чем у проживающих в сельской местности. У мужчин его доли в структуре суточного времени составили соответственно 16,7 и 15,2%, а у женщин – 13,8 и 12,8%. Заметим, что эти цифры являются также одним из свидетельств гендерной депривации женщин, которая наблюдается вне зависимости от типа поселения, в котором они проживают.

¹ Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/index.html

Таблица 3

**Структура суточного времени респондентов
в среднем за день недели в 2014 г., %**

Статья затрат времени	Мужчины в возрасте 15 лет и более		Женщины в возрасте 15 лет и более	
	Городские поселения	Сельские поселения	Городские поселения	Сельские поселения
Сон, прием пищи и уход за собой	48,9	49,5	49,7	49,6
Работа на предприятиях, в организациях, собственном бизнесе, некоммерческих учреждениях и органах государственного управления (в формальном секторе экономики)	20,5	17,4	14,7	10,9
Свободное время	16,7	15,2	13,8	12,8
Оказание неоплачиваемых бытовых услуг для собственного конечного использования в рамках домохозяйства	6,3	7,2	13,7	15,2
Оказание платных услуг	1,8	1,3	1,0	1,3
Обучение	1,7	2,0	1,5	1,6
Оказание неоплачиваемых услуг по уходу за членами домохозяйства	1,6	1,4	4,2	4,8
Деятельность по производству первичной продукции	1,1	4,6	0,5	2,7
Деятельность в области строительства	0,7	0,7	0,0	0,0
Оказание услуг лицам, не являющимся членами домохозяйства, без оплаты; участие в общественных мероприятиях	0,5	0,4	0,5	0,5
Деятельность по производству продукции, не являющейся первичной	0,2	0,3	0,4	0,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: составлено по данным ВНИИСФ-2014.

Заключение

Обработка данных статистических обследований населения, проводимых Росстатом, подтвердила изначальную гипотезу о заметных различиях распространенности конкретных инновационных практик в повседневной жизни жителей в городских и сельских поселениях страны.

В депривированном положении оказываются сельские жители России. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, особенностями сельского уклада жизни, носящего во многих сельских поселениях страны явные признаки архаики и внутриселенческой замкнутости экономических и социальных связей. Во-вторых, неразвитостью сферы услуг, вынуждающей жителей заниматься самообслуживанием. В-третьих, относительно слабым по сравнению с городами проникновением в села структур формального сектора экономики, особенно тех из них, которые являются носителями инновационных технологий. В-четвертых, меньшими ресурсами свободного времени у жителей сельских поселений.

Таким образом, актуальным является вопрос об оценке перспектив сокращения разрывов между сельскими и городскими жителями в использовании инновационных решений в их повседневной жизни. Если соответствующие решения не будут найдены, то в перспективе по-прежнему сохранятся «две России», разорванные не столько территорией, сколько технологическими укладами.

Решение проблемы может происходить как естественным, так и искусственными путями. Естественный путь заключается в постепенном сокращении численности сельского населения, переезде сельских жителей на постоянное место жительства в города с приобщением переехавших к городским практикам. Но в настоящее время этот ресурс практически исчерпан: если за период с 1917 по 1989 г. доля сельского населения в стране сократилась с 83 до 27%, то в дальнейшем она стабилизировалась на уровне 26–27% [Российский статистический..., 2018].

В этих условиях остается искусственный путь внедрения инноваций в сельские поселения. Одним из вариантов является размещение в сельской местности современных производств, использующих инновационные технологии. Однако пока этот вариант не получил широкого распространения: эффективность существующих рабочих мест, если оценивать ее по размеру заработной платы, существенно ниже именно в сельской местности. Это под-

тверждается, в частности, различиями в величине душевых денежных доходов, которые, по данным ОБДХ, составили в 2017 г. в городской местности 27,2 тыс. руб., а в сельской – 18,3 тыс. руб., или 67,3% от их величины в городах. Хотя данное соотношение и меняется с течением времени, но очень медленно (например, в 2010 г. соотношение составляло 58,9%). В любом случае последствия соответствующих решений проявляются только в отдельных сельских локациях.

Другим вариантом является проживание в сельской местности физических лиц – потребителей услуг селян. Достаточно распространен вариант, когда сельские поселения трансформируются в поселки так называемых «дальних дач», владельцы которых приносят в сельскую жизнь городские практики [Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., 2016]. Гораздо более редким является такой вариант, как своеобразная «креституция», т.е. выкуп и восстановление национализированных семейных усадеб потомками их владельцев [Покровский Н.Е., 2017]. Примером является усадьба Хвалевское (село Борисово-Судское, Вологодская область), выкупленная в 2009 г. потомками прежних владельцев.

Наконец, доступ населения в сельской местности к инновационным практикам обеспечивается отсутствием технологических ограничений в дистанционном доступе к информационным ресурсам.

Возможности использования инновационных практик во многом зависят от характеристик домохозяйства и конкретного респондента. Невосприимчивые к инновациям индивидуумы имеются не только в сельских, но и в городских поселениях. Другое дело, что в сельской местности их доля выше, что объясняется особенностями быта в селах. Поэтому неизбежно сохранение и в будущем «двух России» – развивающейся инновационной «городской» и отстающей по инновационным показателям «сельской», несмотря на возможное сокращение разрывов между ними.

Список литературы

1. Афонькина А.Ю. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Современные исследования социальных проблем: (электронный журнал). – 2015. – № 11 (55). – С. 149–162. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnaya-inklyuziya-lits-s-invalidnostyu-i-problema-chelovecheskogo-dostoinstva>

2. Желнина Е.В. К вопросу о факторах сопротивления инновациям (по результатам социологического исследования) // Территория науки: Мультидисциплинарный научно-практический журнал. – Воронеж, 2017. – № 6. – С. 40–45. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-faktorah-soprotivleniya-innovatsiyam-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-issledovaniya>
3. Желнина Е.В., Ростова А.В. Инновационная открытость населения: концептуализация понятия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 9, сентябрь. – С. 193–198. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/16204.htm>
4. Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 4. – С. 6–30.
5. Покровский Н.Е. Историческая память как фактор укрепления социальной сплоченности в малых сообществах (кейс-стади проекта «Усадьба Хвалевское» в Вологодской области) // Социологический ежегодник 2017. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 64–79.
6. Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Горизонтальная мобильность: урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества // Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества / под ред. В.И. Ильина и Н.Е. Покровского. – М.: Университетская книга, 2016. – С. 33–56.
7. Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/food18/Files/04_%D0%9F%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%9E%D0%92%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95%20%D0%BE%D1%82%2027.11.10%20%E2%84%96%20946.pdf
8. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 694 с. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/year/year18.pdf

Е.А. Пехтерева*

**ИННОВАЦИИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ И ПРАКТИКА
ИХ ПРИМЕНЕНИЯ: ТЕХНОЛОГИЯ БЛОКЧЕЙН
И КРИПТОВАЛЮТА В РОССИИ**

Аннотация. Рассматриваются блокчейн-технология как перспективная инновация и направления ее применения в отечественной экономике, практика использования цифровых денег и цифровых активов. Задаются проблемы регулирования виртуальных финансов в России.

Ключевые слова: криптовалюта; биткоин; технология блокчейн; майнинг; ICO.

Е.А. Pekhtereva

**Innovation in the financial sector and practical life:
The blockchain technology and cryptocurrency in Russia**

Abstract. Blockchain technology is regarded as a promising innovation, the directions of its application in the domestic economy are shown. The use of digital money and digital assets is also considered. The problems of regulation of virtual finance in Russia are touched upon.

Keywords: cryptocurrency; bitcoin; blockchain technology; mining; ICO.

* Пехтерева Елена Александровна, кандидат экономических наук, ведущий редактор Отдела экономики ИНИОН РАН.

Pekhtereva Elena Aleksandrovna, candidate in economic sciences, leading editor of the Department of economics at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Блокчейн-технология: Направления использования

Российские власти и отечественные деловые круги проявляют очень большой интерес к блокчейн-технологии¹, которая находит применение во многих сферах экономики. Результаты международного исследования компании Deloitte, в ходе которого было опрошено больше 1 тыс. респондентов – руководителей высшего звена из семи стран² и девяти отраслей³, показали, что, несмотря на проблемы с регулированием, технология блокчейн становится глобальной. 74% руководителей компаний заявляют, что использование блокчейна в их компании имеет «убедительное экономическое обоснование», и многие из них уже применяют эту технологию. Так, 34% респондентов отмечают, что их компании в том или ином виде используют блокчейн в работе, и еще 41% – что их организации внедрят блокчейн в ближайшее время. По оценке Bank of America, глобальный рынок блокчейна может достичь объема в 7 млрд долл. – одновременно в нем будет задействовано 2% всех серверов в мире [Разумный Е., 2018].

Особое внимание этой технологии уделяют банки, несмотря на то что блокчейн теоретически способен заменить их как посредников, например в денежных переводах. Этот интерес объясняется тем, что, по признанию президента и председателя правления Сбербанка Г. Грефа, блокчейн-технология способна перевернуть все сферы жизни, в частности государственное регулирование и финансы [Носов Н., 2016 а]. Консалтинговая компания Deloitte квалифицирует блокчейн как «возможно, самую важную инновацию из всех» инноваций в финансовой сфере. По мнению ее аналитиков, у технологии есть потенциал изменить рынок платежей, который оценивается в 26 трлн долл. в год, за счет ускорения сделок, сокращения операционных издержек и устранения посредников [Государственные валюты..., 2017].

В Центральном банке России (ЦБ РФ) в 2015 г. была создана рабочая группа для изучения возможности использования техно-

¹ Подробнее об особенностях функционирования блокчейн-технологии см.: Пехтерева Е.А. Перспективы использования технологии блокчейн и криптовалюты в России // Экономические и социальные проблемы России. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – № 1. – С. 71–95.

² Канада, США, Мексика, Великобритания, Германия, Франция, Китай.

³ Финансы – 23%, технологии, медиа и телекоммуникации – 18, производство – 14, другое – 10, нефть и газ – 7, автомобильный сектор – 6, биотех и фарма – 5, публичный сектор – 4, еда – 3%.

логии блокчейн. Большое внимание уделяется этому вопросу и в Сбербанке. Он начал применять технологию блокчейн при управлении счетом через доверенность (выдача доверенности, ее отзыв, поиск доверенностей и работа со счетом на основании доверенности) еще в декабре 2015 г. В сентябре 2016 г. дочерняя компания Сбербанка «Деловая среда» провела первую международную сделку на основе блокчейна.

Для формирования идей по развитию банковских технологий на базе блокчейна, созданию прототипов новых банковских продуктов, реализации пилотных проектов и разработке прикладных бизнес-решений для группы Сбербанк в 2018 г. была создана блокчейн-лаборатория. Она также предназначена для популяризации блокчейна и подготовки образовательных программ в этой сфере.

Сбербанк вошел в несколько консорциумов, занимающихся развитием блокчейн-технологии. В сентябре 2016 г. он присоединился к международному блокчейн-консорциуму Hyperledger, в котором участвуют крупнейшие игроки мирового финансового рынка и ведущие ИТ-компании (например, London Stock Exchange, SWIFT, «Московская биржа», IBM, Cisco, Intel и др.). В октябре 2016 г. Сбербанк участвовал в первых транзакциях между банками в ходе тестирования мастерчейн – прототипа блокчейн-сервиса для обмена данными о клиентах.

В 2014–2017 гг. Сбербанк запустил 15 пилотных проектов, связанных с технологией блокчейн. Некоторые из них не получили дальнейшего развития и были закрыты, другие введены в эксплуатацию и приносят пользу. Представитель центра технологических инноваций Сбербанка Д. Булычков отметил, что Сбербанк стремится применить технологию блокчейн там, где нужна публичность и возможность доказательства неизменности информации. Внедрение блокчейна позволяет Сбербанку ускорять бизнес-процессы, повышать прозрачность и надежность деятельности. При этом разработка, внедрение и эксплуатация блокчейна стоит дешевле централизованных систем.

Одним из наиболее интересных проектов Сбербанка считается использование блокчейна в эскроу – сервисе, который гарантирует одновременное проведение всех транзакций, например, при покупке квартиры или покупке в Интернете.

Другой интересный и успешный проект Сбербанка связан с документооборотом. В середине октября 2016 г. Сбербанк и ФАС России запустили пилотный проект Digital Ecosystem по обмену документами на основе технологии блокчейн, которая повышает

скорость, надежность и качество взаимодействия в этом процессе. Благодаря блокчейну документы можно передавать и хранить в зашифрованном виде, а также использовать электронную подпись. В проекте также участвуют компании «Аэрофлот», «Русский уголь», «ФортеИнвест». Несмотря на закрытую блокчейн-систему, новые члены к ней будут добавляться, а участники смогут предоставлять сервисы и для сторонних компаний.

Важный проект реализуется дочерней компанией Сбербанка «Сбербанк Факторинг» и «М. Видео». Компании протестировали загрузку реестра поставок, шифрование данных (хэширование), их последующую проверку и хранение по технологии блокчейн. Сведения о поставках, которые загружает в систему «М. Видео», сверяются с данными компании «Сбербанк Факторинг» для последующего финансирования сделок. Из процесса подтверждения поставок исключен человеческий фактор – сверка коммерческих данных происходит автоматически. Если данные совпадают у обоих участников, сделка подтверждается. Информирование по обязательствам поставщика перед дебитором осуществляется день в день. Ежедневно сверяется до 1000 поставок, сумма сверок достигает 2,5 млрд руб. Время сверки при этом сокращено с 2 дней до 1 часа. Так технология блокчейн позволяет ускорить процесс сверки данных и исключить риск утечки коммерчески важных материалов [Носов Н. Блокчейн..., 2017].

В числе работающих проектов Сбербанка – обмен информацией между банками о мошенниках. Централизованную систему для этого построить не удалось, а децентрализованный подход по технологии блокчейн банки восприняли положительно. В обмене данными о мошенниках с использованием блокчейн участвует несколько банков и некоторые операторы связи.

Однако пока Сбербанк использует блокчейн только для работы с документами, а не с денежными транзакциями, поскольку в настоящее время нет соответствующих законодательных норм и инфраструктуры для денежных транзакций [Блокчейн в Сбербанке, 2018].

Блокчейн уверенно завоевывает позиции в различных деловых и управленческих сферах. Минэкономразвития вместе с Внешэкономбанком (ВЭБ) тестируют технологию блокчейн в закупочной деятельности, апробируя, например, возможность автоматического возврата залога участникам торгов. По мнению специалистов, при использовании этой технологии за счет автоматизации процессов и минимизации человеческого фактора сделки станут прозрачными,

увеличится скорость закупок, существенно повысится эффективность в этой сфере [Минэкономики начало..., 2018].

Все больше российских компаний приходят к пониманию удобства и эффективности применения в своей деятельности технологии блокчейн. Авиакомпания S7 и «Альфа-банк» создали блокчейн, которым пользуются авиакомпания и агенты-посредники по продаже билетов. Результатом стало значительное сокращение времени расчетов посредников с S7. Если раньше компания сначала распределяла агентам определенное количество билетов, а сверку и расчет производила раз в неделю, то теперь все операции производятся в режиме реального времени. Это снижает уровень дебиторской задолженности для S7, позволяет банку оперативно отслеживать все платежные операции между авиакомпанией и ее агентами по продаже билетов. Также S7 Airlines и «Альфа-банк» провели первую в России сделку по оплате услуг через аккредитив с использованием смарт-контрактов на основе технологии блокчейн. Процесс закрытия аккредитива был уменьшен с пяти дней до трех часов [Блокчейн банков, 2017].

Мэрия Москвы совместно с Росреестром начали внедрять блокчейн-технологию при регистрации сделок с недвижимостью [Минэкономики начало..., 2018]. В ноябре 2017 г. был запущен блокчейн в проекте «Активный гражданин». Таким образом, распределенные реестры (блокчейн) входят в повседневную практику.

В целом специалисты приходят к выводу, что блокчейн – это реальный инструмент повышения эффективности взаимодействия между участниками рынка, помогающий бизнесу решить проблему доверия между партнерами и сэкономить на посредниках. Он может существенно изменить многие области бизнеса, относящиеся к финансовому рынку, к классической деятельности банков и их клиентов. Внедрение технологии блокчейн в банковскую практику обеспечивает не только будущее банковской сферы России, но и будущее экономики страны в целом [Сбербанк запустил..., 2017].

Кроме укрепления доверия и ухода от посредников, развитие и применение технологии блокчейн предоставляет бизнесу и обществу в целом такие возможности, как защита интеллектуальной собственности посредством блокчейн-регистраторов; создание реестра статуса владения и обслуживания устройств, составляющих Интернет вещей; хранение интеллектуальных (умных, смарт) контрактов; открытие рынков для производителей любого размера и типа; обеспечение прозрачности в глобальных цепочках поставок продукции потребителю [Маккендрик Д., 2016].

Особенности рынка криптовалют

Особым направлением применения технологии блокчейн сегодня является добыча (майнинг) криптовалюты. В этом случае блок в цепи содержит не сведения о транзакциях, а условленное количество единиц (монет) криптовалюты. Первоначально процесс майнинга криптовалюты был относительно простым и быстрым, и заниматься им мог любой человек при наличии мощного компьютера. Но постепенно, по мере роста добычи криптовалюты, этот процесс усложнялся. Сегодня для майнинга криптовалют создаются так называемые майнинг-фермы, предназначенные для генерации новых блоков криптовалюты. Они оснащаются специализированным вычислительным оборудованием и должны иметь доступ к источникам электроэнергии (процесс майнинга очень энергозатратен).

Самой известной и популярной является первая криптовалюта – bitcoin, который появился в 2009 г. Название биткойн сложилось из сочетания двух английских слов: bit – единица измерения информации и coin (монета). Система добывания биткойна была разработана анонимным программистом либо группой людей, целью которых было создать принципиально новую независимую систему финансовых расчетов. Все операции в этой системе должны были быть мгновенными, невозвратными и абсолютно прозрачными, чтобы все пользователи могли беспрепятственно отследить любую транзакцию. Для предотвращения обесценения биткойна в программный код системы были внесены условия добычи новых монет, предусматривавшие лимит в 21 млн биткойнов. Однако предотвратить обесценение биткойна не удалось, поскольку любая криптовалюта в условиях относительно узкого рынка очень волатильна, в большой степени зависит от действий регуляторов и атак спекулянтов. Биткойн не стал исключением [Пехтерева Е.А., 2018, с. 78–79].

Многие специалисты считают, что криптовалюты нельзя считать деньгами, поскольку они не обеспечены материальными активами. Другие эксперты говорят о том, что обычные деньги самостоятельной стоимости также не имеют. И государство опасается, что криптовалюты, которые по крайней мере обеспечены затратами вычислительных мощностей и электроэнергии, имеющие встроенные ограничения на эмиссию, могут стать конкурентами национальных денег.

Особую озабоченность, связанную с криптовалютами, вызывает анонимность транзакций, которая теоретически может привести к финансированию терроризма и отмыванию денег. Спецслужбы, однако, способны отследить цепочку операций в криптовалюте, если злоумышленник хоть раз раскроет свою связь с конкретным электронным адресом или электронным кошельком. А вот наличные деньги являются полностью анонимными, и преступники используют в основном их.

В рейтинге опасений Международной группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег ФАТФ (Financial Action Task Force – FATF)¹, связанных с финансированием терроризма, криптовалюты занимают последнее место. Такую позицию разделяет и МВФ. В России эксперты предлагают просто запретить анонимные электронные кошельки и ввести обязательную идентификацию их владельцев, что сделало бы все сделки, включая сделки с криптовалютами, прозрачными.

Представляются и сильно преувеличенными опасения государства в части соперничества криптовалют с реальными деньгами. Даже самая популярная криптовалюта – биткоин, не может сейчас выступать реальным средством сбережения и расчетов из-за своей высокой волатильности, результатом которой стал его обвал в 2018 г.

При «рождении» в 2009 г. биткоин стоил 1 долл. США, в 2015 г. за него давали 200 долл., а за 2017 г. его курс вырос более чем в 20 раз, достигнув максимума в декабре 2017 г. – более 20 тыс. долл. Затем началось его снижение [Носов Н., 2016 б; Гордеев В., Литова Е., 2018]. Инвесторы в криптовалюту по итогам 2018 г. могли лишь фиксировать убытки: биткоин за год подешевел в 4,4 раза, с 17 161 долл. на 31 декабря 2017 г. до 3862 долл. на 27 декабря 2018 г. Критики криптовалюты предрекали ее крах заранее. Так, глава PayPal Д. Шульман высказывал мнение, что волатильность криптовалюты делает ее фактически непригодной для замены традиционных денег [Казарновский П., Пустякова А., 2019].

Снижение курса биткоина аналитики связывают с политикой ряда государств в сфере крипторегулирования. Например, в Южной Корее с недавних пор для торговли криптовалютой каждый

¹ Межправительственная организация, которая занимается выработкой мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Создана в 1989 г. по решению стран «Большой семерки».

трейдер должен идентифицировать себя с помощью банковского счета. Власти Индии планируют сделать цифровые валюты незаконными в существующей системе платежей. Торговлю криптовалютами также не поддерживают крупные банковские группы – JPMorgan Chase, Bank of America и Citigroup [Биткойн не может выйти из пике, 2018]¹.

При этом нужно иметь в виду, что цена любого актива не может расти постоянно. Сейчас происходит коррекция, и капитализация рынка криптовалют довольно низкая по сравнению с рынком акций – всего около 130 млрд долл., но специалисты считают, что рынок вернется к росту. И. Чанпэн Чжао, основатель крупнейшей криптобиржи мира Binance, полагает, что развитию этого рынка способствовал бы приход институциональных инвесторов. Например, осенью 2018 г. стало известно, что американская финансовая компания Fidelity Digital Assets запускает сервис по холодному хранению криптоактивов (ключи от криптовалютных кошельков клиентов содержатся на серверах, отключенных от Интернета для защиты средств от пропажи). Если Fidelity, в чьем управлении находятся активы на 2 трлн долл., хотя бы 5% своего портфеля перевела в криптовалюты, рынок получил бы колоссальный импульс. Чем больше институциональных инвесторов (инвестфондов, банков, пенсионных фондов, страховых организаций) будет на

¹ В разных странах к криптовалютам относятся по-разному. В 2015–2017 гг. многие страны резко активизировали создание и совершенствование правовой базы для криптовалют и блокчейна. Например, в ЕС криптовалюты признаны договорным средством платежа, т.е. средством платежа между лицами, которые договорились принимать его в таком качестве. Для налоговых целей биткойн было предложено рассматривать как услугу. Тем не менее Европейский центральный банк (ЕЦБ) предостерегает граждан ЕС от вложения средств в криптовалюты, а Европарламент и Европейский совет одобрили требование обязательной идентификации участников криптовалютных бирж. В США регулированием криптовалют занимаются специальное бюро Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN), Комиссия по торговле товарными фьючерсами, Комиссия по ценным бумагам и рынкам. Операции с криптовалютами не запрещены. Майнинг представляется услугой денежных переводов. Криптовалюты рассматриваются как имущество и облагаются соответствующими налогами. Они не признаются платежным средством. Этот статус закреплен только за долларом США.

Есть страны, например Китай, Германия, где запрещено работать с криптовалютой банкам и разрешено физическим лицам. Есть и страны, где криптовалюты полностью запрещены, но таких не много (Алжир, Марокко, Пакистан, Боливия, Индонезия [Где биткойну хорошо..., 2017]).

рынке, тем стабильнее он станет. И приход институциональных инвесторов на рынок лишь дело времени [Носырев И., 2019].

В России, по мнению специалистов, запрет криптовалют или слишком жесткое регулирование неизбежно уведет их в тень, и государство лишится возможности получать доход от обложения налогом соответствующих операций в криптовалюте. Это также создаст спрос на действительно анонимные криптовалюты, использующие встроенные механизмы маскировки трафика, поскольку методов противодействия подобным технологиям пока не существует. При этом всем известные криптовалюты типа биткоина открыты и легко обнаруживаются в трафике у провайдеров. Эксперты также опасаются, что жесткие ограничения на работу с криптовалютами помешают развитию блокчейн-технологий в России, приведут к оттоку ИТ-специалистов за рубеж. Запретительные меры не снимают рисков участия населения во всякого рода мошеннических схемах, но сделки с криптовалютами представляются не самыми опасными с точки зрения рисков потери средств.

В России существует несколько противоположных мнений о криптовалютах: от призывов к их полному запрету до приравнивания к традиционным валютам с использованием аналогичного регулирования, как это происходит в Японии, где оборот криптовалют не ограничен законодательством и где криптовалюта считается легальным средством платежа [Пехтерева Е.А., 2018, с. 88].

И Минфин, и ЦБ РФ неоднократно выступали против создания национальной криптовалюты. Однако было анонсировано начало обсуждения создания единой цифровой валюты с партнерами из стран ЕАЭС и БРИКС, что, по мнению ЦБ РФ, более оправдано с макроэкономической точки зрения, чем создание национальной криптовалюты [Сарычева М., 2017 а; Сарычева М., 2017 б].

В связи с введением все новых санкций против России в СМИ широко обсуждается вопрос о том, можно ли с помощью криптовалют и блокчейн-технологий обойти западные санкции. Теоретически физические лица и компании из санкционных списков имеют возможность работать с партнерами из США и Европы через электронные кошельки, держать на них криптовалюту и вместо SWIFT-переводов осуществлять платежи через блокчейн. Так, Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) безуспешно пыталось заблокировать работу двух биткоин-адресов, связанных предположительно с резидентами, которые могут помогать Ирану обходить американские санкции [Разрушительный эффект..., 2019]. Использование блокчейн может помочь банкам

найти рабочую альтернативу SWIFT не только в условиях санкций, но и потенциального отключения от системы, поскольку технология блокчейн исключает политический фактор [Носов Н., 2016 а].

Однако следует учитывать не только высокую волатильность криптовалют, но и то, что 95% сделок с криптовалютами проводятся через американские банки-корреспонденты. Платеж из России может быть как минимум заблокирован, а резиденту США придется отвечать перед властями за обход санкций. Для того чтобы криптовалюту перевести в обычные деньги, нужно раскрыть информацию об участниках сделки: названия компаний и имена организаторов сделки. Анонимность криптовалюты лишь условна и использовать ее для обхода санкций невозможно [Пехтерева Е.А., 2018, с. 86].

Проблемы регулирования цифровых финансовых активов

Правовые основы регулирования рынка криптовалют в России были впервые представлены для обсуждения в опубликованном Минфином в январе 2018 г. проекте закона «О цифровых финансовых активах». Документ содержал определения основных понятий, описывал особенности выпуска и обращения цифровых финансовых активов (ЦФА) и т.д. В законопроекте вводились понятия цифровой транзакции, майнинга, смарт-контракта, токена¹, криптовалюты, цифрового кошелька и т.д.

Цифровой финансовый актив признавался имуществом, токены и криптовалюты – видами ЦФА, применять которые в расчетно-платежных целях не предполагалось. Операции с ЦФА должны производиться на основе договора мены (ст. 567 ГК РФ). Оператором обмена цифровых финансовых активов может быть брокер, дилер, форекс-дилер и организатор торговли с соответствующей лицензией. Предлагалось упорядочить процедуру эмиссии токенов, объявления публичной оферты и выпуска инвестиционного меморандума в рамках ICO².

¹ Токен – единица учета, предназначенная для представления цифрового баланса в некотором активе. Токены представляют собой запись в регистре, распределенную в блокчейн-цепочке.

² Initial coin offering – форма привлечения инвестиции в новые компании (как правило, из IT-сектора), при которой в рамках проекта выпускается собственная криптовалюта (токены), а инвесторы покупают ее или за реальные деньги, или за распространенные криптовалюты (bitcoin, ethereum). ICO – это нечто среднее между первичным размещением на рынке ценных бумаг (IPO) и крауд-

Цифровые активы могли выпускать юридические лица и индивидуальные предприниматели (ИП). У токена может быть только один эмитент. При этом объем привлекаемых на ICO средств ограничивался суммой в 1 млрд руб., а максимальная сумма вложений неквалифицированных инвесторов¹ в рамках одного ICO токенами суммой не превышающей 50 тыс. руб. Для квалифицированных инвесторов ограничения вводить не планировалось.

Кроме ограничений по объему привлечения и инвестирования, в документе устанавливались нормы, регулирующие качество проектов, выходящих на ICO. Эти вопросы планировалось контролировать через механизм раскрытия информации. В рамках публичной оферты и инвестиционного меморандума эмитент должен будет разместить описание проекта на своем сайте, где должны быть раскрыты сведения об эмитенте и его бенефициаре, об органах управления компании, о депозитарии, описаны основные цели выпуска токенов и права их покупателей, указана цена, дата начала размещения, порядок направления оферты, правила ведения реестра транзакций и так далее. До опубликования оферты о выпуске токенов запрещается реклама размещения и предложение токенов потенциальным приобретателям. Эксперты считают, что такой подход способствует легализации рынка. Следить за исполнением норм закона и качеством проектов будет ЦБ РФ [Аношин И., Петухова Л., 2018].

Минфин выступал против усложнения регулирования на рынке ICO и уподобления его регулированию IPO, поскольку, по мнению специалистов Минфина, это может привести к перемещению инвесторов в более либеральную юрисдикцию, например в Белоруссию². Некоторые участники рынка, в частности Удмуртия,

фандингом: в обмен на криптоденьги инвесторы получают токены, которые могут представлять собой долю в компании, внутреннюю валюту компании, криптовалюту, которая так же, как биткоин, начинает торговаться на бирже.

¹ Неквалифицированные инвесторы – физические или юридические лица, не являющиеся профессиональными участниками рынка ценных бумаг.

² Белоруссия стала первой страной, где легализовали майнинг и криптовалюты. С марта 2018 г. граждане страны могут официально владеть токенами и криптовалютами, а также заниматься майнингом, т.е. добывать криптовалюту, хранить, менять, покупать и продавать за белорусские рубли, иностранную валюту или электронные деньги. Майнинг и продажа криптовалюты не считаются предпринимательской деятельностью и не облагаются налогом. Нет даже специального тарифа на электричество для тех, кто устанавливает оборудование для добычи электронных денег [Белоруссия зовет..., 2017].

уже ведут переговоры с белорусской криптобиржей Currency.com о возможности размещения токенизированных облигаций с целью привлечения дополнительных инвестиций в экономику Удмуртии [Чернышова Е., 2019].

В Минфине также считали, что законодательный запрет на совершение сделок с криптовалютами может увести этот рынок в тень. Представители бирж в свою очередь полагают, что создание регулируемой системы торговли криптовалютами снизит риски для инвесторов и будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественного финансового рынка и выражают готовность заняться организацией торгов по криптовалютам. Позитивно оценивают перспективы централизованной легальной торговли криптовалютой и участники традиционного финансового рынка.

В настоящее время россияне проводят операции с цифровыми деньгами на зарубежных криптобиржах, через нелегальные обменные площадки в Интернете и незарегистрированные биржи, что довольно опасно. При этом комиссии на проведение операций очень высоки: 5–15%. По неофициальным оценкам, ежедневный оборот виртуальных денег только в Москве составляет около 20 млн долл., а 5% от всех участников рынка – россияне, т.е. около 150–300 тыс. активных пользователей. Согласно опросу ВЦИОМа, проведенному в конце декабря 2017 г., 13% россиян предметно интересуются биткоином [Аношин И., Петухова Л., 2018].

Официальные власти, естественно, хотят контролировать этот процесс и взимать налоги с операций. Однако российские держатели криптовалюты встретили законодательную инициативу довольно скептически, опасаясь, что сертифицированные брокеры назначат еще большую комиссию, чем нелегальные. Кроме того, ограничить операции с криптовалютами рамками официальных бирж будет очень сложно.

Минфин РФ был готов разрешить торговлю криптовалютами на биржах. Соответствующая норма прописана в законопроекте, внесенном в Госдуму. Идет работа и над созданием безопасного для всех сторон механизма такой торговли. Ожидается, что, когда эта работа будет завершена, рынок расширится, станет легальным и прозрачным, что обеспечит дополнительное пополнение бюджета за счет налогов [Минфин готов дать криптовалютам..., 2018].

Правительство РФ в целом поддержало законопроект, но предложило его доработать. Одна из главных претензий заключается в отсутствии в нем норм, препятствующих отмыванию денег.

В частности, исполнительная власть хотела ввести обязательный контроль за операциями по обмену криптовалют, если сумма превышает 600 тыс. руб. (или эквивалент в иностранной валюте). Такой контроль, являющийся стандартной практикой в отношении банковских переводов, прописан в законе «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Вторая претензия связана с отсутствием в законопроекте регламентации налогообложения криптовалют. Но в отзыве правительства конкретные предложения по этому вопросу прописаны не были. Минэкономики России, в свою очередь, обратило внимание на другие проблемные вопросы: как (и какие) налоги будут взиматься с майнеров (и будут ли взиматься вообще), как будут работать правила бухгалтерского учета и т.д. Таким образом, правительство настаивало на регламентировании вопросов налогообложения цифровых активов и сделок с ними [Правительство России хочет взять..., 2018].

В первом чтении законопроект «О цифровых финансовых активах» был принят Госдумой 22 мая 2018 г. в связке с законопроектами «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» и «О цифровых правах». Согласно тексту документа, принятого в первом чтении, криптовалюта и токен являются имуществом. Ключевые различия между ними определяются на основе признака одного эмитента (токен) и множества эмитентов / майнеров (криптовалюта), а также целей выпуска. Владельцы ЦФА (в соответствии с законопроектом, к ним относились криптовалюты и токены) смогут совершать только один вид сделок – сделки по обмену токенов на рубли или иностранную валюту. Согласно законопроекту, ЦФА не являются законным средством платежа на территории РФ [Госдума рассмотрит..., 2019]. В июне 2018 г. все три законопроекта были приведены к единообразию ко второму чтению в Госдуме: из всех документов исчезло понятие «цифровые деньги», но оставлено единое определение ЦФА как цифровых прав.

В ходе подготовки ко второму чтению в Госдуме текст законопроекта «О цифровых финансовых активах» претерпел кардинальные изменения. Из него полностью исключены вопросы майнинга и обращения существующих криптовалют. При этом майнинг означает выпуск токенов для привлечения инвестиций.

Законопроект регулирует только выпуск, учет и обращение ЦФА, под которыми подразумеваются денежные требования, эмис-

сионные ценные бумаги и права участия в капитале (аналог доли в ООО), выпущенные в цифровом виде (в форме токенов, хотя само понятие «токен» в законопроекте не фигурирует). Выпускать токены в рамках российского права смогут только юридические лица и ИП, в том числе иностранцы и лица без гражданства, внутри определенной информационной системы. Операторами такой системы могут быть лишь работающие по российскому праву юридические лица, включенные в специальный реестр, который будет вести ЦБ. В частности, операторами могут быть банки и депозитарии при условии их включения в реестр. ЦБ же будет устанавливать, в каких случаях цифровые активы могут приобретаться неквалифицированными инвесторами.

ЦБ предоставляется право устанавливать порядок и случаи выпуска ЦФА, оборот которых не регулируется разрабатываемым законом, так называемых цифровых операционных знаков. Специалисты считают, что под этим понятием, скорее всего, подразумевается криптовалюта, которая создается и обращается исключительно внутри и по правилам системы, в которой она была создана. Это, однако, противоречит основному принципу всех популярных криптовалют, а именно свободе их передачи и обращения. В ЦБ заявили, что обмен частных криптовалют на территории РФ не предусматривается. По мнению регулятора, обращение частных криптовалют, которые ничем не обеспечены и не гарантируются ни одним государством, несет высокие риски как для потребителей, так и для инвесторов, а операции с криптовалютами могут использоваться для отмывания доходов, полученных преступным путем.

Поправки также ограничивают куплю-продажу ЦФА и их обмен на токены другого вида либо на цифровые операционные знаки. Такие сделки могут осуществляться только через кредитные организации или биржи. Для сделок с ЦФА предполагается использовать только приватные распределенные информационные системы.

В сентябре 2018 г. Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) представил свой вариант регулирования цифровых активов в РФ, разработанный экспертной группой РСПП по проблемам цифровизации. РСПП предложил разделить цифровые активы на три группы: токены, приравненные к ценным бумагам или к производным финансовым инструментам, криптовалюты и, наконец, нефинансовые цифровые активы, служащие доказательством заключения гражданско-правовых договоров.

По мнению некоторых специалистов, в этом случае можно построить последовательное, «гладкое» и лояльное регулирование цифрового сегмента экономики [РСПП представил..., 2018].

В АНО «Цифровая экономика» сообщили, что предусмотренный законопроектом набор требований к идентификации участников цифровых сделок может стать существенным препятствием для привлечения в Россию зарубежного криптокапитала, а ограничение доступа российских компаний к его глобальному рынку приведет к снижению их конкурентоспособности. В АНО также отметили, что существующая концепция законопроекта предполагает легализацию на территории России только российских криптовалют, которые еще будут выпускаться.

В Российской ассоциации криптоиндустрии и блокчейна (РАКИБ) также считают, что регулирование криптовалют нормативными актами ЦБ на практике исключит их из российского легального поля. Рассматриваемый в настоящее время вариант регулирования криптоиндустрии не позволяет использовать цифровые активы для привлечения иностранных инвестиций в российские технологические стартапы. Инвесторы, использующие цифровые инструменты, не скованы санкционными режимами и, как правило, более терпимы к риску [Забытый майнинг..., 2018].

Таким образом, исходная версия минфиновского закона, подвергавшаяся резкой критике со стороны российского криптосообщества и предпринимателей, была более благожелательной по отношению к бизнес-сообществу.

С момента поручения российскому правительству и ЦБ РФ президента Владимира Путина разработать регулирование рынка ICO и криптовалют прошло уже полтора года¹. Из-за отсутствия внятного регулирования за это время, по оценкам РАКИБ, российская экономика потеряла порядка 2 млрд долл. Только из-за оттока средств российских майнеров за рубеж, в том числе по платежам иностранным посредникам (по комиссиям), Россия в год теряет

¹ В конце февраля 2019 г. Президент России Владимир Путин назначил новый крайний срок для принятия законодательных норм, регулирующих криптовалютную сферу – 1 июля 2019 г. Согласно распоряжению президента, законодательство должно включать нормативную базу для цифровых активов, федеральные законы, направленные на развитие цифровой экономики, а также регулирующие положения для привлечения финансовых ресурсов с использованием цифровых технологий.

более 300 млн долл. Продолжается и отток российских IT-разработчиков и специалистов за рубеж. Больше половины команд, работающих в области блокчейн-технологий и криптовалют в мире, имеют российские корни [Россия потеряла..., 2019].

Государственная дума 12 марта 2019 г. приняла в третьем чтении Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса РФ», который закрепляет понятие «цифровое право» (токена) и регулирует использование смарт-контрактов (так называемый «Закон о цифровых правах»). Однако этот закон не будет работать без принятия закона «О цифровых финансовых активах». Но пока не ясно, когда последний будет принят.

Отметим, что система регулирования майнинга сформирована уже в 46 странах. При этом особое внимание уделяется трем аспектам: риску скрытого майнинга, соблюдению гражданско-правовых норм при ведении предпринимательской деятельности и решению проблемы потребления большого количества энергии. В России майнинговая деятельность пока никак специально не регулируется, она является полностью легальной и не требует получения лицензии. По нормам гражданского законодательства российский майнер должен зарегистрировать свою деятельность в качестве общества с ограниченной ответственностью (ООО) либо ИП. Наиболее близким кодом ведения экономической деятельности является код 72.40 «Деятельность по созданию и использованию баз данных и информационных ресурсов». Пока соответствующий закон не принят, добывать криптовалюту можно в любом количестве [Фомичева Е., 2018].

Специалисты считают, что сегодня России необходимо перейти к более активному применению технологии блокчейн. Помимо отсутствия регулирования, процессу их внедрения мешает отсутствие реальных и четких целей: некоторые проекты внедрения блокчейн-технологий представляются необоснованными, тогда как они должны приносить максимальную социальную пользу большим группам населения. Примером могут послужить пилотные проекты, которые уже реализуются в российских регионах. Так, в Новгородской области технология блокчейн используется для льготного лекарственного обеспечения, что позволяет сэкономить до 30 млн руб. в год, а в Калининградской области блокчейн применяют для социальных региональных выплат (годовая экономия – 50 млн руб.) [Фомичева Е., 2018].

Такая же задача стоит перед разработчиками инновационных технологий во всем мире: остро не хватает реальных проектов использования криптовалют, хотя появляется все больше возможностей для оплаты кофе, авиабилетов или даже покупки недвижимости за биткойны. Интересен опыт швейцарского города Цуга, власти которого принимают биткойны в качестве оплаты коммунальных услуг. Но таких возможностей в современном мире абсолютно недостаточно. Специалисты криптобиржи Binance стараются вносить свой вклад в развитие всей криптовалютной среды: в частности, Binance инвестирует средства в различные блокчейн-стартапы. Например, недавно были вложены средства в австралийский стартап TravelbyBit, который позволяет путешественникам расплачиваться криптовалютой в торговых точках на территории аэропортов. Пилотный проект уже запущен в аэропорту Брисбена. Это отличный пример того, как можно использовать преимущества криптовалюты. Кроме того, есть сферы, в которых блокчейн-технология была бы очень полезна и эффективна. Например, в благотворительности с ее помощью можно отследить весь путь средств от жертвователя к нуждающемуся. В этой сфере вращаются немалые средства, что, в свою очередь, может стимулировать рост блокчейн-индустрии. Binance уже запустила благотворительный портал на основе технологии блокчейн [Носырев И., 2019].

В заключение еще раз подчеркнем, что российские власти и деловое сообщество осознают значение блокчейн-технологий для дальнейшего развития страны. Однако отсутствие четко прописанных законодательных норм в этой сфере существенно тормозит развитие инновационных блокчейн-технологий в России и применение их на практике.

Список литературы

1. Аношин И., Петухова Л. Биткойн от дилера: почему россияне не купят криптовалюту без посредника // РБК. – 2018. – 25.01. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/money/25/01/2018/5a699d3a9a79471460896e07?from=center_5
2. Белоруссия зовет майнеров // Коммерсантъ. – 2017. – 22.12. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3507342>
3. Биткойн не может выйти из пике // Коммерсантъ. – 2018. – 07.02. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3541021?query>
4. Блокчейн в Сбербанке // Tadviser. – 2018. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Блокчейн_в_Сбербанке

5. Блокчейн банков // Blockchain3. – 2017. – Режим доступа: <https://blockchain3.ru/blockchajn/blockchajn-bankov/>
6. Где биткоину хорошо. Юридический статус криптовалют в мире // Коммерсантъ. – 2017. – 15.12. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3498021>
7. Госдума рассмотрит в январе-феврале законопроект о цифровых финансовых активах / ТАСС. – М., 2019. – 14.01. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5995839>
8. Гордеев В., Литова Е. Греф на фоне падения биткоина призвал власти не запрещать криптовалюты // РБК. – 2018. – 17.01. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/17/01/2018/5a5f11049a794701a1a25ecd>
9. Государственные валюты на подходе // BitsMedia. – 2017. – Режим доступа: <https://bits.media/news/gosudarstvennye-kriptovaluty-na-podkhode/>
10. Забытый майнинг: почему бизнес недоволен законом о крипторегулировании // РБК. – 2018. – 28.11. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/28/11/2018/5bfd22239a794758092fe326>
11. Казарновский П., Пустякова А. Аутсайдеры вышли в лидеры: куда надо было инвестировать в 2018 году // РБК. – 2019. – 06.01. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/06/01/2019/5c2380959a7947110a0763bc>
12. Маккендрик Д. Шесть причин полюбить технологию блокчейн // PCWeek. – 2016. – 17.05. – Режим доступа: <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=185642¶m=blk>
13. Минфин готов дать криптовалютам зеленый свет // Коммерсантъ. – 2018. – 11.01. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3516502?query=криптовалюты%20в%20России>
14. Минэкономики начало тестировать блокчейн в закупках // Коммерсантъ. – 2018. – 26.01. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3532847>
15. Носов Н. Блокчейн в российских банках // ИКС медиа. – 2017. – 15.06. – Режим доступа: <http://www.iksmedia.ru/articles/5415781-Blokchajn-v-rossijskix-bankax.html#ixzz5hwLSouZp>
16. Носов Н. Перспективы блокчейн в России. – 2016 а. – 08.02. – Режим доступа: <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=182389>
17. Носов Н. Перспективы криптовалют в России. – 2016 б. – 23.05. – Режим доступа: <https://bitnovosti.com/2016/05/23/perspectivy-v-rossii/>
18. Носырев И. Чанпэн Чжао – РБК: «Цена любого актива не может расти постоянно» // РБК. – 2019. – 18.12. – Режим доступа: <https://pro.rbc.ru/news/5c19196b9a7947388944d414>
19. Пехтерева Е.А. Перспективы использования технологии блокчейн и криптовалюты в России // Экономические и социальные проблемы России. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – № 1. – С. 71–95. – Режим доступа: <http://inion.ru/publishing/journals/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii-2018-1/>

20. Правительство России хочет взять под контроль обмен криптовалют на сумму выше 600 тысяч рублей // Блокчейн и криптовалюты в России. – 2018. – 13 апреля. – Режим доступа: <https://cryptorussia.ru/news/pravitelstvo-rossii-hochet-vzyat-pod-kontrol-obmen-kriptovalyut-na-summu-vyshe-600-tysyach>
21. Разрушительный эффект санкций США. Есть ли выход у России? // COINLIFE. – 2019. – 14.03. – Режим доступа: <https://coinlife.com/analytics/razrushitelnyj-jeffekt-sankcij-ssha-est-li-vyход-u-rossii/>
22. Разумный Е. Блокчейн и порядок // Ведомости. – М., 2018. – 21.12. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2018/12/21/789632-blokchein-poryadok>
23. Россия потеряла \$2 млрд из-за неурегулирования криптосферы // Блокчейн и криптовалюты. – 2019. – 01.03. – Режим доступа: <https://cryptorussia.ru/news/rossiya-poteryala-2-mlrd-iz-za-neuregulirovaniya-kriptosfery>
24. РСПП представил свой вариант регулирования криптовалют с разделением активов на три вида // Crypto. – 2018. – 13.09. – Режим доступа: <https://ecrypto.ru/novosti/rspp-predstavil-svoj-variant-regulirovaniya-kriptovalyut-s-razdeleniem-aktivov-na-tri-vida.html>
25. Сарычева М. Крипторубль пошел на повышение // Коммерсантъ. – 2017 а. – 28.12. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3512307?query=криптовалюты%20в%20России>
26. Сарычева М. Финансисты уходят от реальности // Коммерсантъ. – 2017 б. – 05.06. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3317252>
27. Сбербанк запустил блокчейн-лабораторию // Tadviser. – 2017. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Блокчейн_в_Сбербанке
28. Фомичева Е. Пропустили удар // РБК. – 2018. – 09.11. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/spb_sz/09/11/2018/5be41f369a794762060a1f94
29. Чернышова Е. Первый регион России начал переговоры о выпуске криптооблигаций // РБК. – 2019. – 23.01. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/23/01/2019/5c483ad99a79476aded4a66b>

Г.В. Семеко*

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Проблемы повышения финансовой грамотности населения России рассматриваются в сравнении с ведущими странами мира. На основании данных исследований ОЭСР определяются позиции России в мировом сообществе по уровню финансовой грамотности. Анализируются национальная стратегия и основные направления государственной политики, направленные на повышение финансовой грамотности населения России.

Ключевые слова: финансовая грамотность; измерение уровня финансовой грамотности; финансовые знания; финансовое поведение; финансовые установки; финансовая инклюзия; стратегия повышения финансовой грамотности.

G.V. Semeko

Financial literacy in Russia: Problems and ways of their solution

Abstract. Problems of increase of financial literacy of the population of Russia are considered in comparison with the leading countries of the world. On the basis of data from OECD studies, the positions of Russia in the world community on the level of financial literacy are determined. The Na-

* Семеко Галина Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики ИНИОН РАН.

Semeko Galina Viktorovna, candidate in economic sciences, leading researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

tional strategy and the main directions of the state policy of improving financial literacy in Russia are analyzed.

Keywords: financial literacy; measure of financial literacy; financial knowledge; financial behavior; financial attitudes; financial inclusion; financial literacy strategy.

Введение

Вопросы финансовой грамотности (ФГ) населения в последние десятилетия стали чрезвычайно актуальными в большинстве стран мира, в том числе в России. Международные исследования показали, что уровень ФГ населения во многих развитых и развивающихся странах не соответствует динамично меняющемуся финансовому рынку. Из-за недостаточности финансовых знаний и умения применять их на практике большое число людей не могут с выгодой для себя использовать как традиционные, так и появившиеся недавно благодаря информационным и цифровым технологиям продукты и услуги финансового рынка. Они не в состоянии принимать продуманные финансовые решения, планировать свой бюджет, осуществлять долгосрочные сбережения (например, с целью приобретения жилья, обучения или обеспечения жизни в старости) и т.д. Неэффективное управление деньгами делает потребителей финансовых услуг особенно уязвимыми в условиях финансового кризиса [Артемьева С.С., Митрохин В.В., 2018; Гарцуева Е.В., 2017; Худько Е., Хромов М., 2017].

Недостаточная ФГ негативно сказывается не только на личном благосостоянии населения, но и на экономике в целом. Так, низкая ФГ влияет на желание и склонность людей пользоваться финансовыми услугами, что тормозит развитие розничного финансового сегмента, а действия неподготовленных клиентов могут подрывать стабильность финансового сектора. При неправильном распоряжении деньгами люди компрометируют рыночные сделки и механизмы конкуренции. Так, от неправильного планирования или отсутствия четкого понимания своих доходов и расходов у граждан появляются кредиторские задолженности; инвесторы, плохо представляющие себе, как работают рынки, больше подвержены панике; неграмотность вызывает рост числа финансовых пирамид и мошенничеств [Гарцуева Е.В., 2017; Худько Е., Хромов М., 2017].

В последние годы дополнительным фактором, повышающим уровень требований к потребителям финансовых продуктов и услуг, стало внедрение информационных и цифровых технологий

(далее – IT-технологии), которые преобразовали практически все финансовые продукты и услуги, а также процесс их приобретения и потребления [Машинистова Г.Е., 2016; Масленников В.В., Федотова М.А., Сорокин А.Н., 2017].

Наиболее важное требование к потребителям – знание компьютера, поскольку все большая часть предложения финансовых продуктов и услуг осуществляется в онлайн-режиме. Активное использование IT-технологий ведет к формированию глобальной виртуальной среды для всевозможных финансовых операций, в том числе платежных, сберегательных, инвестиционных, валютных и др. Быстро растет число транзакций, построенных на использовании альтернативных валют в рамках онлайн-платформ, широкое распространение получает совершенно новый тип проведения финансовых операций между устройствами без участия человека. При этом практически любая операция может осуществляться с помощью мобильного устройства [Новые финансовые технологии., 2016; Седлов Д., 2018].

Развитие IT-технологий позволяет повышать уровень обслуживания клиентов, что облегчает жизнь людей и делает ее более комфортной. Но одновременно оно требует владения минимальными знаниями и навыками в области информационных и цифровых технологий. Значительная часть населения пока не готова правильно пользоваться предлагаемыми финансовыми услугами.

В исследованиях, проведенных на основе данных из разных стран, установлено, что уровень ФГ ниже среди молодежи, пожилого населения, населения с низким уровнем дохода и / или образования, жителей сельских районов, холостых, мигрантов и женщин. Согласно исследованиям, посвященным цифровой грамотности, напротив, более молодые поколения опережают старшие. Людям старших возрастных категорий труднее осваивать технологические новшества, в то время как подрастающее поколение с самого детства знает, что оплатить любую услугу можно прямо со смартфона. Понятно, что в таких условиях активность потребителей на рынке финансовых продуктов и услуг зависит не только от уровня их ФГ, но и от уровня их цифровой грамотности.

Во многих странах мира осознание необходимости повышения ФГ населения привело к формированию национальных стратегий или программ финансового образования. Национальные стратегии повышения ФГ разработаны или реализуются более чем в 60 странах мира. Конечно, стратегия каждого государства имеет свои особенности и приоритеты, что связано, помимо всего про-

чего, с различиями в уровне ФГ населения. Так, одни страны (Канада, Испания) стремятся помочь гражданам понять усложняющиеся финансовые услуги и защитить права потребителей; другие (Бразилия, США) рассматривают повышение ФГ граждан в контексте повышения конкурентоспособности всей национальной экономики; третьи (Новая Зеландия, Великобритания) видят главную цель в изменении психологических установок в сфере личного финансового поведения граждан [Национальная стратегия..., 2017].

В работе анализируются особенности ситуации в области ФГ населения России в сравнении с ведущими странами мира, а также стратегические направления государственной политики, направленные на повышение уровня ФГ.

Международные сравнения ОЭСР: Позиции России

Исследования, посвященные проблеме ФГ, проводились в последние годы многими странами, международными организациями (ОЭСР, Всемирный банк, CGAP¹, CYFI²) и крупными частными аналитическими компаниями (The Standard & Poor's) [Klapper L., Lusardi A., 2016]. Они различаются по степени охвата категорий населения, методологическому подходу, периодичности мониторинга и другим параметрам. На наш взгляд, самыми авторитетными, детальными и методологически последовательными являются исследования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Предложенные ОЭСР определение ФГ и методика его измерения в настоящее время используются в большинстве исследований по данной тематике.

Под *финансовой грамотностью* (по версии ОЭСР) понимается совокупность осведомленности, знаний, навыков, установок и

¹ CGAP (Consultative group to assist the poor) – консультативная группа помощи малообеспеченным слоям населения – представляет собой глобальное партнерство более чем 30 ведущих организаций, стремящихся расширить доступ к финансовым услугам для людей по всему миру. См. сайт организации: www.cgap.org

² CYFI (Child & Youth Finance International) – международная организация, основанная в 2011 г. с целью воспитания нового поколения экономически активных и грамотных граждан, обеспечивает доступ к лучшим практикам в данной области для представителей более чем 132 стран (правительств, представителей сферы образования и финансового рынка), активно сотрудничает с ОЭСР, G20, Фондом ООН для инвестиций в развитие (UNCDF) и др. См. сайт организации: <https://childfinanceinternational.org/>

поведения, связанных с финансами и необходимых для принятия обоснованных финансовых решений и, в конечном итоге, достижения личного финансового благополучия [G20/OECD INFE report., 2017, с. 13]. Таким образом, ФГ подразумевает не только знание и понимание финансовых понятий и концепций, общую осведомленность о тех или иных финансовых продуктах. Она предполагает наличие реального опыта и прикладных навыков работы на рынке финансов, оформленного отношения к деньгам и прочим активам и осознанного представления о своих финансовых целях и задачах [Кузина О.Е., 2015, с. 131–132]. Наряду с таким широким подходом, в исследованиях встречаются узкие определения, фиксирующие отдельные аспекты ФГ (например, финансовые знания, финансовые компетенции, финансовая компетентность, финансовая осведомленность, финансовое образование) [Белехова Г.В., Калачикова О.Н., 2018, с. 148].

Проблема ФГ является одним из приоритетных направлений исследований ОЭСР. Работа над этим проектом началась в 2009 г., при этом основное внимание уделялось разработке методики измерения ФГ и мониторингу прогресса в этой области. В качестве платформы для сбора данных по ФГ, проведения исследований и формулирования рекомендаций ОЭСР использовала Международную сеть финансового образования (International network on financial education, INFE)¹, которая была создана в 2008 г. Впоследствии для сбора сопоставимой информации о финансовых знаниях, финансовом поведении и финансовых установках взрослого населения был разработан, апробирован и размещен на веб-сайте ОЭСР базовый вопросник, который сопровождается комплектом методических материалов по измерению ФГ и финансовой доступности (инклюзии). Этот вопросник получил широкое признание в качестве важного инструмента для получения информации о политике в области финансового образования. Разработанная методика была опробована в 2010 г. в ходе международного экспериментального исследования в 14 странах: Албании, Армении, Британских Виргинских островах, Чешской Республике, Эстонии, Германии, Венгрии, Ирландии, Малайзии, Норвегии, Перу, Польше, Южной Африке и Соединенном Королевстве.

¹ INFE была создана в 2008 г.; в настоящее время она объединяет свыше 260 общественных организаций более чем из 115 стран. См. сайт организации: http://www.financial-education.org/join_infe.html

С 2010 г. более 30 стран применили этот вопросник для сбора данных о ФГ, причем некоторые из них делали это неоднократно. Использование общей методологии и инструментария позволяет сопоставлять результаты по отдельным странам, а также изучать закономерности динамики ФГ. Данные, собранные в ходе экспериментального исследования 2010 г., использовались в дальнейшем для проведения исследований по широкому кругу вопросов, связанных с ФГ, включая финансовое образование для обеспечения финансовой доступности [Atkinson A., Messy F.-A., 2012], расширение прав и возможностей женщин [Hung, A., Yoong J., Brown E., 2012], уровень ФГ в Европе и Азии [Financial education in Europe..., 2016; Messy F.-A., Monticone C., 2016]. Кроме того, эта комплексная работа по измерению ФГ взрослого населения была дополнена в 2012 г. первым международным исследованием ФГ учащихся в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for international student assessment, PISA). Первый раунд сбора данных был проведен в 2012 г. (PISA-2012), а второй – в 2015 г. (PISA-2015).

В 2015 г. руководство ОЭСР приняло решение о проведении второго международного исследования, посвященного измерению уровня ФГ взрослого населения, и его результаты были опубликованы в 2016 г. [OECD/INFE International..., 2016]. Это исследование содержит более детальный анализ ФГ, в том числе с учетом социальных и демографических характеристик населения (пол, возраст, доход и т.д.), и охватывает 30 стран. В целом в опросах в рамках данного проекта приняли участие 51 650 взрослых в возрасте от 18 до 79 лет из 30 стран, в том числе 17 стран «двадцатки» (G20). Численность национальных выборок колебалась от 1000 до 10 000 человек. По итогам исследования было установлено, что взрослое население во многих странах демонстрирует низкий уровень финансовых знаний, не в состоянии принимать взвешенные финансовые решения, позволяющие улучшить их финансовую безопасность, и планировать бюджет даже на краткосрочную перспективу.

В исследованиях ОЭСР вопросы ФГ рассматриваются в связке с проблемами финансовой доступности. При этом *финансовая доступность* определяется как возможность получить доступные по стоимости формальные (регулируемые) финансовые продукты и услуги своевременно и на адекватных условиях, в том числе за счет расширения их использования всеми социальными группами с помощью текущих и инновационных способов,

включая повышение финансовой осведомленности и грамотности. В ходе проведенных ОЭСР/INFE исследований была обнаружена положительная корреляция между ФГ и уровнем финансовой доступности. Последняя, наряду с ФГ и защитой прав потребителей, имеет большое значение для расширения возможностей людей и обеспечения стабильности финансовой системы в целом.

Последнее исследование ОЭСР, касающееся ФГ взрослого населения, было подготовлено к саммиту G20 в Гамбурге 7–8 июля 2017 г. [G20/OECD INFE report..., 2017]. В нем собраны результаты опросов, проведенных в 2014–2016 гг. в странах G20 (Австралия, Индонезия, Япония, Великобритания, Германия, США, Бразилия, Канада, Франция, Индия, Республика Корея, Российская Федерация, Южная Африка, Турция, Аргентина, Китай, Италия, Мексика, Саудовская Аравия) и дополнительно в двух приглашенных странах – Норвегии и Нидерландах. В целом данное исследование охватило 101 596 человек в возрасте от 18 до 79 лет.

Россия принимала участие в исследованиях ОЭСР, в том числе в последнем исследовании (2017). Опрос был инициирован Министерством финансов в рамках проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» [Проект «Содействие повышению...»] и проводился в 2015 г. специалистами аналитического центра *Национальное агентство финансовых исследований* (НАФИ). Было опрошено 1642 человека (868 мужчин и 774 женщин) в 140 населенных пунктах в 42 регионах России.

На сегодняшний момент исследование ФГ в странах G20 (2017) дает, пожалуй, самый детальный сравнительный анализ положения дел в ведущих государствах мира, включая РФ. По этой причине детальный анализ его результатов (с выделением данных по России) представляется полезным как для получения общей картины ФГ в мире, так и для оценки позиций России в международном рэнкинге стран.

Как и в исследовании 2016 г., в последнем исследовании ОЭСР (2017) ФГ оценивалась по трем направлениям – финансовые знания, финансовое поведение и финансовые установки. Суммарные данные по всем трем направлениям использовались для расчета итоговой оценки ФГ по стране. Каждая страна могла получить максимум 21 балл, в том числе по оценке финансовых знаний – максимум 7 баллов, финансового поведения – 9 баллов и финансовых установок – 5 баллов.

Финансовые знания. Базовые знания финансовых понятий и умение применять навыки счета в финансовом контексте гарантируют, что потребители могут автономно управлять своими финансами, принимать продуманные финансовые решения и реагировать на новости и события, которые могут повлиять на их финансовое благополучие.

Уровень финансовых знаний оценивался с помощью тестов на финансовую арифметику и понимание терминов (инфляция, проценты по кредиту и сберегательному счету, финансовые риски и т.д.).

Большинство респондентов G20 (53%) знали, что произойдет с покупательной способностью денег, если инфляция останется на том же уровне в течение одного года. Однако процент правильных ответов на вопросы сильно различается по странам – от 14% в Индонезии до 74% в Мексике и 76% в Норвегии. В ЮАР правильный ответ дали только 25%, а в Великобритании – 38% респондентов. У РФ этот показатель выше среднего – 65% [G20/OECD INFE report., 2017, с. 19].

Также выше среднего в РФ и доля респондентов, которые правильно понимают суть процента по кредиту, – 88% против 85% в среднем по G20. В то же время по крайней мере один из трех респондентов не смог правильно ответить на вопрос, проверяющий соответствующие знания, в ЮАО, Индии, Саудовской Аравии и Италии.

Расчет суммы простого процента на сбережения представлял проблему для почти половины респондентов стран G20, а правильный ответ дали 51% опрошенных. Менее половины респондентов смогли сделать такой расчет в Мексике (12%), Аргентине (22), Индии (42), Южной Африке (42), Саудовской Аравии (46), Италии (47%). У РФ этот показатель ниже среднего – 48%.

Только 42% опрошенных в среднем по G20 правильно ответили на вопрос, касающийся начисления сложного процента за пять лет, в том числе 46% в РФ. Лучше всех в этом расчете показали себя представители Норвегии (65) и Нидерландов (61%).

Доля респондентов, которые могут правильно рассчитать одновременно простой и сложный процент, составила менее 50% в большинстве стран G20. В среднем по G20 правильный ответ дали 27% респондентов, что свидетельствует об отсутствии необходимых знаний в этом важном финансовом вопросе. В РФ соответствующие знания показали только 27% опрошенных.

Тест на понимание взаимосвязи между риском и доходностью инвестиций показал более высокий уровень знаний: в среднем по G20 78% успешно справились с ним. Наиболее высокие показатели у Турции, Южной Кореи, Франции и Канады. У РФ также хороший показатель – 78%.

Расчет уровня инфляции достаточно хорошо известен в большинстве стран G20: 77% респондентов дали правильный ответ, хотя в Бразилии гораздо меньше респондентов смогли это сделать (58%). У РФ сравнительно неплохой результат – 67%.

Вопрос, проверяющий знания о значении диверсификации инвестиций для снижения риска, оказался более сложным: только 59% респондентов в среднем по G20 дали правильный ответ. Особые трудности с пониманием этой концепции испытывают граждане России (41) и Италии (47%) [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 19].

В качестве эталонного целевого показателя базовых финансовых знаний в рассматриваемом исследовании была принята доля респондентов, которые правильно ответили на пять и более вопросов из семи. Как показали расчеты, в среднем менее половины взрослых (48%) в обследованных странах имеют финансовые знания, соответствующие данному уровню. Таким образом, более половины взрослого населения стран G20 не обладают базовыми финансовыми знаниями, достаточными для достижения минимального целевого показателя. Наиболее высокий показатель у Южной Кореи (62%), Канады и Китая (по 61%), а также у приглашенных стран Норвегии и Нидерландов – соответственно 79 и 64%. У РФ этот показатель ниже среднего по странам G20 – 45%; близкие показатели у Великобритании – 47 и Бразилии – 48% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 19–20].

В таблице представлены суммарные оценки финансовых знаний взрослого населения [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 61].

Финансовое поведение. Для изучения финансового поведения респондентам были заданы вопросы, позволяющие оценить, насколько финансово грамотно ведут себя люди, в частности, при планировании личного и семейного бюджетов, принятии решения о покупках, оплате счетов и др.

В качестве целевого показателя была взята доля правильно ответивших не менее чем на шесть вопросов из девяти, т.е. набравших как минимум шесть баллов из девяти возможных. Больше всего опрошенных, давших минимально необходимое число правильных ответов, во Франции (85%), Китае (70) и Канаде (68%),

меньше всего – в Аргентине (25) и Италии (27%). Средний по G20 показатель составил 52%. В РФ минимум по целевому показателю набрали 44% респондентов [G20/OECD INFE report., 2017, с. 64].

Таблица

**Доля респондентов, правильно ответивших
на пять и более вопросов и набравших 5–7 баллов**

Страна	Доля респондентов, %
Южная Корея	62
Китай	61
Канада	61
Франция	59
Германия	59
Турция	58
Саудовская Аравия	51
Индонезия	50
Бразилия	48
Великобритания	47
Россия	45
Мексика	39
Аргентина	38
Индия	32
Италия	32
Южная Африка	31
Среднее значение по странам G20	48
Приглашенные страны	
Норвегия	70
Нидерланды	64

Как показало исследование, для многих людей составление бюджета не является приоритетом: в среднем только трое из пяти респондентов стран G20 ведут семейный бюджет (60%). По странам этот показатель сильно варьирует – от 35% в Германии (меньше у Норвегии – 33%) до 75 – в Китае, 76 – в Южной Корее, 79 – в Турции и 85% во Франции. В России доля таких людей – ниже среднего показателя (50%) [G20/OECD INFE report., 2017, с. 61].

Большинство опрошенных сообщили, что хотя бы отчасти несут ответственность за принятие финансовых решений в семье (87% в среднем по G20). По странам цифры колеблются от 98% в Индонезии, 97 – в Норвегии и 96 – в Великобритании и Саудовской Аравии до 67% в Аргентине и в ЮАР. У России высокий показатель – 93%.

По результатам двух опросов установлено, что в среднем более половины респондентов G20 ведут бюджет и несут ответственность за него (54%). Чаше других берут на себя ответственность за принятие финансовых решений и сообщают о том, что у домохозяйства есть бюджет, респонденты из Франции (76%), Китая (72) и Южной Кореи (71%). Напротив, в некоторых странах так поступает меньшинство опрошенных, в частности в Италии (31%), Германии (32) и Норвегии (32%). У РФ данный показатель ниже среднего – 47% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 61].

Кроме того, респондентам задавались вопросы, позволяющие установить, насколько характерно для них финансовое поведение, которое дает возможность противостоять финансовым потрясениям. В частности, вопросы затрагивали такие темы, как осуществление продуманных покупок, своевременная оплата счетов, мониторинг личных финансов и активные сбережения.

Как было установлено, в среднем по G20 76% респондентов тщательно обдумывают свои покупки. Меньше всего таких людей в Индонезии (63%), Южной Корее (69) и Великобритании (69%). У РФ достаточно высокий показатель – 72% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 30].

Своевременная оплата счетов является нормой в большинстве стран G20 (75% респондентов). Лидером по данному показателю стала Франция (95%), тогда как в ЮАР только один из двух респондентов оплачивает свои счета вовремя (48%). У РФ показатель немного ниже среднего – 70%.

Внимательно следят за своими финансовыми делами в среднем 68% опрошенных. По странам этот показатель варьирует от 43% в Южной Корее и 50 в Турции до 89 во Франции и 88% в Германии. У РФ показатель близкий к среднему – 65%. Такое поведение позволяет людям лучше управлять своими финансами или выявлять ошибки или мошеннические действия со своими счетами, а также контролировать продвижение в направлении долгосрочных целей.

Чуть больше половины участников опроса ставят долгосрочные финансовые цели, которые стремятся достичь (53% опрошенных по G20). В Италии доля таких людей самая низкая – 27%, а в Китае и Саудовской Аравии – самая высокая – 68%. В Польше только один из трех человек указал, что стремится достичь долгосрочных целей (32%). У РФ – показатель ниже среднего – 46% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 30]. Эксперты сделали вывод о

необходимости усиления внимания к долгосрочным финансовым целям в большинстве стран.

Финансово грамотные люди, как правило, придают большое значение сбережениям на черный день, а также сбережениям для достижения долгосрочных целей. Как было установлено, в среднем по G20 64% респондентов за последние 12 месяцев осуществляли сбережения каким-либо способом. Больше всего таких людей в Китае (96%), Саудовской Аравии (91), Индонезии (87) и Франции (83%). В то же время такое поведение наблюдается у трех и менее человек из десяти взрослых в Бразилии (27) и Аргентине (24%). У РФ показатель ниже среднего – 55% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 62].

Способность отдельных людей сводить концы с концами, когда их доходы или расходы колеблются, зависит от многих факторов, включая склонность к сбережению средств, находчивость и адаптивность. В ходе опроса респондентам были заданы специальные вопросы, позволяющие оценить их поведение при недостаточности средств для удовлетворения жизненных потребностей и их склонность к заимствованию денег. Как установлено, в ситуации нехватки денег за последние 12 месяцев в среднем оказались 37% респондентов G20, в том числе 71 жителей Аргентины, 55 Мексики и 50 Турции (в России – 36%). В среднем по G20 22% респондентов за последние 12 месяцев были вынуждены прибегнуть к заимствованию денег: больше всего таких людей в Мексике (43%) и Турции (42), меньше всего – в Германии (5) и Великобритании (7%). В РФ этот показатель выше среднего – 24% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 63].

Опрошенные нечасто покупали новые финансовые продукты и еще реже пользовались услугами независимых консультантов. Относительно небольшое число людей принимают решение о выборе финансовых продуктов на регулярной основе и с учетом имеющейся информации. В идеале, чтобы провести сравнение между продуктами и поставщиками, следует использовать независимые источники информации.

Как свидетельствует опрос, в среднем по G20 15% респондентов использовали независимую информацию из разных источников или независимую консультативную помощь, а почти половина респондентов – 49% – принимали решение по финансовому продукту, основываясь на других источниках информации (например, рассматривали предложения только одной компании или вообще не сравнивали предложения о намеченном финансовом

продукте). У РФ соответствующие показатели близки к средним – 17 и 46% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 64].

Финансовые установки людей. Значение этого направления исследования определяется тем, что, даже если человек обладает достаточными финансовыми знаниями и способен поступать финансово правильным образом, его финансовая установка будет влиять на его решение действовать или нет.

Респондентам были предложены три утверждения, призванные отразить их отношение к деньгам и планированию будущих расходов и сбережений: «Я стремлюсь жить сегодняшним днем, не заботясь о завтрашнем», «Я нахожу, что лучше тратить деньги, чем сберегать» и «Деньги существуют для того, чтобы их тратить». Респондентов попросили указать, согласны ли они с такими утверждениями или нет – степень согласия ранжировалась по шкале от 5 баллов (полностью не согласен) до 1 балла (полностью согласен). Эксперты исходили из того, что краткосрочные установки могут препятствовать поведению, способствующему повышению финансовой устойчивости и благосостояния. Более финансово грамотные люди, как правило, не согласны с предложенными утверждениями и отдают предпочтение долгосрочным установкам. Более высокий уровень ФГ, по мнению экспертов, имеют респонденты, получившие 4–5 баллов по результатам теста на финансовые установки.

Как показало исследование, почти во всех странах отношение людей к утверждению «Я стремлюсь жить сегодняшним днем» более финансово грамотно, чем их отношение к деньгам и расходам. Доля респондентов, которые продемонстрировали склонность к долгосрочным установкам, в среднем по G20 составила чуть менее половины (48%). В РФ так относятся к указанному утверждению 40% опрошенных. В Индии (28) и Саудовской Аравии (18%) менее трех из десяти человек продемонстрировали финансово грамотное отношение к утверждению «Я стремлюсь жить сегодняшним днем», что контрастирует с соответствующими показателями Норвегии (78%), Франции (68), Канады (64%), где это сделали более шести из 10 человек [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 65].

Не согласились с тем, что деньги лучше тратить, чем сберегать, 43% респондентов. В РФ такого мнения придерживается значительно меньше людей – 29%.

С утверждением «Деньги существуют для того, чтобы их тратить» не согласились только 29% респондентов G20. Наибольшая доля практикующих бережливое отношение к деньгам в Ин-

донезии: несогласных с указанным утверждением здесь 75%. Меньше всего таких людей – в Саудовской Аравии (15) и Турции (15%). В России доля бережливо настроенного населения ниже среднего уровня и равна 22% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 65].

По результатам исследования, средняя оценка ФГ по G20 – 12,7 баллов из 21 максимально возможного. Россия получила 12,2 балла, что немного ниже среднего показателя. Среди стран G20 самый высокий уровень ФГ во Франции (14,9) и Канаде (14,6), а самый низкий – в Италии (11) и Саудовской Аравии (9,6). С учетом позиций приглашенных стран Россия заняла 11 место [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 67].

Дополнительным предметом изучения в рассматриваемом исследовании ОЭСР/INFE является вопрос о финансовой доступности и характеристиках активных потребителей финансовых продуктов и услуг. Для измерения финансовой доступности были использованы семь показателей. Из них четыре дискретных показателя позволяют выявить респондентов, которые в настоящее время: 1) имеют какой-либо сберегательный или пенсионный продукт; 2) пользуются платежными продуктами, расчетным счетом или услугами мобильных платежей (кроме кредитных карт, которые учитываются в качестве кредитного продукта); 3) используют какую-либо форму страхования и 4) пользуются кредитными продуктами или ипотекой.

Задача использования остальных трех показателей состоит в том, чтобы узнать, осведомлены ли потребители, по крайней мере, о финансовых продуктах, доступных на национальном рынке, делают ли они выбор финансовых продуктов и помогают ли они семье или друзьям сводить концы с концами или обращаются к ним как источнику экстренного финансирования.

Использование финансовых продуктов. Исследование показало, что в большинстве стран жители используют платежные продукты, которые, как правило, являются наиболее распространенной формой финансовых продуктов. В среднем по G20 этими продуктами пользуются 66% респондентов, в том числе 100% во Франции, 98 в Австралии и 93% в Канаде. В среднем по G20 примерно такая же часть респондентов (63%) пользуется сберегательными и пенсионными продуктами, но в некоторых странах (в частности, в Бразилии, Индии, Индонезии, Китае и ЮАР) они более широко распространены, чем платежные продукты. В РФ платежные продукты применяют 77% респондентов (это существенно выше среднего уровня), тогда как сберегательные и пенсионные

продукты – всего 20% респондентов (ниже только у Турции – 8%). Это очень мало по сравнению с Индонезией (92%), Францией, Канадой и Австралией (по 90% в каждой) [G20/OECD INFE report., 2017, с. 67].

Использование услуг страхования сильно различается по странам, и в среднем чуть более половины респондентов (52%) имеют какой-либо страховой полис, в частности по таким видам страхования, как страхование автомобилей, путешествий или имущества¹. В нескольких странах более 80% населения имеют страховой полис, в том числе в Южной Корее (81%), США (87) и Австралии (88%). В то же время доля таких людей значительно ниже в Бразилии (3%), России (17) и Турции (19%) [G20/OECD INFE report., 2017, с. 67].

Кредитными услугами в странах G20 пользуются в среднем чуть более половины респондентов (51%). При этом данный показатель колеблется от 87% в США, 86 – в Австралии, 85 – в Канаде и 81 – в Норвегии до 23% в Индии [G20/OECD INFE report., 2017, с. 46]. В РФ этот показатель достаточно низкий – 32% [G20/OECD INFE report., 2017, с. 67].

Осведомленность о финансовых продуктах. В среднем по G20 четыре из пяти взрослых (83%) осведомлены по крайней мере о пяти различных финансовых продуктах. В таких странах, как Франция (98%), Канада (96) и Россия (96%), уровень осведомленности близок к 100%. Напротив, в Индонезии менее четырех из десяти взрослых (37%) указали, что им известно о пяти разных финансовых продуктах.

Активный выбор продуктов. Финансовая доступность приносит наибольшую пользу потребителям, если они контролируют имеющиеся у них продукты, изучают изменения на рынке и в соответствии с ними корректируют состав своей корзины финансовых услуг. Наоборот, потребители, которые приобретают финансовые продукты, но в дальнейшем не контролируют их, не получают от них ожидаемых выгод.

В ходе исследования были выявлены существенные различия в степени активности людей на рынке финансовых продуктов в разных странах. Так, в среднем по G20 67% респондентов за последние два года приобрели как минимум один финансовый продукт. В Саудовской Аравии (100%), Китае (98), Индонезии (94) и

¹ В рамках настоящего исследования страхование жизни учитывается в качестве сберегательного продукта.

Норвегии (94%) максимальное число респондентов были активными финансовыми потребителями в последние два года. Напротив, в Италии (33%), Нидерландах (34) и Австралии (22%) таких людей было значительно меньше. РФ по этому показателю находится в числе лидеров – 89% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 68].

Альтернативные источники финансирования. Когда люди не имеют доступа к финансовым продуктам, они чаще обращаются за помощью к друзьям и семье. В среднем по G20 примерно каждый пятый (19%) в течение последних 12 месяцев поступал таким образом. Однако этот показатель сильно варьирует по странам – от 54% в Индии до 6% в Австралии, Нидерландах и Норвегии. В РФ этот показатель сравнительно низкий – 22% [G20/OECD INFE report..., 2017, с. 68].

Приведенные выше данные показывают, что Россия не является аутсайдером по уровню ФГ, она занимает средние позиции. В вопросах ФГ, конечно, есть страны-лидеры, такие как Франция, Норвегия, Канада, Китай, Южная Корея и др. Их лидерство, как справедливо заметил директор департамента международных финансовых отношений Министерства финансов РФ А. Бокарев, обусловлено тем, что к пониманию важности ФГ они пришли 20 лет назад. В России же это произошло сравнительно недавно, а государственная стратегия формировалась постепенно в 2010-е годы [Мы далеко не аутсайдеры..., 2017].

По всем направлениям исследования, как уже указывалось, Россия набрала 12,2 балла при среднем показателе по G20 в 12,7 баллов из максимальных 21. Большинство показателей у РФ близки к средним по G20 или немного ниже их. В частности, это показатели, оценивающие финансовые знания, финансовое поведение и финансовые установки.

По нескольким показателям у России сравнительно высокие позиции. Так, склонность к заимствованию денег при их нехватке у россиян выше среднего по G20 уровня (24% респондентов заимствовали деньги в течение последних 12 месяцев против 22% в среднем по G20). Для россиян характерна также сравнительно высокая осведомленность о финансовых продуктах (96% опрошенных сообщили, что знакомы не менее чем с пятью финансовыми продуктами против 83% в среднем по G20). Кроме того, россияне являются активными потребителями финансовых услуг: 89% опрошенных указали, что приобрели как минимум один финансовый продукт за последние два года, в то время как средняя по G20 доля составляет 67%.

Вместе с тем у россиян есть ряд важных отличительных качеств. Так, в России гораздо меньше людей, чем в среднем по G20, не согласились с утверждением, что деньги лучше тратить, чем сберегать (29% против 43%). И это положительно характеризует их ФГ. Тем не менее в РФ сравнительно ниже склонность к сбережению денег: если в среднем по G20 64% респондентов делали сбережения за последние 12 месяцев, то в России – только 55%.

У россиян есть свои предпочтения и при выборе финансовых продуктов. Так, значительная часть россиян пользуется платежными продуктами (77% против 66% в среднем по G20). В этом Россия близка к ведущим странам мира. Однако гораздо менее популярной формой финансовых продуктов в РФ являются страховые продукты, что отличает Россию от большинства обследованных стран.

Сильное отставание России отмечается и по использованию сберегательных и пенсионных продуктов (только 20% опрошенных сообщили о них против 63% в среднем по G20). Достаточно низкая и доля россиян, которые пользуются кредитными услугами (32% опрошенных против 51% в среднем по G20). В отличие от этого в трудной финансовой ситуации россияне сравнительно часто обращаются к семье и знакомым, т.е. к неформальным источникам финансирования (так поступают 22% опрошенных против 19% в среднем по G20).

Особенности проблемы ФГ в России

Специфика проблемы ФГ в России во многом обусловлена ее историческим прошлым, в том числе процессом формирования рыночной экономики, банковского сектора и рынка финансовых услуг. Рост потребности в повышении ФГ населения в РФ предопределили стремительные изменения в финансовой сфере, начавшиеся в 1990-х годах в связи с радикальными рыночными преобразованиями. Фактически приобретение финансовых знаний РФ отражает процесс адаптации населения к новым условиям хозяйствования. История нашей страны, к сожалению, сложилась так, что финансовая культура, финансовые традиции и навыки бережного отношения к деньгам, сбережения, планирования семейного бюджета и т.д. за советский период в основном были утрачены. Поэтому финансовую культуру пришлось восстанавливать практически с нуля [Концепция Национальной программы..., 2009].

В условиях формирования рыночной экономики, основополагающим элементом которой являются деньги и отношения между людьми по поводу денег, большая часть населения России оказалась совершенно не подготовленной к принятию правильных финансовых решений и использованию современных инструментов финансового рынка. Новые финансовые практики, дающие возможность выжить в предлагаемых условиях, население вынуждено вырабатывать самостоятельно, как правило, методом проб и ошибок, что часто приводит к серьезным негативным последствиям для отдельных людей [Моисеева Д.В., 2017; Силина С.Н., Ступин В.Ю., 2017].

Хотя рыночная трансформация продолжается уже не одно десятилетие, тем не менее, как свидетельствуют социологические исследования, население РФ слабо адаптировалось к условиям, сложившимся в финансовом секторе. Доля финансово подготовленных граждан остается низкой. Проблема повышения ФГ населения РФ обострилась в условиях спада в экономике, развивающегося с 2014 г. и вызванного экономическими санкциями Запада, падением цен на нефть и ростом дефицита финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении государства.

Во многом повышению ФГ препятствуют сложившиеся годами стереотипы. Многие считают, что ФГ важна для тех, кто активно работает на финансовых рынках, а для простого обывателя эта тема не актуальна. Еще одной особенностью финансовой культуры россиян являются патерналистские установки финансового поведения: российские потребители финансовых услуг, как показывают исследования, склонны перекладывать ответственность за личные финансовые решения и принимаемые финансовые риски на государство [Стратегия повышения..., 2017]. При этом население не уделяет должного внимания контролю над личными финансами и редко соблюдает финансовую дисциплину.

Кроме того, недостаточная финансовая грамотность россиян является результатом, во-первых, фрагментарного характера преподавания основ ФГ в образовательных организациях, недостатка понятных и доступных учебных программ и образовательных материалов для всех слоев населения (в первую очередь для школьников и студентов) и квалифицированных преподавателей и, во-вторых, отсутствия механизма взаимодействия государства и общества, обеспечивающего повышение ФГ населения и развитие финансового образования граждан, а также несовершенства законодательного и нормативного обеспечения, низкой информи-

рованности о защите прав потребителей, недостаточного уровня ресурсного (финансового, квалификационно-кадрового, информационно-технологического) обеспечения необходимых программ и мероприятий и др.

Согласно опросу НАФИ, каждый четвертый россиянин считает допустимым невозврат кредита, оправдывая это тем, что банк скрывает реальную стоимость кредита или в одностороннем порядке увеличивает размер процентной ставки. Доля заемщиков, которые полагают, что небольшая задержка во внесении платежей по кредиту не страшна, выросла в 2018 г. по сравнению с 2013 г. с 22 до 41%. Основная причина, которая, по мнению большинства, позволяет не возвращать кредит, – это внезапно возникшие обстоятельства (экономический кризис, болезнь, потеря работы, снижение заработков, развод и т.п.). В 2017 г. ее называли 48% россиян, в то время как два года назад этот аргумент приводили реже (39%) [Четверть россиян..., 2018; Россияне стали реже..., 2017].

Довольно значительная часть россиян с большим недоверием относятся к различным формам сбережений. Так, сберегательными продуктами россияне пользуются редко. Примерно равные доли опрошенных сейчас имеют в банках срочные вклады (8%) и текущие (не зарплатные) счета (7%). При этом численность россиян, имеющих вклады, с 2014 г. сократилась более чем в 2 раза (на 10 п.п.). Страховыми услугами пользуются только 6% россиян. По итогам обзора страхового рынка НАФИ за 2017 г., драйверы роста здесь практически отсутствуют, а отрицательную динамику показывают все виды добровольного страхования [Россияне стали чаще..., 2018].

Выступая на пленарной сессии симпозиума ОЭСР «Повышение ФГ в мире: реализация и инновации», проходившего в Москве в октябре 2018 г., заместитель министра финансов РФ С. Сторчак обозначил три вызова, стоящие перед Россией в вопросах ФГ: 1) недоверие граждан к существующим финансовым институтам; 2) неумение потребителей финансовых услуг отстаивать свои права; 3) недостаток знаний в области финансов у людей старшего возраста [Глобальный Симпозиум ОЭСР..., 2018].

Наиболее последовательная и обширная работа, направленная на повышение уровня ФГ населения, ведется в рамках проекта «Содействие повышению уровня ФГ населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» (далее – Проект), который реализует с 2011 г. Министерство финансов РФ (Минфин России) совместно со Всемирным банком [Проект «Содействие по-

вышению...]. Первоначально он был рассчитан на пять лет (до июня 2016 г.), но в настоящее время срок его действия продлен до конца 2020 г. Всемирный банк оказывает Проекту финансовое и техническое содействие. К работе над Проектом привлекаются международные эксперты.

Целью Проекта является повышение ФГ российских граждан (особенно учащихся школ и высших учебных заведений, а также взрослого населения с низким и средним уровнями доходов), содействие формированию у российских граждан разумного финансового поведения, обоснованных решений и ответственного отношения к личным финансам, повышение эффективности в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг.

В Проекте поставлены следующие задачи: создание устойчивых институциональных механизмов реализации программ повышения ФГ на федеральном и региональном уровнях; формирование кадрового потенциала в области реализации программ повышения ФГ на федеральном и региональном уровнях; разработка, тестирование и распространение образовательных программ и инструментов повышения ФГ; поддержка инициатив «снизу», направленных на повышение ФГ; укрепление потенциала органов госуправления и негосударственного сектора в сфере защиты прав потребителей в сфере финансовых услуг; проведение комплексной оценки и организация мониторинга уровня ФГ и финансового поведения населения.

В рамках реализации этих задач проводится регулярный мониторинг уровня ФГ. Впервые базовое обследование уровня ФГ и компетентности российского населения проводилось в рамках Проекта осенью 2012 г. Его основной целью было создание методологии измерения ФГ россиян и оценка ее базового уровня в целом по России и по четырем регионам, а также по целевым группам населения.

Кроме того, в рамках Проекта разрабатываются и реализуются образовательные программы по повышению ФГ, в том числе учебно-методические комплекты (УМК) для различных целевых и возрастных групп учащихся образовательных организаций. УМК включают в себя: учебную программу, материалы для обучающихся, методические рекомендации для учителя, контрольно-измерительные материалы, материалы для родителей.

Для системной работы по продвижению образовательных программ по ФГ на базе ведущих российских университетов (МГУ, РАНХиГС и НИУ ВШЭ) создана и начала работу сеть фе-

деральных и региональных методических центров по повышению квалификации преподавателей высшего и среднего профессионального образования, учителей школ и методистов.

Благодаря Проекту в школах и вузах внедряются курсы ФГ, а в рамках системы подготовки и повышения квалификации проводится обучение педагогов. К июню 2018 г. почти 20 тыс. преподавателей и будущих педагогов из почти двух третей российских регионов прошли соответствующее обучение.

В 2015 г. начал работу официальный сайт Национальной программы повышения ФГ – vaшифинансы.рф. Он дает всем гражданам России возможность определить уровень своей ФГ, получить онлайн-консультацию финансовых экспертов, познакомиться с образовательными материалами, увидеть и услышать, что думают о ФГ известные люди, или узнать новости о мероприятиях Всероссийской недели сбережений и т.д.

В рамках Проекта ежегодно весной проводится Всероссийская неделя ФГ для детей и молодежи, а осенью – Всероссийская неделя сбережений для взрослого населения. Так, в 2018 г. в мероприятиях детской и молодежной недели приняли участие более 2,5 млн детей и подростков, которые участвовали примерно в 25 400 мероприятиях по всей России [Хорвай А., Бокарев А., 2018].

Совершенствуются институциональные основы защиты прав потребителей финансовых услуг, а также осуществляется поддержка широкого круга инициатив «снизу», направленных на повышение ФГ и информирование граждан о возможностях защиты прав потребителей финансовых услуг. К реализации Проекта привлечены федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественные объединения потребителей, представители экспертного и образовательного сообществ.

На основе опыта реализации Проекта Министерство финансов РФ инициировало разработку первой общероссийской программы повышения ФГ – «Стратегии повышения ФГ в Российской Федерации на 2017–2023 годы» (далее – Стратегия), которая была принята в сентябре 2017 г. В этом документе обобщен шестилетний опыт работы в рамках Проекта и сформулированы основные цели и задачи государственной политики, направленной на повышение уровня ФГ. Как и в Проекте, в Стратегии задача проведения комплексной оценки и мониторинга уровня ФГ и финансового поведения населения рассматривается в качестве условия достижения главной цели, которая состоит в создании основ для формиро-

вания финансово грамотного поведения населения, как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан, в том числе за счет использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества [Стратегия повышения..., 2017, с. 10].

При разработке Стратегии приняты во внимание Руководящие принципы ООН для защиты интересов потребителей, Принципы высокого уровня «Группы двадцати» по защите прав потребителей финансовых услуг, разработанные ОЭСР, Принципы высокого уровня ОЭСР / Международной сети финансового образования (International network on financial education, INFE) по национальным стратегиям финансового образования, Руководство ОЭСР / Международной сети финансового образования для частных и некоммерческих заинтересованных сторон в области финансового образования, Принципы «Группы двадцати» по инновационной финансовой доступности и принятые в соответствии с ними документы, а также результаты анализа лучших зарубежных практик по повышению ФГ.

Реализация Стратегии включает два этапа. На первом этапе (2017–2019) разрабатывается план действий, включающий в себя комплекс мероприятий, направленных на реализацию основных задач государственной политики в области повышения ФГ. По его итогам будет проведен комплексный анализ результатов реализации плана мероприятий на предмет достижения поставленных целей, задач и ожидаемых результатов. На втором этапе (2020–2023) планируется продолжить осуществление мероприятий по повышению уровня финансовой грамотности населения РФ в соответствии с целевыми показателями.

План реализации Стратегии предусматривает подготовку более 40 тыс. педагогов [План мероприятий..., 2018]. В ее реализации активное участие принимают Банк России и другие заинтересованные ведомства. Минфин России и Банк России участвуют в управлении реализацией Стратегии на условиях системного партнерства и паритета.

Банк России с 2012 г. (первоначально в рамках проекта «Содействие повышению уровня ФГ населения и развитию финансового образования в Российской Федерации») ведет системную работу по выработке и реализации образовательных моделей повышения уровня ФГ населения, обобщению лучших частных и общественных инициатив в сфере финансового образования, созданию учебных пособий по основам ФГ. Совместно с Минобрнауки России проводится доработка примерных образовательных про-

грамм, запущены программы повышения квалификации преподавателей образовательных организаций и подготовки тьюторов по финансовому просвещению. Значительное внимание уделяется повышению уровня ФГ и предпринимательской грамотности субъектов малого и среднего бизнеса с акцентом на выявление рисков при использовании различных финансовых услуг и инструментов, реализуются соответствующие обучающие программы. Также Банком России разрабатывается методология оценки уровня ФГ населения в целях проведения дальнейшего мониторинга в рамках реализации Стратегии.

Стратегия направлена на охват различных целевых аудиторий населения РФ, но приоритет отдан наименее защищенным категориям граждан: учащимся, гражданам с низкими и средними доходами, гражданам пенсионного и предпенсионного возраста, лицам с ограниченными возможностями.

Для достижения поставленной в Стратегии цели предполагается решить две взаимосвязанные задачи: 1) повышение охвата и качества финансового образования и информированности населения, а также обеспечение необходимой институциональной базы и методических ресурсов образовательного сообщества с учетом развития современных финансовых технологий; 2) разработка механизмов взаимодействия государства и общества, обеспечивающих повышение ФГ населения и информированности в данной области, в том числе в части защиты прав потребителей финансовых услуг, пенсионного обеспечения и социально ответственного поведения участников финансового рынка.

Мероприятия по решению первой задачи включают [План мероприятий «дорожная карта»..., 2018]:

– *образовательные мероприятия*: разработка и внедрение образовательных программ по основам ФГ на всех уровнях общего образования, а также в системе профессионального образования; внедрение курсов ФГ в программы вузов всех неэкономических специальностей и педагогических вузов; разработка и внедрение цифровых образовательных ресурсов (онлайн-игр, мобильных приложений и др.), проведение регулярных измерений уровня ФГ с целью оценки эффективности реализации Стратегии; участие в международном исследовании PISA уровня ФГ 15-летних учащихся; использование интернет-платформ по вопросам повышения ФГ для учителей, детей и родителей; создание программно-методического обеспечения повышения квалификации педагогических работников; проведение регулярной оценки (тестирования) качества

учебных программ и учебно-методических материалов по ФГ и эффективности их внедрения и др.;

– *информационно-пропагандистские мероприятия*: проведение всероссийских чемпионатов по ФГ среди детских и молодежных команд; организация олимпиад по ФГ; проведение регулярных всероссийских недель ФГ для детей и молодежи, в том числе недель сбережений, недель инвесторов, дней пенсионной грамотности и т.п.; организация системы коммуникаций с различными целевыми группами в целях информирования населения по вопросам ФГ; повышение квалификации представителей СМИ (через проведение семинаров, круглых столов и т.д.) для лучшего освещения вопросов ФГ; увеличение количества доступных каналов и форм обратной связи потребителей финансовых услуг и др.

Мероприятия по решению второй задачи включают: внедрение программ обучения и повышения квалификации госслужащих, занятых вопросами защиты прав потребителей финансовых услуг; разработку материалов по информированию и защите прав потребителей финансовых услуг; использование информационных ресурсов с регулярным их обновлением для информирования населения по вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг; распространение материалов по основам пенсионной грамотности; разработку стратегических планов деятельности субъектов РФ и муниципальных образований и региональных программ повышения уровня ФГ населения; создание механизма отбора и поддержки частных и общественных инициатив в области ФГ; разработка правил привлечения частных и общественных организаций к мероприятиям в области ФГ; взаимодействие с международными организациями; разработка механизма финансирования (софинансирования) Банком России мероприятий по реализации Стратегии.

Заключение

Хотя уровень ФГ в России остается еще недостаточно высоким, за последние годы удалось сделать существенный шаг вперед в этой области. Позитивные сдвиги, в частности, подтверждают результаты обследования ФГ учащихся в рамках программы PISA-2015, представленных в 2017 г. Российские учащиеся продемонстрировали результаты, превышающие средний международный уровень, заняв четвертое место (по сравнению с десятым местом в 2012 г.) [PISA 2015 Results..., 2017, с. 31].

О некоторых, пока незначительных сдвигах свидетельствуют и результаты опросов НАФИ. Так, согласно опросу НАФИ, проведенному в сентябре 2018 г., по сравнению с 2017 г. россияне стали выше оценивать свой уровень ФГ [Россияне стали выше..., 2018]. Хорошие или отличные оценки своей ФГ в 2018 г. дали 17% россиян (рост на 5 п.п. по сравнению с 2017 г.). Соответственным образом изменились доли тех, кто оценил свои знания и навыки в сфере финансов как удовлетворительные (47%, сокращение на 3 п.п.) и неудовлетворительные (36%, сокращение на 2 п.п.).

Выше других свою ФГ оценили опрошенные в возрасте 25–34 лет (21%) и 35–44 лет (22), а также те, кто имеет высшее образование (27%). Низкие оценки себе чаще давали россияне старше 55 лет (46%) и люди без высшего образования (42%).

Кроме того, с 2015 г. постепенно растет доля семей, в которых ведется учет доходов и расходов (20% в 2015, 25 в 2016 и 42% в 2017 г.). Также снижается число тех, кто не ведет такой учет, но знает, сколько было денег потрачено и сколько поступило (56% в 2016 и 41% в 2017 г.). Доля тех, кто не знает суммы поступлений и трат, остается прежней (14%) [Россияне стали более тщательно..., 2017].

Выросло число россиян, которые хотят взять кредит. В 2017 г. 21% россиян отметили, что сейчас подходящее время для того, чтобы взять кредит, что на 10 п.п. больше, чем год назад. О том, что сейчас не стоит брать кредиты, заявили две трети опрошенных – 64% (на 13 п.п. меньше, чем в прошлом году) [Выросло число..., 2018].

В 2018 г. 36% россиян указали, что перед приобретением финансовой услуги всегда сравнивают предложения от разных компаний. Это на 9 п.п. больше, чем в предшествующем году. Реже, чем в целом среди опрошенных, сравнивают условия предоставления финансовых услуг россияне старше 55 лет [Россияне стали более тщательно..., 2017].

Абсолютное большинство россиян (87%) пользуются различными видами финансовых услуг [Россияне стали чаще..., 2018]. Чаще всего это банковские карты для получения зарплаты, пенсии или стипендии (62%). Каждый пятый (23%) использует дебетовую (не зарплатную) карту, полученную при открытии счета в банке. 16% россиян пользуются кредитными картами, причем более половины тех, у кого есть «кредитки», оформили их «на всякий случай» после предложения банков. На протяжении последних четырех лет прослеживается тренд: россияне стали чаще пользо-

ваться кредитными картами (рост на 7 п.п.). Ипотечный кредит есть у 5% россиян, автокредит – у 3%.

За последние четыре года (2014–2018) россияне стали чаще пользоваться кредитными картами. Доля россиян, имеющих банковские вклады, за этот период сократилась более чем в 2 раза. Приложения для мобильного банкинга у россиян популярнее, чем интернет-банкинг. Приложениями мобильного банка пользуется каждый третий (34%) – это в два раза больше числа пользователей интернет-банкинга (17%). Мобильный банкинг наиболее востребован среди людей в возрасте до 44 лет (им пользуются 41–45%), а также среди жителей российских столиц (42%). С интернет-банкингом ситуация похожая – им чаще пользуются люди до 44 лет (20–26%) [Россияне стали чаще..., 2018].

Положительная динамика наблюдается и в использовании россиянами современных платежных средств [Каждый десятый россиянин..., 2018]. Доля россиян, которые оплачивают покупки безналичным способом, стабильно растет и с 2013 г. выросла более чем втрое. При этом каждый десятый пользуется бесконтактным способом оплаты при помощи смартфонов. Другими «умными» аксессуарами (часами, браслетами и т.п.) пока успели воспользоваться единицы. Платежи с помощью карт и смартфонов представляются россиянам самыми удобными способами бесконтактной оплаты.

Реализация государственной стратегии в области ФГ, как представляется, уже дает результаты, но очевидно, что решение поставленных государством задач предполагает последовательные действия на протяжении длительного периода. Вообще говоря, работа в данном направлении должна вестись на постоянной основе и учитывать изменения, происходящие в финансовой сфере, экономике в целом, внешнеэкономической обстановке и т.д. Очень важно привлекать к участию в ней все заинтересованные стороны, в частности кредитно-финансовые организации, образовательные и некоммерческие организации, организации по защите прав потребителей, волонтеров и др.

Список литературы

1. Артемьева С.С., Митрохин В.В. Оценка финансовой грамотности российской и зарубежной молодежи и рекомендации по ее повышению // Интеграция образования. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 46–59.

2. Белехова Г.В., Калачикова О.Н. «Век живи – век учись»: Концептуальный дискурс о финансовой грамотности населения // Экономические и социальные перемены: Факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 143–162.
3. Выросло число россиян, которые хотят взять кредит // НАФИ. – 2018. – 28.05. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/vyroslo-chislo-rossiyan-kotorye-khotyat-vzyat-kredit/>
4. Гарцуева Е.В. Финансовая грамотность индивида – условие его успехов в рыночной экономике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 38. – С. 91–105.
5. Глобальный Симпозиум ОЭСР в Москве объединил ведущих экспертов по финансовому образованию. – 2018. – 05.10. – Режим доступа: <https://вашифинансы.pf/for-smi/press/news/globalnyy-simpozium-oesr-v-moskve-obedinil-vedushchikh-ekspertov-po-finansovomu-obrazovaniyu/>
6. Каждый десятый россиянин пользуется смартфоном для бесконтактной оплаты товаров // НАФИ. – 2018. – 25.07. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/kazhdy-desyaty-rossiyanin-polzuetsya-smartfonom-dlya-beskontaktnoy-oplaty-tovarov/>
7. Концепция Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации. – М., 2009. – Режим доступа: https://narfu.ru/sf/sevgi/aflatun/concept_rf.pdf
8. Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: Определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. – 2015. – № 8. – С. 129–148.
9. Масленников В.В., Федотова М.А., Сорокин А.Н. Новые финансовые технологии меняют наш мир // Вестник Финансового университета. – 2017. – Т. 21, № 2. – С. 6–11.
10. Машинистова Г.Е. Проблемы повышения финансовой грамотности населения Российской Федерации // Учет и контроль. – 2016. – № 8. – С. 48–57.
11. Моисеева Д.В. Финансовая грамотность населения российского региона: Экономико-социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: специальность 22.00.03: Экономическая социология и демография [место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. – Волгоград, 2017. – 29 с.
12. Мы далеко не аутсайдеры в вопросах финансовой грамотности: Интервью директора департамента международных финансовых отношений Минфина А. Бокарева // Финансовая газета. – 2017. – 09.10. – Режим доступа: <https://fingazeta.ru/opinion/interview/218212/>
13. Национальная стратегия повышения финансовой грамотности 2017–2023 гг. – М., 2017. – 27 с. – Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=118377
14. Новые финансовые технологии: Финансовый сектор трансформируется под влиянием новых технологий // Глобальные технологические тренды. – 2016. –

- № 11. – С. 1–4. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/data/2016/12/16/1112515468/Layout.pdf>
15. План мероприятий («дорожная карта») по реализации Стратегии повышения финансовой грамотности в РФ на 2017–2023 годы. – 2018. – 03.12. – 34 с. – Режим доступа: https://www.minfin.ru/common/upload/DK_NS.pdf
16. Проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.ru/ru/om/fingram>
17. Россияне стали более тщательно вести семейный бюджет // НАФИ. – 2017. – 14.08. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-bolee-tshchatelno-vesti-semeynyy-byudzhel/>
18. Россияне стали выше оценивать свой уровень финансовой грамотности // НАФИ. – 2018. – 14.11. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-vyshe-otsenivat-svoy-uroven-finansovoy-gramotnosti/>
19. Россияне стали реже оправдывать невозврат кредитов // НАФИ. – 2017. – 06.10. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-rezhe-opravdyvat-nevozvrat-kreditov/>
20. Россияне стали чаще пользоваться кредитными картами // НАФИ. – 2018. – 25.12. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/rossiyane-stali-chashche-polzovatsya-kreditnymi-kartami/>
21. Седлов Д. Умные деньги: Шесть главных финансовых технологий этого года // Forbes. – 2018. – 15.02. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/rating/357269-umnye-dengi-shest-glavnyh-finansovyh-tehnologiy-etogo-goda>
22. Силина С.Н., Ступин В.Ю. От финансовой грамотности к финансовой культуре // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2017. – № 4. – С. 71–79.
23. Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 сентября 2017 г. № 2039-р). – 2017. – 31 с. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/uQZdLRkPLAdEVdaBsQrk505szCcL4PA.pdf>
24. Финансовые пирамиды порождают недоверие ко всем формам инвестиций и сбережений // НАФИ. – 2018. – 02.11. – Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/finansovye-piramidy-porozhdayut-nedoverie-ko-vsem-formam-investitsiy-i-sberezheniy/>
25. Хорвай А., Бокарев А. Финансовая грамотность: помогая гражданам принимать ответственные финансовые решения [Электронный ресурс]. – 2018. – 21.06. – Режим доступа: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/opinion/2018/06/21/financial-literacy-helping-citizens-make-smart-financial-choices>
26. Худько Е., Хромов М. Актуальные подходы к повышению уровня финансовой грамотности в мировой практике // Экономическое развитие России. – 2017. – № 8. – С. 35–40.

27. Четверть россиян оправдывают невозврат кредита // НАФИ. – 2018. – 06.06. – Режим доступа: <https://nafir.ru/analytics/chetvert-rossiyan-opravdyvayut-nevozvrat-kredita/>
28. Atkinson A., Messy F.-A. Measuring financial literacy: Results of the OECD / International Network on Financial Education (INFE) Pilot Study. – P.: OECD Publishing, 2012. – (OECD Working Papers on finance, insurance and private pensions; N 15). – Mode of access: https://read.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/measuring-financial-literacy_5k9csfs90fr4-en#page1
29. Financial education in Europe: Trends and recent developments. – P.: OECD Publishing, 2016. – 72 p. – Mode of access: https://read.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/financial-education-in-europe_9789264254855-en#page1
30. G20/OECD INFE report on adult financial literacy in G20 countries. – P.: OECD Publishing, 2017. – 80 p. – Mode of access: <http://www.oecd.org/daf/fin/financial-education/G20-OECD-INFE-report-adult-financial-literacy-in-G20-countries.pdf>
31. Hung A., Yoong J., Brown E. Empowering women through financial awareness and education. – P.: OECD Publishing, 2012. – 42 p. – (OECD Working papers on finance, insurance and private pensions; N 14). – Mode of access: <http://asiawomen.org.sg/docs/EMPOWERING%20WOMEN%20THROUGH%20FINANCIAL%20AWARENESS%20AND%20EDUCATION.pdf>
32. Klapper L., Lusardi A., van Oudheusden P. Financial literacy around the world: Insights from the Standard & Poor's ratings services global financial literacy survey. – 2016. – 27.11. – 28 p. – Mode of access: http://gflec.org/wp-content/uploads/2015/11/3313-Finlit_Report_FINAL-5.11.16.pdf?x87657
33. Messy F.-A., Monticone C. Financial education policies in Asia and the Pacific. – P.: OECD Publishing, 2016. – 66 p. – (OECD Working papers on finance, insurance and private pensions; N 40). – Mode of access: <http://asiawomen.org.sg/docs/FINANCIAL%20EDUCATION%20POLICIES%20IN%20ASIA%20AND%20THE%20PACIFIC.pdf>
34. OECD/INFE International survey of adult financial literacy competencies. – P.: OECD Publishing, 2016. – 98 p. – Mode of access: <http://www.oecd.org/finance/OECD-INFE-International-Survey-of-Adult-Financial-Literacy-Competencies.pdf>
35. PISA 2015 Results (Volume IV): Students' Financial Literacy. – P.: OECD Publishing, 2017. – 270 p. – Mode of access: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264270282-en.pdf?expires=1548069316&id=id&accname=guest&checksum=22004BF1A6BED548706924841588F55E>

О.Н. Пряжникова*

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ И СОЛИДАРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Рассматриваются определения и ключевые характеристики социальных инноваций. Представлен анализ практик социальной и солидарной экономики с точки зрения социальных инноваций. Рассматриваются особенности развития социальной и солидарной экономики в России.

Ключевые слова: социальные инновации; социальная и солидарная экономика; общественное благо; социальная инклюзия; неравенство; кооперативы; социальные предприятия.

O.N. Pryazhnikova

Social innovation and social and solidarity economy

Abstract. Definitions and key features of social innovations are considered. Common characteristics of social and solidarity economy and social innovation are highlighted. Key trends of social and solidarity economy development in Russia are reviewed.

Keywords: social innovation; social and solidarity economy; public good; social inclusion; inequality; cooperatives; social enterprise.

* **Пряжникова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Отдела экономики ИНИОН РАН.

Pryazhnikova Olga Nikolaevna, researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Введение

Одним из самых актуальных вызовов для современного общества является потребность в укреплении сплоченности социальной среды и росте инклюзии¹. Действие таких глобальных тенденций, как увеличение неравенства в распределении доходов, увеличение объемов пенсионных выплат и расходов на здравоохранение и долгосрочный медицинский уход, обусловленные старением населения, приводит к тому, что государственные системы социального обеспечения зачастую оказываются неспособными быстро и эффективно решать возникающие проблемы, что, в свою очередь, подрывает интегрированность и устойчивость социальной сферы.

Ответом общества на данные проблемы становятся разнообразные социальные инновации (СИ). Они повышают качество жизни населения, удовлетворяя его социальные нужды. Такие инновационные процессы, характеризующиеся открытостью и демократичностью, способствуют росту инклюзии в обществе.

Концепция социальных инноваций

Число исследований социальных инноваций значительно выросло в последние годы. В рамках этих исследований существует целый ряд определений СИ, но ни одно из них не является исчерпывающим и общепризнанным.

СИ можно рассматривать как изменения, вызванные процессом перестройки или перекомбинирования существующих активов (социального капитала, исторического наследия, доступных передовых технологий), которые направлены на достижение общественно важных целей новым способом [Manzini E., 2014, с. 57]. Из данного определения следует, что СИ представляют собой естественную составляющую жизни любого общества и отвечают двум важным критериям, присущим инновациям, а именно: несут в себе элементы новизны и способствуют совершенствованию составляющих активов. При этом очевидно, что, хотя СИ не обяза-

¹ Инклюзия представляет собой активный процесс укрепления чувства принадлежности индивида или группы к сообществу. Это процесс социальной интеграции (Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия Южного Федерального университета. – Ростов-на-Дону, 2009. – № 12. – С. 51–58.)

тельно являются чем-то абсолютно новым или оригинальным, они должны улучшать и / или повышать эффективность существующих процессов или практик [Social innovation..., 2012, с. 9].

Эксперты Центра социальных инноваций Стэндфордского университета выделяют четыре основных элемента инноваций. Во-первых, инновационный процесс, т.е. непосредственно создание нового продукта или решения, что предполагает взаимодействие технических, социальных и экономических факторов. Во-вторых, продукт или изобретение как таковое, который и именуется инновацией. В-третьих, распространение и адаптация инновации для широкого использования. В-четвертых, СИ понимается как ценность, созданная в результате реализации инновации. Исходя из данных посылок, специалисты Центра социальных инноваций определяют СИ как новое, более совершенное и эффективное, чем существующее, решение той или иной социальной проблемы. При этом в новом решении учитывается вся совокупность социально-экономических и экологических факторов долгосрочного развития, а также принцип социальной справедливости. Кроме того, подчеркивается, что выгоду от СИ получает не отдельный индивид, а общество в целом [Phills Jr.J.A., Deiglmeier K., Miller D.T., 2008]. Таким образом, в рамках данного подхода СИ трактуется как реализация определенной идеи, результатом которой является повышение качества жизни людей и расширение социальной инклюзии.

СИ отличаются от каких-либо других видов инноваций тем, что в их основе лежат социальные мотивации. Цель разработчиков СИ – влияние на развитие общества и решение таких социальных проблем, как достижение социальной справедливости, охрана окружающей среды, улучшение здоровья населения, развитие культуры, повышение качества образования. В ходе реализации СИ создается ценность или сокращаются издержки для общества. СИ позволяют преодолеть разобщенность гражданского общества, обеспечивая создание общественных благ, повышение их качества и предоставление к ним равного доступа для всех. Таким образом, СИ являются способом удовлетворения потребностей общества, которые невозможно удовлетворить иным образом, и создают ценность, создать которую иным способом невозможно. Значимость СИ как реакции на растущие социальные и экологические проблемы, а также демографические изменения, в частности старение населения, возрастает в условиях несовершенства рыночных механизмов и государственного управления.

А. Николлз и А. Мердок рассматривают СИ не только как процессы изменения общественных отношений, но и как инновации в производстве товаров и услуг, предназначенных для решения социальных (повышение качества образования, рост продолжительности жизни) и экологических задач и проблем, возникающих из-за несовершенства рыночных механизмов. Определяя СИ как социетальные изменения, исследователи подчеркивают первостепенную роль знаний и культурного багажа, а также местных сообществ в трансформации социальных отношений [Nicholls A., Murdock A., 2012].

В то же время было бы неверно строго разделять инновации на приносящие только социальную или только экономическую выгоду и рассматривать СИ как инновации, создающие только социальную ценность. СИ могут включать в себя новые типы производств или новые рынки социальных и экологических товаров, способствовать росту занятости населения и распространению ответственного потребления. Они также затрагивают вопросы собственности и управления предприятиями. Главное отличие СИ от других инноваций состоит в том, что социальная выгода от их реализации превосходит все другие.

Этот аспект нашел отражение в определении, предложенном Т. Хамалайненом и Р. Хейскалой, которые рассматривают СИ как изменения в культурных, нормативных и регулирующих структурах общества, увеличивающих возможности осуществления коллективной власти, а также экономическую и социальную пользу для общества [Social innovations, institutional change..., 2007]. Регулятивный аспект СИ в данном случае предполагает трансформацию механизмов регулирования социальной среды; нормативный касается формирования ценностной составляющей и ее фиксации на уровне социальных норм; культурный аспект заключается в изменении ментальных и когнитивных паттернов, а также интерпретаций.

Ряд исследователей в качестве ключевой особенности СИ называют такую ее функцию, как повышение благосостояния людей и сообщества в целом за счет роста занятости, потребления или расширения участия членов сообщества в принятии решений, касающихся социально-экономических и экологических аспектов их жизни [Fostering innovation..., 2011; Gerometta J., Haussermann H., Longo G., 2005]. В данном случае СИ увязываются со стратегиями социальной интеграции, с процессами развития отдельных территорий и местных сообществ.

Ф. Мулаэрт с соавторами подчеркивают, что СИ обусловлены «колеей развития» (path-dependent), уровнем и особенностями развития общества [Towards alternative model (s)…, 2005]. СИ связаны с изменением общественной повестки, развитием способности граждан взаимодействовать в социальной среде, совершенствованием институтов общества. Исследователи выделяют три основных составляющих СИ. Во-первых, удовлетворение тех потребностей населения, которые в настоящий момент либо еще / либо уже не воспринимаются государством / рынком как важные и необходимые для граждан. Во-вторых, изменение общественных отношений для обеспечения удовлетворения таких потребностей, особенно для маргинализированных групп населения. В-третьих, стимулирование социально-политических процессов в обществе, способствующих расширению прав граждан и гарантий на удовлетворение потребностей населения, росту возможностей для участия граждан в принятии социально значимых решений.

Наряду с тем что СИ способствуют росту инклюзии и социальной справедливости, они становятся залогом устойчивости и адаптации социальных систем к внешним влияниям и экономическим кризисам, т.е. к меняющимся условиям среды. Ф. Уэстли объясняет вклад СИ в укрепление устойчивости расширением доступа уязвимых слоев населения к общественным благам и вовлечением маргинализированных лиц в социально-экономическую деятельность, что благоприятно сказывается на сокращении бедности. Способность общества создавать и поддерживать на постоянной основе СИ, особенно те, которые обеспечивают социальную инклюзию ущемленных групп, представляет собой значимый фактор его устойчивого развития [Westley F., 2008, с. 6]. Таким образом, СИ являются инструментом, обеспечивающим лучший доступ социально уязвимым группам к базовым социальным гарантиям – профессиональному обучению, занятости, здравоохранению, обеспечению продовольствием.

Эксперты фонда «The young foundation» сформулировали наиболее всеобъемлющее определение СИ: «Социальные инновации – это новые решения (продукты, услуги, модели, рынки, процессы и т.д.), которые одновременно удовлетворяют какую-либо социальную потребность (более эффективно, чем существующие практики) и ведут к новым или улучшенным возможностям и отношениям, а также лучшему использованию активов и ресурсов. Иначе говоря, социальные инновации приносят пользу обществу и расширяют возможности и способность общества действовать»

[Social innovation overview..., 2012, с. 14]. При этом они выделяют такие ключевые характеристики СИ, как новизна, практическая реализация новой идеи, более высокая эффективность СИ по сравнению с существующими практиками, удовлетворение той или иной социальной потребности в ходе реализации СИ. При этом СИ увеличивают способности общества к активной деятельности, создавая новые социальные роли.

Кроме того, эксперты приводят ряд дополнительных характеристик, свойственных не всем, а лишь некоторым СИ. К ним относятся:

- *кросс-секторальный эффект*, т.е. распространение СИ в частном и государственном секторах, среди НКО, социальных предприятий;

- *открытость и сотрудничество* разных акторов, что в значительной мере становится возможным благодаря новым информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ);

- *ответ на запрос общества* (bottom-up innovations) в форме возникающих «снизу» (*низовых*) инноваций (grassroots innovation);

- создание условий для *интеграции функций производства и потребления* (pro-sumption), а также *совместного производства* (co-production);

- создание условий для *взаимовыгодного совмещения* процессов роста благосостояния каждого отдельного человека и общества в целом, а также для *мутуализма* – взаимовыгодной кооперации участников СИ;

- формирование *новых отношений* в обществе, в частности новых форм управления, коллабораций, роста инклюзии маргинализированных лиц, в результате чего участники и бенефициары СИ начинают играть новую роль в обществе и способны удовлетворять свои потребности на долгосрочной основе;

- *повышение качества использования активов и ресурсов*, которые прежде расходовались неэффективно или не использовались вовсе (заброшенные объекты недвижимости, навыки членов сообществ и т.д.);

- *расширение возможностей общества*: участие в СИ дает возможность людям творчески и свободно действовать в социальной сфере в соответствии со своими убеждениями и самостоятельно принимать решения [Social innovation overview..., 2012, с. 23].

Основываясь на подходе Й. Шумпетера к анализу инвестиционных процессов, участники исследования под эгидой фонда «The young foundation» предлагают свою типологию СИ. Согласно

этой типологии, СИ могут быть разделены по своим результатам на обеспечивающие появление новых: 1) продуктов (например, технологий, расширяющих инклюзию людей с ограниченными возможностями); 2) услуг; 3) процессов; 4) рынков; 5) платформ; 6) организационных форм; 7) бизнес-моделей [Social innovation overview..., 2012, с. 25].

С точки зрения процесса возникновения, развития и конструирования, СИ разделяют на возникающие «снизу», выстраиваемые «сверху» и гибридные [Manzini E., 2014]. СИ, конструируемые «сверху», изначально предполагают признание существования какой-либо проблемы и выявление ресурсов общества для ее решения. Затем следует активация этих ресурсов и принятие мер по установлению связей между различными местными инициативами, ориентация их на решение выявленной социальной проблемы.

СИ, возникающие «снизу», иницируются местными сообществами или группами людей, находящих новые решения и идеи, внедряющих их и занимающихся их управлением. В основе таких СИ лежит кооперация, творческое переосмысление и нестандартное применение уже существующих в обществе услуг, продуктов, знаний, навыков и традиционных практик. Для СИ, возникающих «снизу», характерна опора участников на собственные ресурсы.

Очень часто возникающие «снизу» СИ со временем начинают зависеть от сложных взаимодействий и взаимосвязей с разными социальными акторами и инициативами. Получая поддержку от общественных институтов, местных властей, организаций гражданского общества и частного сектора, такие СИ превращаются в гибридные, сочетая в себе инициативы как «снизу», так и «сверху».

Зарождение и развитие разных типов СИ связано с неспособностью рыночной экономики, с одной стороны, и государства – с другой, удовлетворять возникающие социальные потребности. Реакцией на эту проблему в XX в. явилось формирование широких общественных движений, таких как феминистское, экологическое и др., выдвигающих общественно значимые требования. Однако со временем в формах вовлечения населения в деятельность общественных движений начали происходить изменения, обусловленные изменением содержания социальных инициатив и смещением акцента в сторону локальной проблематики и реализации конкретных проектов. В результате происходит своего рода трансформация общественных движений в рамках СИ. Реализацию многих из инициатив, которым присущи характеристики СИ, можно проследить в практиках социальной и солидарной экономики (ССЭ).

Практики ССЭ и социальные инновации

Истоки теории ССЭ восходят к XVIII в., когда социалисты-утописты и основоположники кооперативной философии Р. Оуэн, А. Сен-Симон, Ж.-Б. Фурье и П.-Ж. Прудон работали над концепцией новой «социальной экономики», в которой общество осуществляет демократический контроль над капиталом с целью ограничить негативные эффекты свободного рынка.

Впоследствии на рубеже XIX–XX вв. самым известным представителем данного направления экономической мысли стал теоретик кооперативного движения Ш. Жид. Он определял кооператив как объединение людей, имеющих общие экономические, социальные и образовательные цели, достижение которых осуществляется посредством совместной хозяйственной деятельности. Кооперативы, по мнению Жида, не только способствовали улучшению условий жизни его участников, но и стимулировали изменения социальной среды.

В XX в. значимый вклад в развитие теории ССЭ внес К. Поланьи, разработав концепцию укорененности экономики в социальной среде, ее подчиненности и неотделимости от социальных отношений. Одним из элементов концепции Поланьи стало понятие реципрокности – обмена без гарантии эквивалентного возмещения затрат, – которая является ключевой характеристикой ССЭ.

Термин ССЭ употребляют как в отношении вполне традиционных форм хозяйствования, например кооперативов и кооперативных страховых обществ, так и новых структур, возникающих по всему миру в последние десятилетия. К ним относятся организации альтернативных финансов, системы комплементарных валют (КВ), цифровые сообщества, банки времени¹, группы взаимопомощи, микрофинансы², системы местного торгового обмена (LETS), сообщества справедливой торговли и т.д.

¹ Банк времени – организация, фиксирующая количество часов, потраченных тем или иным участником на оказание различных услуг другим участникам (приход на счет участника в банке времени), и сколько времени было потрачено другими участниками на оказание потребленных услуг тем или иным участником (расход со счета участника в банке времени).

² За рубежом к ССЭ относят микрофинансовые организации, которые ставят перед собой цели социального развития, кредитуя лиц, не имеющих доступа к другим видам кредитования. Многие проекты по микрокредитованию ориентированы на инклюзию женщин, так как в развивающихся странах они особенно

Традиционно выделяют следующие принципы и структурные элементы, присущие организациям ССЭ¹:

- цель деятельности – удовлетворение потребностей и интересов членов организации или местного сообщества;
- автономность по отношению к государству;
- основные принципы деятельности – демократический процесс принятия решений (закрепление в уставах и кодексах поведения обязательного участия всех членов организации в принятии решений); распределение полномочий на основе доверия, индивидуальная и коллективная ответственность.

Основополагающие принципы экономических практик ССЭ идут вразрез с ценностями индивидуализма, конкуренции, общества потребления и меняют существующую структуру производства, обмена и потребления. Инициативы, возникающие в рамках ССЭ, нацелены в первую очередь на борьбу с бедностью и социальной маргинализацией, развитие депрессивных регионов и новых форм солидарности в сфере защиты окружающей среды, сохранения культурных традиций и др. Таким образом, современные инновационные формы ССЭ направлены на достижение коллективного благосостояния и восстановление социальных связей между людьми, разрушающихся в условиях растущего неравенства, неэффективности государственных систем социального обеспечения, разобщенности гражданского общества, отсутствия гарантий равного доступа всего населения к общественным благам.

Основные акторы ССЭ – сообщества и члены сообществ, сотрудничество между которыми осуществляется на принципах солидарности и реципрокности. Управляются организации ССЭ автономно при участии в принятии решений всех членов. В большей степени принцип участия работников в управлении организацией реализуется на предприятиях солидарной экономики, а именно, в кооперативах, где все участники имеют право голоса при принятии решений. На социальных предприятиях (СП), представляющих собой организации социальной экономики, в рамках

страдают от бедности; оказывают поддержку мелкому бизнесу, занимающемуся восстановлением культурных объектов. Для обеспечения возврата кредитов банки микрофинансирования часто опираются на систему солидарной ответственности: среди кредиторов создаются неформальные группы, члены которых поручаются друг за друга. Идеология микрофинансовых институтов, относящихся к ССЭ, предполагает не максимизацию прибыли, а только покрытие затрат.

¹ Neamtan N. The social and solidarity economy: Towards an «alternative» globalization. – Vancouver, 2002. – 14 p. – P. 3.

которых предпринимательская деятельность становится средством решения социальных проблем, права работников на участие в принятии управленческих решений определяются уставом каждой конкретной организации по-разному и, как правило, более ограничены по сравнению с кооперативами.

Деятельность предприятий ССЭ характеризуется соединением социальных, экологических и моральных ценностей и способствует формированию социально-экономических моделей устойчивого развития как на уровне отдельных организаций, так и местных сообществ. Хотя максимизация прибыли не является целью экономической деятельности субъектов ССЭ, они могут получать прибыль, которая реинвестируется в соответствии с коллективным решением и в интересах всех участников [Пряжникова О.Н., 2014, с. 90–91; The role of the social and solidarity economy..., 2017, с. 12].

Рассматривая связь между СИ и ССЭ, Ж.-Л. Лавилль и Р. Рок Амаро указывают на существование двух моделей СИ с разным уровнем проявления солидарности. Первая модель характеризуется слабой солидарностью. В ней СИ, нацеленные, например, на сокращение бедности, встраиваются в существующую рыночную экономику [Laville J.-L., Roque Amaro R., 2016]. Эффективность, экономическая состоятельность и возможность самокупаемости таких СИ определяется в ходе рыночной конкуренции. В рамках модели СИ со слабой солидарностью возникают такие институты, как корпоративная социальная ответственность, филантропические организации, СП и т.д.

Вторая модель – СИ с высокой степенью солидарности, – предполагает более широкое целеполагание, подразумевающее в том числе трансформацию общественных отношений и институциональной среды. В основе этого типа инноваций лежат принципы равенства и реципрокности, что предполагает перераспределение общественных благ на основе демократической солидарности. СИ с высокой солидарностью могут включать в себя элементы политической деятельности, направленные на развитие репрезентативной демократии.

В свою очередь, ССЭ включает в себя социальную экономику, которая содержит в себе модели СИ со слабой солидарностью, а также солидарную экономику, которая опирается на СИ с высоким уровнем солидарности. Социальная экономика не меняет существующий в капиталистической экономике баланс сил, а лишь

сглаживает негативные социальные эффекты, возникающие в рыночной экономике.

Солидарная экономика использует практики, трансформирующие капиталистическое общество посредством демократического самоуправления, перераспределения прибыли, солидарности и реципрокности. В результате возникают локальные, региональные и международные сети производства, потребления и финансов. Деятельность организаций ССЭ с высокой степенью солидарности основана на общественной собственности, демократических принципах контроля и самоуправления [Пряжникова О.Н. Солидарная..., 2016 г].

Далее рассмотрим, насколько типологические черты СИ проявляются в организациях ССЭ. Так, СИ предполагает освоение или формирование нового рынка, вовлечение новых участников, освоение новой области или территории. Так, в результате деятельности *организаций справедливой торговли* происходит формирование нового рынка, в основе которого лежат этические принципы. Этот новый рынок обеспечивает справедливый доход как производителям товаров, так и участникам рыночного обмена, гарантирует качество продуктов и услуг потребителям. Справедливый доход производители получают благодаря тому, что организация устанавливает минимальные цены (*fairtrade minimum prices*), которые гарантированы производителю вне зависимости от изменения рыночных цен. Когда рыночная цена превышает минимально установленную, у производителя покупают товар уже по рыночной цене, что обеспечивает справедливый доход внутри этого рынка. Таким образом, организации справедливой торговли продвигают принципы равенства участников торговых операций, создают новые торговые системы и альтернативные торговые сети, позволяющие маргинализированным¹ производителям из развивающихся стран получить доступ на рынки развитых стран, а фермерам в рамках национальных экономик – на рынки сбыта без участия посредников.

Деятельность организаций справедливой торговли также может служить примером более высокой эффективности инновации, внедренной в ССЭ, по сравнению с существующими практиками. В первом случае путем построения более коротких

¹ Термин экономическая маргинализация используется для описания групп людей или стран, которые вытеснены (не могут полноценно участвовать) из экономической системы.

альтернативных торговых цепочек, исключая посредников, достигается сокращение издержек, что позволяет увеличить выручку производителей, в том числе индивидуальных участников ассоциаций.

Другой пример создания нового рынка в рамках ССЭ – это *банки времени и системы местного торгового обмена (LETS)*, представляющие собой системы взаимных валют, учреждаемых гражданами или предприятиями. Они позволяют отсрочивать платежи за товары и услуги на основе взаимной системы кредитного клиринга. Благодаря таким системам увеличивается объем доступных средств обмена внутри отдельного сообщества.

Следующая характеристика СИ (из предложенных экспертами фонда «The young foundation»), которая присуща инициативам ССЭ, – это особенности инновационного процесса, обеспечивающего экономическую жизнеспособность инновации. Первый этап – разработка новой идеи – своего рода изобретение; второй этап – практическая реализация идеи; третий этап – ее широкое распространение. Проследить реализацию процесса СИ в рамках ССЭ можно на примере развития практик микрофинансирования.

Микрофинансы возникли в 1970-е годы на основе идеи о системе кредитования предпринимателей и малого бизнеса, не имеющих доступа к кредитам по причине своей бедности, и сочетают в себе экономическую и социальную инновации. С развитием ИКТ в начале XXI в. рост микрокредитования в развивающихся странах ускорился. Например, в 2003–2009 гг. темпы прироста микрокредитования во Вьетнаме и Бангладеш составляли 10–15%, а в Индии – до 150% в год. На конец 2017 г. по всему миру услугами микрофинансовых институтов пользовалось 139 млн клиентов с низким доходом (на 5,6% больше, чем в 2016 г.), а объем кредитования достиг 114 млрд долл. [Microfinance barometer., 2018]. В Южной Азии 92% заемщиков в системе микрофинансов составляют женщины. Развитие данных организаций ССЭ способствует не только росту социальной инклюзии, но и сокращению гендерного неравенства в регионе.

Сущностной характеристикой предприятий ССЭ является использование экономических результатов деятельности для реализации определенной социальной миссии, опираясь на такой ключевой элемент любой СИ, как удовлетворение той или иной социальной потребности. В рамках ССЭ происходит трансформация целей занятости: главной целью становится создание рабочих мест для членов местного сообщества и обеспечение определен-

ного качества их жизни. Проекты ССЭ, такие как *банки времени, комплементарные валюты, системы товарообмена* и т.д., играют важную роль в жизни местных сообществ, стимулируют возникновение новых социально-экономических связей между людьми, формируют условия для развития каждого члена сообщества. *Общественные ассоциации взаимного страхования (mutuelles)*, широко распространенные во Франции, реализуют коллективный подход к борьбе с бедностью, безработицей, а также страхованию социальных рисков, в том числе связанных с потерей работниками здоровья.

В ССЭ также реализуется такая характеристика СИ, как расширение возможностей коллективных действий членов общества. В отличие от обычных предприятий работники организаций ССЭ являются стейкхолдерами, включенными в процесс принятия решений, т.е. фактически акционерами своих предприятий. Демократический характер управления в рамках ССЭ создает условия для роста социальной сплоченности. В кооперативных структурах работники получают больше (по сравнению с государственными и бизнес-структурами) возможностей для эффективных совместных действий и для транслирования коллективных требований другим социально-экономическим акторам и государственным органам. В рамках ССЭ возникает особая общественная среда, благоприятная для развития диалога, участия граждан в жизни местных сообществ, роста волонтерской активности [Пряжникова О.Н. Корпоративная..., 2016 а, с. 114].

Таким образом, инновационный характер ССЭ заключается прежде всего в том, что ее практики предлагают более эффективное решение социальных проблем за счет включения СИ.

Практики ССЭ сочетают в себе принципы устойчивого развития и социальной инклюзии. Реализация СИ в рамках ССЭ приводит к перекомбинации социально-экономических активов, в частности социального капитала и передовых способов организации производства, что позволяет достичь общественно важные цели новым способом. В результате организации ССЭ могут стать проводником трансформаций, предполагающих продвижение ценностей защиты окружающей среды, гармонизацию общественной жизни, формирование условий для роста индивидуальной ответственности граждан, коллективной идентичности, межличностного доверия, инклюзии и сокращения социального неравенства.

ССЭ в России

В России ССЭ представлена в основном кооперативами и СП (другие формы ССЭ пока не получили широкого распространения, а микрофинансы в России вообще нельзя отнести к ССЭ). В рамках мультидисциплинарного проекта SEFORIS (Social entrepreneurship as a force for more inclusive and innovative societies), финансируемого Еврокомиссией, было проведено исследование ССЭ в России, основанное на опросе работников 104 российских СП [Отчет по стране..., 2016]. Оно позволило выделить ряд основных характеристик сектора социальной экономики России. В частности, средний возраст участников СП составляет 39 лет, при этом доля женщин составляет 62,5% от численности работников СП. В большинстве СП заняты до десяти волонтеров.

Тот факт, что 3/4 опрошенных СП видят главной целью деятельности распространение своего социального влияния, говорит о ярко проявляемой и признаваемой данными организациями социальной миссии. Для более 48% СП основными видами деятельности являются оказание социальных услуг (образование, трудоустройство и обучение, здравоохранение) или деятельность, связанная с охраной окружающей среды. При этом 41% СП работают в коммерческом секторе и секторе деловых услуг, 27% – в сфере общественных и социальных услуг, по 10% – в образовании, промышленности, строительстве и добывающем секторе, 7% – в здравоохранении и реабилитации больных.

Модель коммерциализации социальных услуг доминирует в 78% исследуемых СП: СП получают плату за оказание услуг, из чего формируется их доход. Деятельность российских СП в данном аспекте соответствует тенденциям развития СП в таких странах, как Китай, Венгрия, Великобритания, Испания, Португалия, Швеция, Германия. В них модель коммерциализации услуг используется более чем половиной СП [Cross-country report..., 2016, с. 17]. Услуги по поддержке предпринимателей и посреднические услуги реализуют 13,5% СП; 9% СП оказывают услуги в сфере занятости и обучения для групп населения, испытывающего трудности при выходе на рынок труда (инвалиды, бездомные, молодые люди). Основными получателями услуг СП являются люди с ограниченными возможностями (29%), другие общественные организации или предприятия (23,5%), дети и молодежь (9%). Главным источником финансирования деятельности СП является доход от реали-

зации товаров и услуг (60%). Средства, получаемые по грантам, составляют 23%, частные пожертвования – 12%.

Важно отметить, что деятельность подавляющего большинства российских СП носит инновационный характер и в этом смысле они опережают своих коллег в европейских странах [Cross-country report..., 2016]. Так, более 70% опрошенных российских СП заявляют о создании и реализации новшеств в виде новых продуктов или услуг. При этом, по мнению участников СП, главный фактор, который тормозит их инновационную активность в России, – недостаточное финансирование.

Российским СП присуща такая характеристика, как кросс-секторальность. Три четверти опрошенных СП имеют опыт сотрудничества с частным сектором, более половины – с благотворительными организациями и НКО, 30% – с органами власти.

Всего лишь 1% опрошенных предприятий являются кооперативами, т.е. предприятиями ССЭ с высоким уровнем солидарности. Большая же часть предприятий представляют собой организации с социальной миссией, встроенные в рыночную экономику и участвующие в рыночной конкуренции, которые характеризуются слабой солидарностью.

В настоящее время к формам ССЭ в России могут быть отнесены также сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК). Кооператив представляет собой классическую организацию ССЭ, где прибыль от хозяйственной деятельности распределяется среди работников, являющихся одновременно и членами СПК, в соответствии с их трудовым вкладом. Управление происходит по принципу «один член – один голос», т.е. предполагает равное участие всех членов кооператива в принятии решений. Объединяясь в кооперативы, мелкие сельскохозяйственные производители повышают свою конкурентоспособность и увеличивают возможности устойчивого развития.

Самым благоприятным периодом в истории России для роста кооперативной деятельности были 1905–1917 гг. За этот период число потребительских обществ в России увеличилось с 1100 до 35 000, кредитных кооперативов – с 1629 до 16 417. Количество сельскохозяйственных товариществ, насчитывавших в 1909 г. 166 организаций, к 1916 г. выросло до 2100 [Файн Л.Е., 1994]. В дальнейшем в условиях административно-командной экономики традиция кооперативного движения как самостоятельной формы самоорганизации экономической жизни граждан была прервана.

Переход России в 1990-е годы к рыночной экономике начался с развития кооперативов, чему способствовало появление соответствующего законодательства. Однако кооперативы 1990-х годов трудно отнести к организациям ССЭ, так как они решали, прежде всего, экономические задачи. В дальнейшем кооперативное движение в стране приобрело более традиционные черты. В период 1995–2001 гг. количество СПК увеличилось почти вдвое, с 7939 до 15 314. Динамика развития СПК в России в последние десятилетия свидетельствует о стагнации данного сектора ССЭ (см. табл.).

Таблица

**Динамика численности сельскохозяйственных
производственных кооперативов в России¹**

Годы	1995	2001	2007	2014	2015	2016	2017
Количество сельскохозяйственных кооперативов	7939	15 314	10 108	8151	8313	8405	9348

В настоящее время Минсельхоз РФ разрабатывает федеральный проект «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», в рамках которого предусматривается финансирование кооперативного сектора в размере 37,4 млрд руб. на период 2019–2024 гг. Кроме того, Минсельхоз на протяжении последних нескольких лет организует на конкурсной основе выделение грантов СПК на развитие материально-технической базы (до 70 млн руб. на одну организацию). И если в 2017 г. сумма грантов из федерального бюджета была чуть больше 1,5 млрд руб., то в 2018 г. она увеличилась в 1,5 раза и составила 2,4 млрд руб. [Господдержка сельской кооперации..., 2018]. Пока рано судить о влиянии грантовой поддержки на развитие кооперации. Однако статистика свидетельствует о росте числа кооперативов в агропромышленном секторе России в 2017 г. до 9,3 тыс., или на 11% за год.

Важно отметить, что проведение конкурсов на выделение грантов СПК осуществляют конкурсные комиссии, создаваемые на уровне субъектов РФ. Причем более 50% членов региональных

¹ Таблица составлена на основе данных из следующих источников: Проект ведомственной целевой программы «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2016 годы» / Министерство сельского хозяйства РФ. – М., 2013. – С. 9; [5 проблем кооперации..., 2018].

конкурсных комиссий составляют лица, не являющиеся представителями органов власти. Во многих субъектах РФ в осуществлении общественного контроля за распределением грантов участвуют отраслевые союзы и ассоциации. Так как в процесс принятия решений вовлекаются представители местных сообществ, то процедура распределения грантов расширяет пространство общественного диалога и способствует развитию в стране демократических практик гражданского общества [Грантовая поддержка..., 2018].

Предполагается, что кооперативы как одна из традиционных форм предприятий ССЭ возникают на основе инициативы их участников, т.е. по принципу «снизу вверх». Однако в России кооперативы чаще всего формируются местными властями, т.е. «сверху вниз». Авторы исследования, посвященного российской сельскохозяйственной кооперации, А. Куракин и О. Виссер отмечают, что местные власти проводят постоянный мониторинг и сопровождение деятельности кооперативов в аграрном секторе, стремясь создать для них «тепличные условия» [Kurakin A., Visser O., 2017]. В свою очередь, председатель совета Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР) В. Телегин отмечает, что сельскохозяйственные кооперативы подвержены излишнему административному давлению. Властные органы влияют не только на выбор стратегии развития, но и на такие хозяйственные действия, как выбор контрагентов. Очевидно, что местным властям следует постепенно отходить от такой практики поддержки сельскохозяйственных кооперативов, так как она часто приводит к потере членами кооперативов ощущения причастности к управлению своей организацией [5 проблем кооперации..., 2018; Соболевская О.В., 2017].

Основной документ, регламентирующий сельхозкооперацию в России, – это Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» в редакции от 1995 г. В связи с устареванием части положений необходимо его обновление, а также совершенствование законодательной базы поддержки кооперации на уровне регионов. Это могло бы нивелировать многие причины, препятствующие развитию кооперативного движения в России. Например, такие как сложность осуществления демократических процедур и нарушение принципов демократии внутри кооперативов; трудности в привлечении инвестиций; риски потери земельных угодий (в условиях работы большинства участников кооперативов на арендованной земле); риски потери членами кооператива паев в результате изменения юридического статуса предприятий, умыш-

ленного банкротства, рейдерских захватов и т.п. [Пряжникова О.Н., 2014, с. 101].

Кроме того, в рамках государственной политики развития кооперации целесообразно реализовать меры по предоставлению кооперативным объединениям определенных льгот, по вовлечению в программы создания кооперативной инфраструктуры региональных акторов государственного и частного сектора. Также полезно повышать осведомленность сельских жителей о кооперации и принципах работы кооперативов путем создания информационных порталов и образовательных проектов.

Представляется, что развитие кооперативов и других структур ССЭ может помочь решению таких российских проблем, как неравенство регионов по уровню социально-экономического развития, неравенство в доходах населения и бедность.

Заключение

Организации ССЭ реализуют принципы устойчивого развития, предполагающие оживление экономической активности, обеспечение социальной защиты населения и охраны окружающей среды. В рамках ССЭ происходит интеграция экономических, социальных и экологических составляющих развития современного общества. ССЭ, развивающаяся за счет активного использования СИ, вносит значимый вклад в рост социальной справедливости и инклюзии.

В отечественных условиях практики ССЭ могут выступить драйвером развития сельского хозяйства и построения сетей поставок экологически чистых продовольственных продуктов. Они могут также в целом способствовать развитию социального капитала, оживлению экономики и оздоровлению социального климата в депрессивных регионах.

Организации ССЭ оказывают определенное воздействие на политическую жизнь общества, способствуя развитию институтов коллективного и местного самоуправления за счет распространения практик демократического принятия решений на основе коллективных интересов. Практики ССЭ с активным использованием СИ также влияют на формирование социальной политики, способствуют выстраиванию пространства диалога государства и гражданского общества.

Список литературы

1. 5 проблем кооперации: почему мы не можем построить российское Valio? // Milknews: новости и аналитика молочного рынка. – 2018. – 08.05. – Режим доступа: <https://milknews.ru/longridy/5-problem-kooperacii.html>
2. Господдержка сельской кооперации в 2018 году увеличилась более чем в 1,5 раза / ФГБУ «УСЗ» при Минсельхозе России. – 2018. – 19.11. – Режим доступа: <https://usz.mcx.ru/?p=4538>
3. Грантовая поддержка сельскохозяйственных потребительских кооперативов для развития материально-технической базы / Министерство сельского хозяйства РФ, Департамент развития сельских территорий. – М., 2018. – 10 с.
4. Отчет по стране. Россия: Первый анализ российских социальных предприятий, подготовленный исследовательским консорциумом SEFORIS / SEFORIS. – Брюссель; М., 2016. – 35 с.
5. Пряжникова О.Н. Корпоративная социальная ответственность в условиях социальной и солидарной экономики // Экономические и социальные проблемы России. – М.: ИНИОН РАН, 2016 а. – № 1. – С. 108–124. – Режим доступа: <http://inion.ru/publishing/journals/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/>
6. Пряжникова О.Н. Солидарная экономика: формирующаяся теория и практика // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика: Реферативный журнал. – М.: ИНИОН РАН, 2016 б. – № 4. – С. 29–31. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27595070>
7. Пряжникова О.Н. Социальная и солидарная экономика: Возможности для устойчивого развития // Экономические и социальные проблемы России. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – № 2. – С. 86–107. – Режим доступа: <http://inion.ru/publishing/journals/ekonomicheskie-i-sotsialnye-problemy-rossii/>
8. Соболевская О.В. Помогут ли сельхозкооперативы накормить горожан. Кооперация мелких производителей на селе остается экзотикой, выживающей за счет господдержки / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» // Научно-образовательный портал IQ. – 2017. – 02.05. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/205783953.html>
9. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1994. – 275 с.
10. Angelidou M., Psaltoglou A. An empirical investigation of social innovation for sustainable urban development // Sustainable cities and society. – 2017. – Vol. 33. – P. 113–125.
11. Cross-country report: A first cross-country analysis and profiling of social enterprises prepared by the SEFORIS research consortium / SEFORIS. – 2016. – 36 p.
12. Fostering innovation to address social challenges / OECD. – Paris, 2011. – 99 p.
13. Gerometta J., Haussermann H., Longo G. Social innovation and civil society in urban governance: Strategies for an inclusive city // Urban studies. – 2005. –

- Vol. 42, N 11. – P. 2007–2021. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1080/00420980500279851>
14. Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: a case study of top-down cooperatives in the Belgorod region // *Post-communist economies*. – 2017. – Vol. 29, N 2. – P. 158–181. – Mode of access: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14631377.2016.1267974>
 15. Laville J.-L., Roque Amaro R. Social innovation in Europe: what relation with solidarity economy? Towards a plural European vision of social innovation / *RIPESS Europe*. – 2016. – Mode of access: http://www.socioeco.org/bdf_fiche-document-4518_en.html
 16. Manzini E. Making things happen: Social innovation and design // *Design issues*. – 2014. – N 1, Vol. 30. – P. 57–66.
 17. Nicholls A., Murdock A. Social innovation: Blurring boundaries to reconfigure markets. – Palgrave Macmillan, 2012. – 302 p.
 18. Microfinance barometer 2018: Is microfinance profitable? / BNP Paribas. – 2018. – 16 p. – Mode of access: http://www.convergences.org/wp-content/uploads/2018/09/BMF_2018_EN_VFIALE.pdf
 19. Phills Jr. J.A., Deiglmeier K., Miller D.T. Rediscovering social innovation // *Stanford social innovation rev.* – Stanford, 2008. – Fall. – P. 34–43.
 20. Social innovations, institutional change and economic performance: Making sense of structural adjustment processes in industrial sectors, regions and societies / Ed. by T.J. Hämäläinen, R. Heiskala. – Cheltenham: Edward Elgar publishing, 2007. – 352 p.
 21. Social innovations in the urban context / Ed. by T. Brandsen, S. Cattacin, A. Evers, A. Zimmer. – Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; L.: Springer, 2016. – 313 p.
 22. Social innovation overview: A deliverable of the project: The theoretical, empirical and policy foundations for building social innovation in Europe (Defining social innovation, Part 1) / The Young Foundation, European Commission. – Brussels: European Commission, DG Research, 2012. – 43 p.
 23. The role of the social and solidarity economy in reducing social exclusion: Budapest conference report / United Nations industrial development organization (UNIDO), Department of trade, investment and innovation (TII). – Vienna, 2017. – 63 p.
 24. Towards alternative model (s) of local innovation / Moulaert F., Martinelli F., Swynedouw E., Gonzalez S. // *Urban studies*. – 2005. – Vol. 42, N 11. – P. 1969–1990. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/7ce0/e41d745fcc2dd4c373e79f53e0bc2c87b56.pdf>
 25. Westley F. The social innovation dynamic. – 2008. – 8 p. – Mode of access: <http://sigeneration.ca/blog/wp-content/uploads/2010/07/TheSocialInnovationDynamic.pdf>

И.Ю. Жилина*

ВОЛОНТЕРСТВО КАК РЕСУРС ДЛЯ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РОССИИ

Аннотация. Анализируются концептуальные и законодательные основы развития добровольчества (волонтерства)¹ в современной России. Приводятся количественные, качественные (социально-демографические) и структурные характеристики волонтерского сообщества. Рассматриваются особенности некоторых направлений волонтерской деятельности, а также государственная политика в этой сфере.

Ключевые слова: добровольчество (волонтерство); добровольческая (волонтерская) деятельность; законодательство о волонтерстве; структура волонтерского сообщества; количественные и качественные характеристики волонтерства; государственная политика в области волонтерства.

I.Yu. Zhilina

Volunteering as a resource for solving social and ecological problems of Russia

Abstract. The conceptual and legislative frameworks for the development of volunteering in modern Russia are analyzed. The quantitative, qualitative (socio-demographic) and structural characteristics of the volunteer

* **Жилина Ирина Юрьевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики ИНИОН РАН.

Zhilina Irina Yurievna, candidate in historical sciences, senior researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

¹ В данной работе термины «волонтерство» и «добровольчество» и их производные используются как синонимы.

community are listed. The features of some areas of volunteering, government policy in this area are considered.

Keywords: volunteering; voluntary activities; volunteer legislation; structure of the volunteer community; quantitative and qualitative characteristics of volunteering; areas of volunteering; government volunteering policy.

В современной России волонтерское движение начало возрождаться в конце 1980-х – начале 1990-х годов в условиях роста социальных проблем и почти полного устранения государства от выполнения своих социальных обязательств в новой социально-экономической ситуации. Особенно остро дефицит участия государства ощущался в организации ухода за престарелыми, оказании помощи одиноким матерям и семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (ТЖС), беспризорным детям и т.д. Именно эти ниши начали заполнять социально активные граждане, помогающие людям решать их жизненные проблемы.

В последующие годы в стране росло число граждан и организаций, участвующих в добровольческой деятельности, расширялись масштабы реализуемых программ и проектов с их участием. И государство, и общество все больше осознавали, что добровольчество является одним из инструментов решения ряда социальных проблем, а также способом самореализации и саморазвития личности, формирования гражданской ответственности. Среди всех практик и институтов гражданского общества именно волонтерство в последние годы пользуется наибольшим вниманием со стороны государства. Свидетельством этому являются учреждение в 2017 г. Дня добровольца и проведение Года добровольца и волонтера в 2018 г. Такое отношение государства к добровольчеству вполне объяснимо: данные о вкладе добровольцев в ВВП Норвегии (2,7%), Новой Зеландии (2,5), Франции (1,4), Канады (1,0), США – (1,0), Бельгии (0,7), Бразилии (0,6), Чехии (0,2%) являются убедительным свидетельством эффективности добровольческой деятельности [О развитии добровольчества (волонтерства)... 2018, с. 7]. Поэтому государство не может позволить себе упустить возможности использования потенциала волонтерского движения для решения социальных, экологических и других проблем в весьма неоднозначной для страны экономической ситуации.

В течение последних 10–15 лет в России в результате совместных усилий государства и общества, хотя и не без проблем, активизировался процесс институционализации добровольчества [Горлова Н.И., 2017, с. 79]. Качественным сдвигам в добровольческом

движении способствовали развитие сетевого общества и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обеспечивающих возможность быстрее и эффективнее оказывать поддержку нуждающимся и гибко реагировать на перемены в социуме.

Законодательная база добровольчества в Российской Федерации

Ключевым законодательным актом, регулирующим добровольческое движение в РФ, первоначально был закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»¹, в котором впервые определены понятия «доброволец» и «добровольческая деятельность». Согласно закону, добровольцы – физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг (добровольческой деятельности) в интересах благополучателей. Благополучатели – граждане и юридические лица, получающие благотворительную помощь филантропов, меценатов и добровольцев. Таким образом, добровольчество трактовалось как форма общественной благотворительной деятельности. При этом понятия «доброволец» и «волонтер», фигурировавшие в принятых позднее правовых актах², имели разные значения. Поэтому четкое определение статуса добровольца (волонтера) в российском законодательстве долгое время отсутствовало.

Стоит подчеркнуть, что основы государственной политики в отношении добровольчества были сформулированы лишь в 2009 г. в «Концепции развития благотворительной деятельности и добровольчества». Основная цель государственной политики в этой об-

¹ Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/

² Федеральный закон от 6 мая 2007 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113763/; Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ (ред. от 28 июня 2014 г.) «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12157435/>; Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. (ред. от 3 июля 2016 г.) № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/

ласти определялась как «активизация потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев»¹. Концепция также содержала комплекс мер по поддержке развития благотворительного сегмента некоммерческого сектора.

В целом законодательная база, затрагивающая различные аспекты волонтерства в России, была фрагментарной, а большинство документов (концепций, программ и т.д.) носили декларативный характер [Певная М.В., 2016, с. 197].

Попытки ввести волонтерство в правовое поле² были реализованы с принятием в 2018 г. Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)»³. С этого времени ранее принятый закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» получил новое название: «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», что позволило разделить благотворительную и добровольческую деятельность. Добровольческая (волонтерская) деятельность теперь определяется как безвозмездное выполнение работ и оказание услуг в целях социальной поддержки и защиты граждан. Уравнивание понятий «волонтерство» и «добровольчество» устранило противоречия между нормативными правовыми актами в этой сфере. Было введено понятие волонтерской (добровольческой) организации и

¹ Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р. – М., 2009. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90313/

² В июне 2013 г. на рассмотрение Государственной думы РФ был внесен законопроект «О добровольчестве (волонтерстве)». Этот документ, задуманный как нормативно-правовая основа для добровольческой деятельности, вызвал в обществе оживленную дискуссию. Критике подверглись не только отдельные его положения, прежде всего идеи добровольной регистрации волонтеров и ведение личных учетных книжек, но и сама целесообразность его принятия. В конечном итоге Государственная дума законопроект отклонила.

³ Федеральный закон от 5 февраля 2018 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства)». – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802050041>

организации – организатора добровольческой (волонтерской) деятельности, определен механизм взаимодействия различных органов власти с волонтерами.

Закон в новой редакции предусматривает возможность осуществления добровольческой деятельности как индивидуально, так и в составе организаций; определяет правовые условия реализации добровольческой деятельности, которые могут быть закреплены в гражданско-правовом договоре между добровольцем и благополучателем либо юридическим лицом. Договор может определять как возмещение расходов добровольцев на наем жилого помещения, проезд до места назначения и обратно, питание и т.д., так и обязанности благополучателя или юридического лица по выполнению взятых на себя обязательств. Законом также предусмотрено создание единой информационной системы (ЕИС) волонтеров (портал добровольцыроссии.рф.), в которую участники движения на добровольной основе вносят свои данные. В свою очередь, организации, нуждающиеся в их помощи, оставляют на портале свои заявки¹.

Волонтерское сообщество неоднозначно восприняло некоторые положения закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», в частности, механизм взаимодействия с волонтерами различных органов власти и создание ЕИС. Хотя объективно волонтерство нуждается в поддержке государства, у многих представителей добровольческого движения активность чиновников в этом направлении вызывает серьезные опасения, обусловленные противоречием между содержанием положений закона и их правоприменением. Предоставление любому органу власти, особенно на муниципальном уровне, права осуществлять программы поддержки добровольчества может усилить бюрократизацию процесса взаимодействия волонтеров с органами власти, а стремление чиновников к тотальному контролю за гражданами превратит добровольный учет в обязательный, что оттолкнет людей от волонтерства.

Возможно, частично эти опасения будут сняты, хотя бы на уровне регионов, при реализации разработанного Агентством стратегических инициатив (АСИ) Стандарта поддержки добровольчества в регионах, в котором прописаны конкретные действия ре-

¹ К декабрю 2018 г. в ЕИС зарегистрировалось более 450 тыс. человек, а количество заявок превысило 35 тыс. (20 тыс. мероприятий и 15 тыс. проектов) [Доклад о состоянии..., 2018, с. 86].

гиональных властей (9 шагов) (с примерами лучших практик) [Стандарт..., 2017]. К ним относятся: принятие регламента взаимодействия региональных органов государственной власти с социально ориентированными некоммерческими организациями (СОНКО)¹, добровольческими (волонтерскими) организациями; назначение ответственного за развитие добровольчества (волонтерства) в регионе на уровне не ниже заместителя главы субъекта РФ; создание совета по вопросам добровольчества (волонтерства); открытие ресурсных (добровольческих) центров; предоставление субсидий и грантов добровольческим организациям; оказание информационной поддержки и популяризации добровольчества (волонтерства); подготовка добровольцев (волонтеров) и должностных лиц; разработка мер поощрения добровольцев (волонтеров); оценка внедрения Стандарта.

Сколько волонтеров в России?

Сведения об общем количестве волонтеров в РФ весьма противоречивы из-за существенного расхождения официальных данных Росстата с данными других ведомств и с результатами общероссийских опросов населения исследовательскими организациями. В 2017 г. Росстат оценил среднюю численность добровольцев в 2732 тыс. человек против 1146 тыс. человек в 2011 г. и 2155 тыс. человек в 2016 г. [Итоги выборочного..., 2017]. По информации Роспатриотцентра, в 2017 г. в стране насчитывалось около 5,3 млн волонтеров [Доклад о деятельности..., 2018, с. 15]. На Международном форуме добровольцев (Москва, декабрь 2018 г.) первый заместитель главы Администрации Президента С. Кириенко, ссылаясь на информацию Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), озвучил цифру в 14 млн человек [Новоселова Е., 2018].

¹ Понятие социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) было введено в ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ Федеральным законом от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». Перед СОНКО ставилась задача решения социальных проблем и развития гражданского общества в РФ. Сферами деятельности СОНКО являются, в частности, социальная поддержка граждан, здравоохранение, охрана окружающей среды и защита животных, образование, наука, культура, спорт и др. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009

По данным Росстата, в волонтерской деятельности ежемесячно участвуют лишь 1,3% россиян от 15 до 72 лет [Труд и занятость..., 2017, с. 97]; по результатам мониторинга НИУ ВШЭ – 33% взрослого населения страны [Мерсиянова И.В., 2018, с. 8]; по данным ВЦИОМ, в последние 1–2 года в волонтерской деятельности участвовали от 72 (благоустройство территорий) до 18% (помощь представителям социально уязвимых групп) россиян [Волонтерство в России..., 2018].

Такие расхождения обусловлены прежде всего различиями в методиках сбора и обработки данных разными ведомствами и исследовательскими организациями [Подробнее см.: Доклад о деятельности..., 2018, с. 1]. Кроме того, идентичность волонтеров в России еще не сформировалась: среди россиян, вовлеченных в волонтерскую работу, в 2018 г. только 33% считали себя добровольцами [Доклад о развитии..., 2018, с. 3]. Различия в подходах к способу измерения добровольчества не позволяют увидеть целостную картину его современного состояния и перспектив развития, что снижает эффективность государственной политики в этой сфере.

Социально-демографические характеристики и мотивация волонтеров

Несмотря на существующие недостатки, результаты проведенного в 2016 г. Росстатом обследования рабочей силы (ОРС), выполнявшей неоплачиваемую работу в интересах других лиц (кроме членов семьи) или организаций в течение последнего месяца, предшествующего опросу, позволяют выявить основные социально-демографические характеристики волонтерского сообщества.

В 2016 г. ежемесячно работали в качестве волонтеров 1435 млн жителей России, из которых 63% составляли женщины. Это соответствует мировому тренду развития добровольческого движения – на долю женщин приходится 57% добровольческой деятельности в мире [Связующая нить..., 2018, с. 15]. Возраст почти 76% волонтеров – 20–59 лет. Молодежь в возрасте 15–19 лет составляла 9%, а лица старших возрастов (60–72 года) – 15% всех волонтеров. Около 39% волонтеров имели среднее профессиональное образование, 33 – высшее образование, 28% – среднее общее образование и ниже. Жители городов и сел в одинаковой степени участвуют в волонтерском труде.

Основными направлениями волонтерского труда в 2016 г. являлись социальные работы (39,1% волонтеров), благоустройство

и очистка территорий (16,4%), помощь животным (7,4% волонтеров). Наименее привлекательными были сельскохозяйственные работы, экологические проекты, поиск пропавших людей. В каждом из этих видов работ принимало участие менее 1% волонтеров (рассчитано по: [Труд и занятость..., 2017, с. 100]).

Средняя продолжительность времени, затраченного на волонтерскую деятельность, в 2016 г. составляла 9,4 часа в месяц при отсутствии значительных различий по этому показателю между женщинами и мужчинами [Оценка экономической..., 2018, с. 95].

Уровень участия населения в волонтерской деятельности в среднем в месяц колебался по регионам в диапазоне от 0,1 до 6,1% общей численности населения. Самые высокие показатели наблюдались в Камчатском крае – 6,1%, Республике Хакасия – 5,9, г. Севастополе – 5,3%. В 39 регионах уровень участия в волонтерском труде составлял 1–3% численности населения в среднем в месяц, но в 36 субъектах РФ не превышал 1% [Оценка экономической..., 2018, с. 98].

По данным опроса ВЦИОМ, проводившегося в июле-августе 2017 г., мотивом участия в волонтерской деятельности почти 48% опрошенных является интересный досуг. Около 1/3 становились добровольцами, чтобы чувствовать себя полезными (37%), реализовать свои инициативы (32), а также приобрести знания, навыки (31%). Более 3/4 волонтеров (77%) отметили, что получали поощрение за свою работу, как правило, в виде благодарностей или сувениров. При этом 91% респондентов, получавших поощрения, готовы продолжить волонтерскую деятельность и при их отсутствии. Наибольший интерес среди поощрений вызывают досуговые мероприятия (встречи с интересными людьми, культурно-массовые, спортивные события, выставки, организация экскурсий, поездок), а также рекомендательная поддержка (рекомендации при поступлении в вуз, поиске работы). Возможные финансовые льготы (при оплате проезда в разных видах городского и междугороднего транспорта, мобильной связи, Интернета, услуг ЖКХ) менее актуальны [Что вдохновляет..., 2017].

Структура волонтерского сообщества

Основной характеристикой сложившейся к настоящему времени структуры волонтерского сообщества в России является его сегментированность: оно включает множество разнообразных типов добровольчества, выделяемых по разным признакам (направ-

лениям деятельности, охвату территории и др.). Главным, по нашему мнению, является включенность или невключенность волонтеров в деятельность организаций некоммерческого сектора.

По этому признаку в добровольческом движении выделяют два сегмента: формальное (организованное) и неформальное (неорганизованное) волонтерство. В формальном сегменте работают как стихийно сложившиеся, так и организованные государственными органами власти группы. Неорганизованные волонтеры выполняют работу за «не справляющееся с проблемами населения» государство, тогда как «прогосударственные» НКО фактически выполняют «госзадание» [Певная М.В., 2014, с. 235].

По данным Минюста, на 1 декабря 2018 г. в РФ зарегистрировано 210 тыс. некоммерческих организаций, по организационно-правовым признакам соответствующих СО НКО [Заседание Государственного..., 2018]. Исходя из данных Росстата, в последние годы динамика развития СО НКО не претерпела существенных изменений: в 2015 г. в России было 140 тыс. СО НКО, в 2016 г. – 143,4, в 2017 г. – 142,6 тыс. Наибольшее количество СО НКО занимаются деятельностью в области физической культуры и спорта (29,7 тыс.), образования, просвещения, науки (27,3), оказания социальных услуг населению (25,1 тыс.) [Доклад о состоянии..., 2018, с. 63].

Под неформальным волонтерством понимается помощь непосредственно нуждающемуся в ней незнакомому человеку индивидуально или в рамках инициативных групп. Согласно данным мирового рейтинга благотворительности, ежегодно рассчитываемого Фондом поддержки и развития филантропии (CAF), в России практики неформального волонтерства более распространены, чем его организованные формы. Доля формальных волонтеров в общей численности взрослого населения России 2010–2016 гг. составляла в среднем 18%, а неформальных – 32,6% (рассчитано по: [Кузьминчук А.А., Телепаева Д.Ф., 2017, с. 445]).

Более высокая степень распространения практик неформального волонтерства в РФ подтверждается и данными исследовательских центров. Так, по оценке НИУ ВШЭ, в 2017 г. доля неформальных волонтеров составляла 62% всех волонтеров [Мерсиянова И.В. Сколько волонтеров..., 2018, с. 11], по данным ВЦИОМ, в индивидуальном порядке волонтерской деятельностью занимались 52% волонтеров, вместе со знакомыми – 21% [Волонтерство в России..., 2018].

В то же время эмпирические исследования показывают, что между регулярностью волонтерской деятельности и включенностью волонтеров в деятельность НКО существует определенная связь. Так, репрезентативный опрос 604 волонтеров г. Екатеринбург показал, что регулярно занимались добровольчеством 32% добровольцев из числа «формальных волонтеров», тогда как среди «неформальных волонтеров» только 5,5% [Певная М.В., 2015, с. 147]. Косвенно эта связь подтверждается и данными о времени, затрачиваемом формальными и неформальными волонтерами на добровольческую деятельность. По данным Росстата, в 2016 г. формальные волонтеры работали в среднем 11,4 часа в месяц, что на 2,5 часа больше продолжительности работы неформальных волонтеров [Оценка экономической..., 2018, с. 95]. Таким образом, включенность в институциональную среду является для волонтеров своего рода дисциплинирующим фактором.

Несмотря на более широкую распространенность неформального волонтерства, приоритетным для государства остается формальный сегмент, а неформального как бы и не существует. Так, на заседании Государственного совета 27 декабря 2018 г., посвященном развитию добровольчества (волонтерства) и СО НКО, неформальное волонтерство вообще не упоминалось. В то же время вице-премьер Правительства РФ Т. Голикова подчеркнула, что «без участия СО НКО в решении социально чувствительных тем невозможно осуществлять деятельность» [Заседание Государственного..., 2018]. Такое отношение государства к неформальному волонтерству объясняется сложностью контроля и управления неорганизованными волонтерами, привлечения их к выполнению определяемых государством задач. Заметим, что и сами неформальные волонтеры не стремятся уйти «под крыло» государства. По результатам анкетирования в 2016 г. 600 жителей Свердловской области, каждый четвертый неформальный доброволец не допускал для себя возможности работать в НКО [Кузьминчук А.А., Телепаева Д.Ф., 2017, с. 448].

Особенности некоторых направлений волонтерской деятельности

Организация волонтерской деятельности предполагает два варианта занятости: временную или регулярную. Первая подразумевает работу на сезонных или периодических мероприятиях (спортивные или событийные мероприятия, проекты, связанные с

экологией или образованием, чрезвычайные ситуации (ЧС)). При этом, участвуя в спортивном или событийном добровольчестве, а также в некоторых экологических проектах, волонтеры получают массу положительных впечатлений.

Регулярная занятость чаще всего связана с социальным волонтерством – работой в социальных и медицинских учреждениях (организация досуга детей и взрослых, обучение сирот профессиональным навыкам, помощь персоналу в уходе за больными, сопровождение выпускников сиротских учреждений и др.), в семьях, находящихся в ТЖС, помощью инвалидам и ветеранам. Как правило, в ходе собеседования волонтер должен доказать свою профессиональную пригодность и готовность регулярно тратить силы на эмоционально напряженную работу. Кроме того, социальное волонтерство требует от волонтера помимо прохождения хотя бы минимального курса обучения некоторых дополнительных по сравнению с другими видами волонтерства усилий, в частности оформления медкнижки. Владение профессиональными навыками также необходимо волонтерам, работающим в зонах ЧС и участвующим в поиске пропавших людей. Определенные требования в отношении возраста волонтеров, а также физического здоровья предъявляются участникам некоторых экологических проектов.

В социальном волонтерстве, переживающем этап накопления опыта и количественного роста, в 2016 г. участвовали 561 тыс. (39,1%) всех добровольцев, из которых 93,7% выполняли эту работу по собственной инициативе [Труд и занятость..., 2017, с. 100].

По данным опроса, проведенного в 2017 г. Общественным советом при Уполномоченном по правам ребенка при Президенте РФ, в котором участвовали 30 руководителей и сотрудников известных благотворительных и волонтерских организаций из 17 регионов РФ, 75% волонтерских организаций работали в учреждениях, а 25% – в семьях [Белановский Ю.С., Ширшова И.В., 2018, с. 9]. Результаты опроса показали, что в обществе существует запрос на конкретные виды социальной волонтерской помощи, связанные с качеством жизни (общение, участие, бытовая помощь и т.д.), когда люди хотят жить, а не выживать.

Отмечается, что в семьях волонтеры часто сталкиваются с потребительским отношением, нежеланием родителей идти на контакт при отсутствии материальной помощи, их незаинтересованностью в развитии и социализации детей. По мнению экспертов, работа в семьях сможет нормально развиваться после накопления «массы» и опыта волонтерства в учреждениях.

Проблемы есть и при работе волонтерских организаций с госучреждениями. Запрос на волонтеров от них невелик: только 57% экспертов упомянули несколько десятков их конкретных запросов, хотя в регионах, представляемых экспертами, таких учреждений сотни. Наиболее лояльны к волонтерам интернаты, специализированные центры и другие учреждения, в которых проживают дети, оказавшиеся без попечения родителей, а также дома престарелых, тогда как медицинские учреждения, а также психоневрологические интернаты более закрыты. Причем в госучреждениях более высок запрос на волонтеров, представляющих благотворительные фонды, особенно известные, что связано с возможностью получения от них материальной помощи.

В целом госучреждения и представители органов власти воспринимают волонтеров как обузу с неопределенным статусом и относятся к ним как к бесплатной рабочей силе. Нередко госучреждения требуют материальную помощь как условие допуска волонтеров к пациентам или проживающим, в одностороннем порядке изменяют требования к волонтерам и предпринимают другие действия, свидетельствующие о неготовности большинства руководителей госучреждений к сотрудничеству с волонтерами.

В то же время опрос показал, что и волонтерские организации сталкиваются с определенными внутренними проблемами – нехваткой профессиональных сотрудников, умеющих работать с волонтерами, дефицитом социальных технологий, слабостью материальной базы и информационной поддержки [Белановский Ю.С., Ширшова И.В., 2018, с. 14]. В связи с этим социальные волонтеры ожидают от органов власти, профильных учреждений и ведомств, уполномоченных по правам человека и по правам детей популяризации социального волонтерства, содействия волонтерским организациям в развитии равноправного партнерства с госучреждениями в интересах благополучателей [Белановский Ю.С., Ширшова И.В., 2018, с. 17].

Экологическое волонтерство (добровольческая деятельность, направленная на сохранение окружающей среды, решение экологических проблем). Сведения о количестве в России экологических волонтеров разноречивы. По данным Росстата, в 2016 г. в реализации экологических проектов участвовало всего 13 тыс. волонтеров, 54% из которых работали по собственной инициативе [Труд и занятость..., 2017, с. 100]. По данным Минприроды России, в 2017 г. только в заповедниках и национальных парках России работали более 1 млн добровольцев [Минприроды России..., 2018].

В том же году в рамках Федеральной целевой программы «Вода России» более 50 тыс. волонтеров убрали почти 4 тыс. т мусора, высадили 1200 деревьев, очистили от надписей километры скальных поверхностей у Байкала [Экологическое волонтерство..., 2018]. Согласно опросу ВЦИОМ, участие в благоустройстве территорий является в настоящее время наиболее распространенной формой волонтерской активности, в которой участвовали 72% россиян [Волонтерство в России: сегодня..., 2018].

Расхождения данных в определенной мере объясняются разным подходом Росстата, с одной стороны, и Минприроды и региональных властей – с другой, к трактовке экологического волонтерства. Росстат относит к экологическим лишь проекты по расчистке лесов, полей, рек и посадке деревьев. Минприроды и региональные власти рассматривают экологическое волонтерство гораздо шире. Они включают в эту деятельность очистку территорий от бытовых отходов, мусора и металлолома, помощь особо охраняемым природным территориям (ООПТ), лесовосстановление. Так, в 2017 г. добровольцы ликвидировали в России более 11 тыс. незаконных свалок [Мошкин М., 2018]. Во Всероссийской акции по восстановлению лесов с 2011 по 2017 г. приняли участие более 5,5 млн человек [Минприроды России..., 2018]. Элементами экологического волонтерства являются также деятельность добровольных пожарных дружин, просветительская деятельность в сфере экологии. Судя по этим данным, можно предположить, что экологическое волонтерство распространено в России гораздо шире, чем представляет Росстат.

Даже такой краткий обзор особенностей разных направлений волонтерской деятельности показывает, что волонтеры должны обладать качествами и компетенциями, необходимыми для выполнения конкретной работы, что свидетельствует о профессионализации добровольчества.

Влияние ИКТ на добровольческое движение

Опрос, проведенный сотрудниками НИУ ВШЭ в 2017 г., выявил интересную закономерность: более активное пользование Интернетом повышает вероятность занятия добровольческим трудом. Причем в группе интернет-пользователей, отслеживающих в сети новостную и политическую информацию, вероятность встретить добровольца составляет 40% против 33% среди всех (Мерсиянова И.В., 2018, с. 10).

Сокращая временные и пространственные ограничения, ИКТ создают дополнительные каналы и способы привлечения добровольцев, способствуют расширению масштабов добровольчества, в частности развитию инклюзивного волонтерства (вовлечение людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в волонтерскую и общественную деятельность) – самого молодого направления добровольческой деятельности в России. Инклюзивные практики, являющиеся одним из механизмов социальной реабилитации и адаптации людей с ОВЗ, помогают их профориентированию, в том числе и в области ИКТ (координация работы волонтерских групп в поисковых операциях, разработка различных интернет-продуктов, оказание психологической и консультативной помощи и т.д.

Расширение возможностей ИКТ также способствовало появлению таких новых направлений волонтерства, как наука граждан (*citizen science*) и краудсорсинг. Наука граждан – это долговременные распределенные научные исследования, в которых наряду с профессионалами участвует значительное число любителей [Егоров С.В., 2018].

Примером данного направления служат Международные дни наблюдений птиц, ежегодно организуемые Союзом охраны птиц России (СОПР). В этой акции участвуют как орнитологи, так и любители всех возрастов, включая младших школьников. Они считают увиденных в эти дни птиц, определяют их вид, фотографируют и передают результаты наблюдений в национальные координационные центры. СОПР также проводит ежегодный общероссийский учет зимующих водоплавающих птиц «Серая шейка». В 2018 г. в нем приняли участие орнитологи и любители из 43 субъектов РФ [Итоги Всероссийской..., 2018].

Другим примером является участие волонтеров в создании информационной системы «Распространение инвазивных видов растений» (Институт биологии Коми научного центра Уральского отделения РАН). Благодаря собранным ими данным о зонах произрастания борщевика Сосновского, было нанесено на карту более 10 тыс. точек его распространения. Такие практики не только поддерживают конкретные научные исследования, но и помогают анализировать состояние окружающей среды в целом.

Краудсорсинг – это привлечение широкого круга людей, действующих на добровольных началах, к решению различных проблем.

Примером российского краудсорсингового проекта служит онлайн-карта Recyclemap.ru, запущенная и поддерживаемая российским Greenpeace. Волонтеры из почти 60 городов находят, проверяют и наносят на карту пункты приема вторсырья, в которых граждане могли бы сдать на переработку раздельно собранные отходы (что особенно актуально в условиях реформы «мусорной» отрасли). Проект действует более пяти лет и объединяет десятки волонтеров, которые проверяют сведения, обновляют информацию, отвечают на комментарии пользователей [Честина Т., 2018, с. 38].

Исследование ФОМ, проведенное в 2016 г., показало, что целевая аудитория краудсорсинга охватывает 5–10% взрослого населения России. ФОМ выделяет участников крауд-проектов в особую категорию «новых волонтеров», рассматривающих краудсорсинг как инструмент самореализации и способ решения социальных проблем [Участники крауд-проектов., 2016 а, с. 9]. К участию в крауд-проектах людей привлекают желание поделиться с другими своим опытом и знаниями или донести свои идеи до представителей власти и бизнеса (25%); перенять знания и опыт других (25); интерес к теме или идее проекта (23); надежда принести пользу, помочь (14%). Кроме того, участие в таких проектах дает возможность расширить контакты, найти партнеров по бизнесу, получить дополнительный заработок [Участники крауд-проектов., 2016 б, с. 9].

Государственная политика поддержки добровольчества

Меры поддержки волонтерства довольно детально проработаны в «Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г.» [Концепция развития., 2018]. Согласно Концепции, содействие развитию и распространению добровольческой деятельности отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики. Концепция определяет «основные направления развития волонтерства в целях обеспечения системного подхода к мерам поддержки добровольческих инициатив».

Документ предусматривает развитие методической, информационной, консультационной, образовательной и ресурсной поддержки деятельности по привлечению волонтеров к работе в учреждениях социального обслуживания населения, образования, здравоохранения, оказанию помощи при возникновении ЧС. При

этом предусматривается поддержка добровольческого движения в разных возрастных (от детей до лиц старшего возраста) и социальных (корпоративное добровольчество, волонтерская деятельность в профессиональных коллективах) группах а также добровольческих ассоциаций и общественных движений, объединяющих добровольческие центры и организации в сетевые сообщества («Волонтеры Победы», «Волонтеры-медики», «Поисковое движение России» и другие).

Работа по вовлечению россиян в добровольческую деятельность будет также проводиться в рамках нацпроекта «Образование», в который включен федеральный проект «Социальная активность», предусматривающий создание инфраструктуры для поддержки деятельности волонтеров (предполагается организовать 318 региональных ресурсных центров добровольчества, а также волонтерские центры в образовательных организациях всех типов, центры «серебряного волонтерства») и подготовку профессиональных кадров для работы с волонтерами. На развитие добровольчества в рамках этого проекта в течение 6 лет будет направлено более 27 млрд руб., в том числе почти 2 млрд руб. – на создание системы социальной поддержки добровольцев; около 1,5 млрд руб. – на грантовую поддержку лучших проектов в сфере добровольчества [Заседание Государственного..., 2018].

Таким образом, государство стремится мобилизовать немалый потенциал волонтерского движения¹ для расширения фактически контролируемого им организованного сегмента волонтерского сообщества за счет вовлечения в него людей, в принципе готовых заниматься волонтерской деятельностью, а также хотя бы части неорганизованных волонтеров, для решения стоящих перед государством задач, прежде всего в социальной сфере.

На всех уровнях исполнительной власти прослеживается тенденция роста финансовой поддержки формального добровольчества. Общий объем субсидий СО НКО из федерального бюджета (в том числе через Фонд президентских грантов) увеличился с 9,1 млрд руб. в 2016 г. до 12,9 млрд руб. В 2017 г. финансовую поддержку из бюджетов субъектов РФ получили 6,6 тыс. организаций (в 2016 г. – 5,7 тыс.) (темп роста – 16%). При этом объем финансовой поддержки, предоставляемой СО НКО в виде субси-

¹ По словам вице-премьера правительства Т. Голиковой, к 2024 г. заниматься волонтерством будут около 20% россиян, или 30 млн человек [Заседание Государственного..., 2018].

дий на конкурсной основе на муниципальном уровне, в 2017 г. составил 8,7 млрд руб. по сравнению с 6,2 млрд руб. в 2016 г. (темпа роста – 40%). Доля муниципальных районов и городских округов, реализующих мероприятия по поддержке СО НКО, выросла за 2017 г. на 9 п.п. – с 53 до 62%. В то же время муниципальные программы по поддержке СО НКО приняты только в 23% муниципальных районов и городских округов при росте общего объема предоставленных субсидий местным бюджетам из бюджетов субъектов РФ на реализацию муниципальных программ поддержки СО НКО [Доклад о деятельности..., 2018, с. 1, 5–6].

В 2017–2018 гг. Фонд президентских грантов организовал четыре конкурса на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, в которых приняли участие 16 814 НКО, подавшие на конкурс 35 184 социально значимых проекта. По итогам конкурсов поддержаны 6786 проектов на общую сумму 14 490 млн рублей. При этом постоянно росло количество региональных проектов (исключая Москву и Санкт-Петербург), становившихся победителями конкурсов (по сравнению с 2015 г. их количество выросло в 4 раза). Увеличилось и количество проектов-победителей из малых городов и сельской местности (2018 г. – 1068 организаций) [Доклад о состоянии..., 2018, с. 67].

Заключение

1. В настоящее время из-за отсутствия единого подхода к способу измерения добровольчества невозможно определить реальное количество работающих в России волонтеров. В связи с этим встает вопрос о реорганизации системы статистического учета добровольцев для определения реальных масштабов и направлений деятельности как формального, так и неформального сегментов волонтерского сообщества, что, в свою очередь, позволит усовершенствовать систему поддержки и регулирования добровольчества.

2. Одной из главных проблем волонтерства является оценка его экономического и социального эффектов. Хотя в мире разработано и используется множество методов оценки, подробно описанных в литературе [см., например: Оценка экономической и социальной..., 2018], в России весьма приблизительные данные об экономической эффективности волонтерства в масштабах страны дает лишь Минэкономразвития. По его оценкам, в 2016 г. вклад

добровольцев в экономику составил примерно 16 млрд руб. Генеральный директор АСИ С. Чупшева отмечает, что, по сути, это минимальный размер оплаты труда в расчете на одного добровольца, умноженный на число задействованных в этом процессе человек. При таком подходе при условии вовлечения в волонтерство к 2025 г. до 25 млн человек, вклад добровольцев в экономику составит 125 млрд руб. [Фомченков Т., 2018]. Тем не менее намечаются некоторые позитивные сдвиги в решении этого вопроса: Фонд президентских грантов разрабатывает систему оценки результативности проектов и измерения их социального эффекта.

3. Хотя уровень развития добровольчества в России отстает от передовых в этом плане стран, в последние годы просматривается тенденция к его росту. Благодаря расширению возможностей ИКТ, появляются новые направления добровольчества (инклюзивное волонтерство, наука граждан, краудсорсинг). Однако привлечение в волонтерское движение новых членов сдерживается неразвитостью его инфраструктуры (созданные сравнительно недавно волонтерские ресурсные центры, готовые работать с гражданами, находятся в стадии поиска собственных стратегий развития); недостаточностью образовательных программ и отсутствием у представителей госучреждений, привлекающих добровольцев, компетенций по работе с ними; недостаточной популяризацией волонтерства, а также информированности граждан о социальных акциях и проектах¹. Возможно, успешная реализация намеченных Правительством РФ мер поддержки добровольчества позволит устранить эти препятствия.

Список литературы

1. Белановский Ю.С., Ширшова И.В. Мир социального волонтерства / Москволонтер. – М.: ГБУ города Москвы «Москволонтер», 2018. – 96 с. – Режим доступа: <https://mosvolonter.ru/biblioteka/%D0%9C%D0%B8%D1%80%20%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE>

¹ До 13 июня 2019 г. Минэкономразвития, Минкомсвязи и Минкультуры указано утвердить план мероприятий по популяризации добровольчества, предусматривающий размещение социальной рекламы, распространение информации о волонтерстве в СМИ, Интернете и создание в этих целях фильмов и других аудиовизуальных произведений с упоминанием в них СО НКО [Об обеспечении..., 2019].

%D0%B3%D0%BE%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0.pdf

2. Волонтерство в России: сегодня и завтра / ВЦИОМ. – М., 2018. – 3 апреля. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9020>
3. Горлова Н.И. Современные тенденции развития института волонтерства в России // Вестник КГУ. Серия «Исторические науки и археология». – Кострома, 2017. – № 3. – С. 77–80. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-tendentsii-razvitiya-instituta-volonterstva-v-rossii>
4. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций / Министерство экономического развития Российской Федерации; Портал единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. – 2018. – 05.09. – 18 с. – Режим доступа: <http://nko.economy.gov.ru/PortalNews/Read/4439>
5. Доклад о развитии добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации / Министерство экономического развития Российской Федерации; Портал единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. – М., 2018. – 04.09. – 24 с. – Режим доступа: <http://nko.economy.gov.ru/PortalNews/Read/4436>
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2018 год. – М.: Общественная палата Российской Федерации, 2018. – 97 с. – Режим доступа: <http://report2018.oprf.ru/ru/>
7. Егоров С.В. Добровольческая и неформальная наука: аннотированная библиография 2017–2018 гг. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – 105 с. – Режим доступа: http://inion.ru/site/assets/files/3328/citizen_science_biblio.pdf
8. Заседание Государственного совета, посвященное развитию добровольчества (волонтерства) и социально ориентированных некоммерческих организаций: Стенограмма. – М., 2018. – 27 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/59528/work>
9. Итоги Всероссийской акции «Серая шейка-2018» // Пресс-релиз. – М.: СОПР, 2018. – 14.03. – Режим доступа: <http://www.rbcu.ru/news/press/34472/>
10. Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций на основе формы № 1-СОНКО. – М.: Росстат, 2017. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=NggLJHARCrA%2BlvXO67wrNrkl6yJ7InVyBcI6Imh0dHA6Ly93d3cuZ2tLnJlL2ZyZWVfZG9jL25ldl19zaXRIL2ZpbmFucy8xLXNvbmtvMjAxNy5kb2MiL000MTQ0MTQwNTY2NiIlslm5vaWZyYWYlIjJp0cnVILCj0cyI6MTU1MjY1NDE3NzUzNCwic2VycFBhcmF0cyI6InVyBD1odHRwJTJBNjJGJTJGd3d3Lmdrcy5ydSUYRmZyZWVfZG9jJTJGbmV3X3NpdGUlMkZmaW5hbnMlMkYxLXNvbmtvMjAxNy5kb2MmbHl9MjEzJnRnZD1yZDZyZW5nPXJ1JnRtPTE1NTI2NTQxNTQmdGV4dD1

na3 MucnUIMkZmcmVIX2 RvYyUyRm5 ld19 zaXRIJTJGZmluYW5 zJTJGMS1
zb25 rbzIwMTcuZG9 jJmwxMG49 cnUmbmFtZT0 xLXNvbmtvMjAxNy5 kb2 M
mbWltZT1 kb2 Mmc2 Inbj02 YTAwNmVkYjVknjFiZjJiYzk2 Y2 Y1 OTM1 YmF
mOTIzOSZrZXlubz0 wln0%3 D&lang=ru

11. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-п. – М., 2018. – 14 с. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/35231/>
12. Кузьминчук А.А., Телепаева Д.Ф. Неформальный волонтер: наброски к портрету героя // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 443–449. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46803/1/klo_2017_051.pdf
13. Мерсиянова И.В. Сколько волонтеров в России // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. – 2018. – № 1 (14). – С. 8–12.
14. Минприроды России примет участие в Большом фестивале добровольцев (1–2 июня 2018 г., парк Сокольники, г. Москва) // Пресс-служба Минприроды России. – М., 2018. – 1 июня. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/press/news/minprirody_rossii_primet_uchastie_v_bolshom_festivale_dobrovoltsev_1_2_iyunya_2018g_park_sokolniki_g/
15. Мошкин М. Как власть поддерживает волонтерское движение // Взгляд. – 2018. – 4 декабря. – Режим доступа: <https://vz.ru/society/2018/12/4/953740.html>
16. Новоселова Е. У добра нет каникул // Российская газета. – М., 2018. – 5 декабря, № 7736. – Режим доступа: <https://rg.ru/gazeta/rg/2018/12/05.html>
17. О развитии добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации / Государственный Совет Российской Федерации. – М., 2018. – Декабрь. – 62 с. – Режим доступа: [https://grans.hse.ru/data/2018/12/29/1143076509/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%9E%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20\(%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD..%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85%20%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9.pdf](https://grans.hse.ru/data/2018/12/29/1143076509/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%9E%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B8%20%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20(%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%BD..%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85%20%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9.pdf)
18. Об обеспечении выполнения поручений Президента России по итогам заседания Госсовета 27 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. – 2019. – 23 января. – Режим доступа: <http://government.ru/orders/selection/404/35487/>

19. Оценка экономической и социальной эффективности добровольческой деятельности: методические подходы и проблемы реализации: учеб. пособие / под ред. И.В. Мерсияновой. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. – 198, [2] с. – Режим доступа: https://grans.hse.ru/data/2018/03/07/1165678462/%D0%94%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE_%D0%B4%D0%BB%D1%8F_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B0.pdf
20. Певная М.В. Российские волонтеры третьего сектора: характеристика общности и управленческие перспективы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, 2015. – № 1 (135). – С. 145–151. – Режим доступа: <http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/30229/1/iurp-2015-135-15.pdf>
21. Певная М.В. Развитие волонтерства в России: проблемы и противоречия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – Сургут, 2014. – № 2. – С. 230–237. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/journal>
22. Певная М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 434 с. – Режим доступа: http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/37792/1/978-5-7996-1677-9_2016.pdf
23. Связующая нить: Добровольчество и устойчивость сообществ: Отчет о состоянии добровольчества в мире за 2018 год // Добровольцы ООН. – Вашингтон, 2018. – С. i–xv, 144. – Режим доступа: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf
24. Стандарт поддержки добровольчества (волонтерства) в регионах Российской Федерации // АСИ. – М., 2017. – 13 с. – Режим доступа: <https://asi.ru/reports/77465/>
25. Труд и занятость в России: Стат. сб. – М.: Росстат, 2017. – Т. 78. – 261 с. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf
26. Участники крауд-проектов как «новые волонтеры»: Доклад / Богомолова Е.В., Кот Ю.А., Паутова Л.А., Петренко Е.С. – М., 2016 а. – 10 с. – Режим доступа: https://fom.ru/uploads/files/Doklad_Uchastniki_kraud-proektov_kak_novye_volontery.pdf
27. Участники крауд-проектов как «новые волонтеры»: Презентация / Богомолова Е.В., Кот Ю.А., Паутова Л.А., Петренко Е.С. – М., 2016 б. – Режим доступа: https://fom.ru/uploads/files/Prezentacija_Uchastniki_kraud-proektov.pdf
28. Фомченков Т. Цена бесценного // Российская газета. – М., 2018. – 22.01. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/01/22/asi-ekonomicheskij-effekt-ot-volonterov-dostignet-125-mlrd-rublej.html>
29. Честина Т. Технологии для экологии. Краудсорсинг и гражданская наука на службе изучения и сохранения природы // Экология и право. – СПб., 2018. –

- № 73. – С. 38–39. – Режим доступа: <http://bellona.ru/2019/01/17/volonterstvo-v-sovremennoy-rossii/>
30. Что вдохновляет волонтеров?: Пресс-выпуск. – М.: ВЦИОМ, 2017. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3556>
31. Экологическое волонтерство: посмотреть мир, помогая природе // РИА Новости. – М., 2018. – 12 февраля. – Режим доступа: <https://sn.ria.ru/20180212/1514454976.html>

Б.Г. Ивановский*

АДАПТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАН ЕС И США К ИННОВАЦИЯМ

Аннотация. Исследуется влияние инноваций на экономическое развитие стран Запада. Рассматривается их взаимосвязь с темпами экономического роста, производительностью труда, рынком труда, развитием научной деятельности, а также социальной сферой.

Ключевые слова: Евросоюз; США; инновации; цифровая экономика; темпы роста; рынок труда; социальная сфера.

B.G. Ivanovskiy

Adaptation of EU and US economies to innovations

Abstract. The impact of innovations on the economic development of Western countries is studied. Their interrelations with economic growth, labor productivity, labor market, development of scientific activity and also the social sphere are considered.

Keywords: European Union; USA; innovations; digital economy; growth rates; labor market; social sphere.

* **Ивановский Борис Георгиевич**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики ИНИОН РАН.

Ivanovskiy Boris Georgievich, candidate in economic sciences, leading researcher of the Department of economics at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Роль инноваций в современной экономике

Термин и понятие «инновации» в экономическую теорию ввел Й. Шумпетер в работе «Теория экономического развития» (1911). В 1930-е годы он сформулировал понятие инновации как изменение с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности. В 1950–1960-х годах значительный вклад в исследование влияния инноваций на экономический рост внесли Р. Солоу, Дж. Кендрик, Э. Денисон, С. Кузнец.

Вместе с тем существуют большие расхождения в вопросе о том, что же такое инновации, и, соответственно, множество их классификаций по разным признакам: по степени радикальности, по характеру применения, по роли в воспроизводственном процессе, по области применения, по характеру удовлетворяемых потребностей и т.д. Так, в основе классификации, разработанной А.И. Пригожиным, лежат пять признаков: распространенность; место в производственном процессе; преемственность; ожидаемый охват доли рынка; степень новизны и инновационный потенциал. При этом внутри каждой группы инновации он подразделяет их на виды, выделяя, например, по степени новизны и инновационному потенциалу радикальные, комбинаторные и совершенствующие инновации.

Но в любом случае инновации представляют собой научные открытия, изобретения или технические достижения, доведенные до коммерческого воплощения в рыночном товаре. Инновации продуктов направлены прежде всего на получение рыночных преимуществ, инновации процессов позволяют экономить затраты труда, повышать эффективность производства и прибыльность инвестиций. При этом радикальные инновации, как правило, реализуются на базе научных исследований, основой которых была и остается фундаментальная наука. В этом состоит их отличие от нововведений, базирующихся на уже известных достижениях науки и связанных с конкретными конструкторскими разработками. Инновационный цикл начинается с фундаментальных открытий, превращающихся через некоторое время в серии коммерческих инноваций. Эти процессы интенсифицируются под влиянием глобализации науки, которой способствуют прогресс в ее техническом оснащении, а также информационные технологии, предоставляющие ученым новые возможности общения и обмена информацией [Минервин И.Г., 2012, с. 35–36].

В условиях перехода к четвертой (цифровой) промышленной революции (революция 4.0)¹ тема инноваций, оказывающих существенное влияние не только на развитие экономики на глобальном и страновом уровнях, но и на другие стороны жизни общества, является одной из наиболее обсуждаемых проблем как в научных публикациях, так и в СМИ. При этом для современного этапа технического прогресса (ТП) характерно появление не одной прорывной технологии, а пучка инноваций, связанных с информатикой, техникой электрических соединений, микро- и нанотехнологиями, нейронауками, производством энергии, оцифровыванием и хранением данных, искусственным интеллектом (ИИ) и т.д. Главной чертой современного этапа ТП является слияние реального и виртуального миров, т.е. формирование киберфизических систем (cyber physical systems, CPS). Речь идет об объединении мощных и автономных микрокомпьютеров в сети, связанные с Интернетом, что позволяет связывать ресурсы, информацию, объекты и людей.

Интернет вещей и услуг позволяет трансформировать производственный процесс, превращая заводы в «умные пространства» в рамках производственных CPS, своего рода цифровых цепочек, включающих производство, хранение, маркетинг, распространение и сервисное обслуживание. Их функционирование обеспечивает множество мини-компьютеров, датчиков, роботов, микроаккумуляторов, формирующих «огромную колонию виртуальных, невидимых муравьев, участвующих в производстве продуктов» [Жилина И.Ю., 2016, с. 120].

Признается, что инновации, затрагивающие практически все сферы и уровни (от индивидуального до глобального) жизни человека и общества, являются одним из основных драйверов развития цивилизации.

На уровне государственного управления повышается эффективность налогового администрирования и управления данными.

¹ Цифровая революция определяется как общее ускорение технологических изменений в экономике, вызванных массовым расширением возможностей в области хранения, обработки и передачи информации с использованием электронных устройств. Она представляет собой длинную последовательность инновационных всплесков и изменений в инструментах и методов управления экономикой. Это связано, прежде всего, с внедрением микропроцессоров и микрочипов – универсальных технологий, которые существенно снизили издержки производства и одновременно увеличили производственные возможности. В результате был создан целый ряд новых продуктов и производств с широкими инвестиционными возможностями [Fernández-Macias E., 2018, p. 1].

Аналитические инструменты больших данных предоставляют государственным органам более широкие возможности для анализа социальных трендов, а также для борьбы с коррупцией и злоупотреблениями в сфере государственной службы. Новые способы использования данных могут также стимулировать инновации в частном секторе.

На корпоративном уровне цифровые технологии повышают рыночный потенциал, расширяют возможности выхода на внутренний и международные рынки. Цифровизация многих внутрифирменных процессов – производства, систем снабжения и сбыта и т.д. – обеспечивает рост производительности. Привносимые в традиционные бизнес-модели в зрелых отраслях изменения, основанные на цифровых технологиях, открывают путь для появления новых компаний, создающих дополнительные рабочие места и увеличивающих налоговые поступления. Цифровые платформы повышают эффективность использования ресурсов, например, в строительстве и на транспорте, что приносит пользу населению и снижает ущерб, наносимый окружающей среде.

Выгоды, которые могут получить граждане от революции 4.0, обусловлены ростом конкуренции и расширением доступа к лучшим продуктам и услугам по более низким ценам: усиление конкуренции заставляет компании повышать конкурентоспособность, совершенствуя продукцию и услуги. Компании, население и общество в целом выигрывают за счет повышения открытости рынка труда, эффективного балансирования на нем спроса и предложения, автоматизации процессов подбора и найма персонала.

Инновации также способствуют смягчению социальных проблем, связанных с недостатками функционирования системы здравоохранения, демографическими диспропорциями, явлениями социальной изоляции и т.д. Например, они могут помочь пожилым людям сохранять здоровье и противодействовать снижению физических возможностей.

Но одновременно современные инновации порождают новые проблемы и вызовы. По мере изменения основ производственных систем появляются новые виды деятельности и новые рабочие места, а невостребованные исчезают. Вынуждая общество приспосабливаться к изменениям, инновации выступают как дестабилизирующий фактор, вызывают опасения и протесты. Ставя под сомнение способы производства и иерархию предприятий и стран, инновации действуют как фактор неопределенности, что может заблокировать их положительные эффекты.

Инновации и экономический рост

В настоящее время проблема воздействия инноваций на долгосрочный экономический рост, экономику на микро- и макроуровне является одной из наиболее актуальных для зарубежных исследователей. Одним из главных эффектов от внедрения инноваций является рост производительности труда: при одинаковых производственных затратах достигается более высокий уровень выработки конечной продукции и услуг, что обеспечивает рост экономики.

В неоклассической теории роста и теории эндогенного роста ТП рассматривается как основной фактор и движущая сила экономического роста. Вместе с тем, как отмечают Р. Эднер (профессор Дартмутского колледжа) и Р. Капур (профессор Уортонской школы), шумпетерианское «созидательное разрушение» неисчерпаемо и остается в центре внимания теоретиков экономического роста. На смену старым технологиям приходят Интернет вещей, объемная печать, облачные вычисления, альтернативные источники энергии, виртуальная реальность и др. Однако дискуссия относительно конкретных результатов и долгосрочных итогов инновационных процессов, путей превращения новых знаний и технологий в более высокие экономические показатели продолжается.

Так, итальянские специалисты А. Миннити (Университет Болоньи) и Ф. Вентурини (Университет Перуджи) показали, что одним из непосредственных долгосрочных эффектов инноваций является рост производительности [Минервин И.Г., 2018, с. 109]. Этот вывод в отношении ИИ подтверждается оценками McKinsey Global Institute (MGI), согласно которым к 2030 г. ИИ даже с учетом затрат на переходный период и последствий для конкуренции может дополнительно увеличить общие объемы выпуска приблизительно на 13 трлн долл., а годовые темпы роста мирового ВВП – на 1,2%. Таким образом, ИИ превышает экономический эффект предыдущих технологий общего применения, например, парового двигателя в 1800-е годы (рост производительности составил 0,3%), промышленных роботов в 1990-е годы (0,4), информационных технологий в 2000-е годы (0,6%) [Notes from the AI frontier..., 2018, p. 2–3].

В свою очередь, М.Н. Бейли (Институт Брукингса) и Дж. Мейнайк (MGI) сомневаются в том, что, например, Интернет вещей, несмотря на кажущуюся безграничность его возможностей и радужные прогнозы, обеспечит быстрый рост производительности.

Они скорее допускают возможность повторения парадокса производительности¹, который наблюдался 30 лет назад во время распространения информационных технологий (ИТ). Однако в тот период руководители предприятий практически проигнорировали этот парадокс, продолжив вкладывать средства в ИТ, несмотря на отсутствие доказательств эффективности этих инвестиций. И жизнь показала, что в целом это решение оказалось правильным.

Позднее ряд исследований, выявивших скачок роста производительности во многих секторах (розничной и оптовой торговле, финансовых услугах, информатике) в конце 1990-х годов, показали, что между инвестированием в новые технологии и ростом производительности существует определенный временной лаг. Кроме того, значительная часть роста производительности была обусловлена не столько самими ИТ, сколько сочетанием технологических изменений с управленческими и организационными инновациями. Подобная ситуация может повториться и в случае Интернета вещей. По оценкам Бейли и Мейнайки, экономическая отдача от трансформации под его влиянием заводов, жилищ и городов к 2020 г. достигнет 3,9–11,1 млрд долл. в год (около 11% мирового ВВП), т.е. выгоды от изменения функционирования предприятий проявятся на макроэкономическом уровне с некоторым запаздыванием. Кроме того, для реализации потенциала Интернета вещей необходимо обеспечить защиту частной жизни и безопасность сетей, а также длительные циклы инвестирования, в частности в инфраструктуры. Полному использованию потенциала этой технологии будут препятствовать и проблемы организационного порядка [Жилина И.Ю., 2016, с. 121–122].

Некоторые специалисты, в частности Р. Гордон из Северо-Западного Университета (Эванстон, США), считают, что основным источником значительного экономического роста являются прорывные инновации [Chavagneux Ch., 2014, с. 61], поскольку именно они способствуют реальной трансформации экономики и социальной сферы. Это подтверждается анализом показателей экономического роста в длительной исторической ретроспективе: в большинстве обществ до XVIII–XIX вв. темпы экономического роста

¹ Парадокс, сформулированный нобелевским лауреатом Р. Солоу, заключается в невозможности обнаружить четкую статистическую связь между быстро растущими инвестициями в ИТ и динамикой производительности в секторах, использующих эти технологии, хотя большинство исследований очень позитивно оценивало воздействие ИТ на конкурентоспособность и снижение издержек.

практически не менялись или, в лучшем случае, повышались очень медленно. Ситуация изменилась с первой промышленной революцией, когда рост продуктивности сельского хозяйства и переток высвободившейся рабочей силы в промышленность, а также развитие железнодорожного транспорта произвели революцию в цепочках поставок, открыли новые рынки и стимулировали спрос. В результате индустриализации в большинстве развитых стран среднегодовые темпы роста стали превышать 1%, а после Второй мировой войны – 2% [Boyd T., 2015].

Р. Гордон считает, что прогресс последних 250 лет является уникальным явлением в истории и больше не повторится: «скачок в росте производительности происходит при переходе от дилижанса к самолету, но не при переходе к заказу билетов через Интернет». Гордон уверен в том, что инновации продолжатся, но сомневается в их способности служить источником роста производительности в условиях замедления технического прогресса [Chavagneux Ch., 2014, с. 61]. Однако он не учитывает сложность и многогранность причинно-следственных связей между инновациями и ростом: инновации обеспечивают рост, а рост, в свою очередь, – инвестиции и спрос, которые ведут к инновациям.

Противоположную точку зрения о влиянии инноваций на рост и развитие отстаивают Э. Бриньольфссон и Э. Макафи (Слоуновская школа менеджмента при Массачусетском технологическом институте, США). Исходя из того, что инновация – это то, что позволяет полнее и эффективнее использовать человеческий интеллект для понимания и формирования окружения, они полагают, что рост производительности обеспечит развитие и эффективность интеллектуального капитала. С точки зрения Бриньольфссона и Макафи, инновация состоит в оригинальном рекомбинировании уже существующих нововведений. Этот подход разделяет американский экономист П. Ромер (Школа бизнеса Нью-Йоркского университета)¹, который считает, что основой экономического роста являются более эффективно перекомпонованные существующие ресурсы [Chavagneux Ch., 2014, p. 61].

Таким образом, улучшающие инновации могут быть не менее важны, чем радикальные, в том числе за счет их связи с тенденциями конкурентной стратегии и усложнением баз знаний. Однако

¹ В 2018 г. П. Ромер получил Нобелевскую премию по экономике за интеграцию технологических инноваций в долгосрочный макроэкономический анализ. – *Прим. авт.*

поскольку возрастание сложности знаний ведет к усилению специализации ключевых компетенций фирм и их зависимости от накопленного опыта в области технологического развития, измерение экономических эффектов инноваций по критериям радикальных и улучшающих инноваций имеет ограниченное значение. Более значима оценка инновационных последствий на отраслевом уровне. Долговременные инновационные выгоды как в промышленности, так и в сфере услуг проявляются в структурных изменениях, отражающих межотраслевые различия в темпах роста добавленной стоимости в зависимости от наукоемкости. Благодаря этим сдвигам растет доля наукоемких отраслей в совокупном объеме производства. Долговременные последствия выражаются в структурной модернизации, означающей различия в результатах деятельности фирм внутри отраслей, не связанных с изменением набора видов деятельности. Они могут проявляться в увеличении доли наукоемких направлений в рамках сектора, что обеспечивает сохранение или укрепление конкурентных преимуществ.

Хотя радикальные инновации с большей вероятностью, чем улучшающие, способствуют структурным изменениям, последние также могут их обеспечить, если фирма уже активна в высокотехнологичной отрасли. В то же время радикально новый продукт в менее наукоемком секторе может лишь предотвратить упадок отрасли. Таким образом, к модернизации и к структурным изменениям на отраслевом уровне могут привести различные явления. Политики часто концентрируют внимание на повышении в экономике доли наукоемких товаров и услуг (т.е. структурных изменениях), но, как свидетельствует практика, модернизация, являющаяся результатом инновационного процесса, также важна для экономики.

«При этом важной проблемой является также зависимость инновационной технологии от других обеспечивающих технологий и степени готовности последних, т.е. от ее экосистемы в целом. Один из ключевых факторов успешного развития новой технологии состоит в том, насколько быстро ее экосистема¹ достигнет требуемого уровня развития, позволяющего реализовать ее потенциал. Таким образом, эффект радикальной инновации не будет полностью реализован до тех пор, пока не будут устранены все узкие места в обеспечивающей экосистеме, что может потребо-

¹ К элементам экосистемы относятся технологии, инфраструктуры, стандарты, нормы регулирования.

вать соответствующей переориентации усилий» [Минервин И.Г., 2018, с. 112]

Теоретики прагматического направления оценивают потенциал новой технологии прежде всего с точки зрения интересов инвесторов и менеджеров, а также ее эффективности в создании стоимости и удовлетворении запросов потребителей. Вопрос эффективности инноваций в свою очередь связан с потребностями в ресурсах для коммерческого освоения технологий, экономии производственных затрат и возможностями ценовой конкуренции.

Однако такой подход многие исследователи считают неполным и не отражающим реального значения инновационных процессов. Так, Р. Эднер и Р. Капур полагают, что более глубокое понимание их динамики и воздействия на экономику требует учета таких факторов, как свойства экосистемы, а также возможностей конкуренции не только между новой и старой технологиями, но и между новой и старой экосистемами. «Свойства элементов экосистемы играют ключевую роль в определении как успешности новых, так и необходимости сохранения действующих технологий. Такой подход обеспечивает более обоснованное прогнозирование и планирование нововведений, а также необходимых для их реализации ресурсов» [Минервин И.Г., 2018, с. 110].

Инновации и занятость

Исторический опыт свидетельствует о том, что опасения роста безработицы, порождаемой ТП, отнюдь не новое явление. Еще во время первой промышленной революции по Великобритании прокатилась волна восстаний так называемых луддитов, разрушавших ткацкие станки, которые, как они считали, лишают их работы. Поэтому обеспокоенность людей возможной потерей работы в результате революции 4.0, которая, одновременно с ускорением технологических изменений в экономике вызвала возникновение новых социально-экономических дисбалансов, вполне объяснима и оправдана.

Внедрение новых технологий в производственный процесс требует реорганизации самого производства, в ходе которой изменяются или исчезают определенные рабочие функции при одновременном появлении новых видов деятельности. Так, распространение технологий ИИ приведет к изменениям структуры спроса на труд: вместо работников, выполняющих рутинные задачи, которые значительно легче поддаются автоматизации, будут требоваться

работники, реализующие социальные или когнитивные задачи. Модели MGI показывают, что число «рутинных» рабочих мест с низкими цифровыми навыками к 2030 г. может сократиться с примерно 40% от общего количества занятых до почти 30%. В то же время доля рабочих мест с нерутинными видами деятельности или высоким уровнем цифровых навыков вырастет с примерно 40% до более чем 50% [Notes from the AI..., 2018, p. 4].

Изменение структуры занятости может привести к увеличению разницы в зарплатах разных категорий работников: около 13% общих расходов на зарплаты будет перенаправлено на нерутинные рабочие места. Зарплаты работников рутинных профессий или с низкими цифровыми навыками могут стагнировать и даже снижаться, что приведет к сокращению их доли в общей сумме расходов на зарплаты с 33 до 20%. В результате может усилиться конкуренция на рынке труда, особенно между работниками, обладающими навыками использования технологий ИИ. Кроме того, увеличится доля работников, стремящихся ими овладеть [Notes from the AI..., 2018, p. 4].

Рассматривая влияние цифровой революции на изменения характера трудовой деятельности и занятости, Э. Фернандес-Масиас (Европейский фонд для улучшения условий жизни и труда (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, Eurofound)), выделяет три основных вектора этих изменений. Они соответствуют трем широким категориям комбинированного применения цифровых технологий в экономических процессах с различными последствиями для труда и занятости.

1. Автоматизация производственного процесса – замещение некоторых функций, выполняемых человеком (машинный ввод данных для выполнения определенных видов задач, в частности в процессе производства и распределения продукции). Автоматизация оказывает серьезное влияние на структуру занятости в разбивке по профессиям и секторам, требуемые уровни квалификаций, условия труда. При этом использование цифрового оборудования и ИИ позволяет автоматизировать весь производственный процесс.

2. Оцифровка производственного процесса – использование сенсорных устройств и других датчиков для перевода физического процесса производства в цифровую форму, что дает возможность реализовать преимущества цифровых технологий обработки, хранения и передачи информации, а также обеспечивает распространение достижений цифровой экономики за пределы отдельного предприятия в сектора и отрасли экономики. Наиболее очевидное

влияние оцифровка оказывает на условия труда. Она также влечет за собой изменения в задачах и профессиях и косвенно влияет на условия занятости и производственные отношения.

3. Цифровые сети (платформы) – координация экономических транзакций при помощи определенных алгоритмов¹. Эта новая форма экономической деятельности, бросает вызов существующей организации труда и рыночным нормам, что подтверждается рядом недавних судебных процессов в Европе [Fernández-Macías E., 2018, p. 15].

А. Сундарараджан (Школа бизнеса им. Стерна Нью-Йоркского университета) утверждает, что в будущем в результате сочетания новых сетевых платформ и ИИ произойдет коренная трансформация системы организации труда, что приведет к резкому сокращению традиционных отношений между работником и работодателем. Сетевые платформы позволяют передать группе индивидуальных предпринимателей и «работников по требованию» основную часть функций, традиционно выполняемых работниками, занятыми полное рабочее время в рамках отдельно взятой организации. В результате формируется экономика, которая строится не на полной занятости, а на краткосрочных отношениях с фрилансерами.

В то же время развивающиеся технологии ИИ и робототехника все лучше справляются с выполнением интеллектуальных и физических функций человека и обеспечивают автоматизацию таких сложных видов человеческой деятельности, как управление автомобилем или руководство проектами. Это приведет к нарушению сложившегося порядка в целом ряде профессиональных видов деятельности, включая юриспруденцию, консалтинг, розничные продажи и транспортные услуги. Формируется рынок труда, в рамках которого рабочие места с полной занятостью могут быть разбиты на задачи и проекты, что облегчит использование капитала в форме средств автоматизации для дальнейшего замещения человеческих трудовых ресурсов [Сундарараджан А., 2017, с. 7].

¹ Цифровые платформы, такие как Uber, выполняют некоторые функции как рынков (обеспечение пространства для встречи поставщиков и потребителей определенных услуг), так и фирм (координация, мониторинг и дисциплина предоставления услуг с помощью алгоритмов). Точнее говоря, платформы выходят за пределы как рынков, так и фирм, обеспечивая не только функции и тех и других, но и облегчая реализацию экономических транзакций, которые ни рынки, ни фирмы не могут координировать [Fernández-Macías E., 2018, p. 10].

Последние исследования показывают, что число работников без постоянного найма, получающих основной или дополнительный доход от самостоятельной деятельности, постоянно растёт. По оценкам, количество таких независимых работников в США колеблется от 40 до 68 млн человек, т.е. на независимых работников приходится существенная доля американской гражданской рабочей силы, насчитывающей 160 млн человек. Тенденция к поиску работы без постоянного найма особенно ярко выражена среди более молодых групп населения. Согласно опросу, проведенному американской частной компанией MBO Partners, которая оказывает различного рода услуги самозанятым профессионалам, 40% независимых работников, которым этот вид занятости приносит основной доход, являются миллениалами¹, в то время как в общем составе гражданской рабочей силы этот показатель равен примерно одной трети [Сундараджан А., 2017, с. 8].

Появление цифровых платформ, облегчающих получение дохода без постоянного найма, скорее всего, ускорит развитие этого тренда. Многие из таких платформ позволяют извлекать коммерческую выгоду из личных активов за счет их более эффективного использования. К подобным структурам относятся транспортные платформы (такие как Uber и Lyft в США, Didi Chuxing в Китае, BlaBlaCar во Франции, Ola в Индии и Grab в Юго-Восточной Азии); платформы, позволяющие людям заниматься коммерческой деятельностью по сдаче собственного жилья в краткосрочную аренду, а также платформы по прокату автомобилей (Drivy в Европе и Getaround в США). Аналогичными сетевыми платформами являются также проектные платформы для работников «по требованию» и фрилансеров, такие как Upwork (свыше 12 млн зарегистрированных фрилансеров); страновые платформы, подобные Crowd-Works в Японии (свыше 1 млн работников) и Giraffe в Южной Африке, а также профессиональные отраслевые платформы по временному трудоустройству (Catalant для управленческого консалтинга, Gigster для разработки программного обеспечения премиального уровня и UpCounsel для юридических услуг) [Сундараджан А., 2017, с. 9].

Тем не менее исторический опыт вытеснения отдельных видов работ в результате автоматизации позволяет с определенной надеждой смотреть в будущее. Так, в результате непрерывной ме-

¹ Миллениалы или Поколение Y – поколение людей, родившихся между 1981 и 2000 годами.

ханизации сельского хозяйства в США доля рабочей силы, занятой в этой отрасли, снизилась с 41% в 1900 г. до менее чем 2% в 2000 г., что, однако, не привело к росту безработицы в масштабах страны [Сундарараджан А., 2017, с. 9]. Напротив, развитие базовых технологий создает новые отрасли. Так, развитие автомобильной промышленности, вытеснившей гужевой транспорт и его вспомогательные отрасли, привело не только к появлению такого нового вида деятельности, как строительство автомобильных дорог, но и способствовало развитию инфраструктуры автомагистралей – автозаправочных станций, придорожных мотелей, ресторанов быстрого обслуживания.

Этот оптимизм разделяют и эксперты MGI, которые полагают, что с учетом исторических трендов соотношения между созданием новых и исчезновением старых рабочих мест, а также более низкой трудоемкости рабочих мест в сфере ИИ, в долгосрочной перспективе переход на ИИ не окажет значительного влияния на чистый размер занятости. Дополнительные инвестиции в этом секторе к 2030 г. обеспечат рост занятости на 5%, а дополнительно созданное богатство повысит спрос на рабочую силу, увеличив ее еще на 12% [Notes from the AI., 2018, p. 46].

Исторический опыт в целом говорит о том, что по мере сворачивания или исчезновения старых отраслей происходит появление и развитие новых, отвечающих различным потребностям людей. На долю сферы здравоохранения, которая практически отсутствовала 200 лет тому назад, сегодня приходится почти 12% от общего числа занятых в США. Туризм, который едва ли можно было назвать отраслью в 1900 г., в 2011 г. обеспечивал работой 235 млн человек (8% процентов от числа занятых в мире). Кроме того, просматривается тенденция превращения в отдельные отрасли формальной экономики видов деятельности, ранее осуществлявшихся неформально или в пределах домашнего хозяйства или местной общины (например, коммуникации, развлечения, путешествия, образование или уход за больными) [Сундарараджан А., 2017, с. 9].

За счет формализации неформального сектора цифровая экономика может способствовать решению ряда социально значимых экономических проблем. Во-первых, новые инновационные предприятия, имеющие высокую отдачу от работы в рамках открытой экономики (например, за счет партнерства с финансовыми институтами и сотрудничества с солидными фирмами), едва ли будут работать в теневом секторе экономики. Во-вторых, они могут пре-

доставить дополнительные возможности для трудоустройства и повышения квалификации [How Can Innovation..., 2013].

Автоматизация труда предоставит людям возможность удовлетворить нереализованные устремления или новые потребности. Возможно, произойдет масштабное расширение экономической деятельности, направленной на борьбу с климатическими изменениями или связанной с образованием населения планеты, с формализацией ухода за людьми.

Однако далеко не все специалисты настроены столь оптимистично. Р. Скидерски (Уорикский университет, Ковентри, Великобритания) отмечает, что в результате автоматизации в ближайшее время количество рабочих мест в мире сократится, по разным оценкам, на 9–47%, а оставшиеся станут более уязвимыми [Skidelsky R., 2019]. По оценке сотрудников Оксфордского университета, 47% всех рабочих мест в США находятся в зоне риска и могут в ближайшие 20 лет исчезнуть [Frey C., Osborne M., 2013, p. 1]. Согласно опросу некоммерческого исследовательского центра Pew Research Center (США), в котором участвовало около 2 тыс. экспертов, 48% респондентов считают, что в будущем роботы и цифровые технологии вытеснят значительное число «синих» и «белых воротничков». Это приведет к усилению неравенства в доходах, росту безработицы и, как следствие, потрясениям в общественном развитии. Однако другая часть респондентов (52%) полагают, что в результате внедрения цифровых технологий и робототехники число сокращенных рабочих мест к 2025 г. не превысит количество созданных [Bussemmer T., Krell C., Meyer H., 2016, p. 9].

Сочетание процессов роста трудовой деятельности без постоянного найма и совершенствующихся когнитивных способностей машин может привести к переходу от современной базовой модели получения дохода, основанной на оплате человеческого труда и таланта крупными организациями, занимающимися конкретным видом экономической деятельности, к системе крошечных предприятий, на которых факторами производства являются сочетание трудовых ресурсов, таланта и капитала.

В настоящее время лучшим примером будущей модели трудовых отношений, относительно невосприимчивой к эффекту замещения, вызываемого автоматизацией, является компания Airbnb, которая подбирает пары среди владельцев свободных помещений и людей, ищущих временное жилье. По многим критериям она является самым крупным отдельно взятым оператором на рынке краткосрочной аренды жилья в мире. На 31 декабря 2016 г. свыше

2 млн людей по всему миру проживали в помещениях, снятых через платформу Airbnb (крупнейшая гостиничная сеть в мире Marriott-Starwood располагает номерным фондом, равным примерно половине от этого показателя). Airbnb собирает запросы на жилье, предоставляет гарантии безопасности, за которыми стоит компания с глобальным брендом, а также устанавливает и обеспечивает соблюдение определенных стандартов. Но фактическое управление коммерческой деятельностью предприятий, которые сдают жилье в краткосрочную аренду (ценообразование, управление номерным фондом, позиционирование, продвижение, взаимодействие с клиентом), осуществляют 3 млн хозяев, создающих свои собственные микробренды на основе репутационной системы Airbnb [Сундараджан А., 2017, с. 10].

Пути смягчения негативных последствий цифровой революции

При всех положительных эффектах цифровая революция влечет за собой проблемы в области конфиденциальности, информационной безопасности, но особенно в сфере занятости и распределения доходов. Быстрота происходящих изменений порождает неопределенность, затрудняющую долгосрочное планирование как на государственном, так и на корпоративном уровнях, требует постоянного анализа различных вариантов развития и определения риска, который по возможности следует разделить между участниками. В этой ситуации путь в будущее, по мнению прогнозистов Boston Consulting Group (BCG), связан с поиском благоприятных возможностей и преодолением препятствий в рамках открытых дискуссий с участием всех заинтересованных сторон [Impact of digitization..., 2016].

Следует также подчеркнуть, что «дивиденды от автоматизации» (automation dividends) распределяются отнюдь не равномерно. Как отмечает Э. Бриньольфссон, технология может увеличить «экономический пирог», но это не значит, что выгоду от технологических достижений получит каждый. По его оценкам, более 50% людей не приобретут никаких преимуществ от технического прогресса, поскольку большая его часть достается относительно небольшой группе. Несмотря на рост общественного богатства в целом, количество людей, получающих непосредственную выгоду от роста производительности высокоавтоматизи-

рованного производства, будет уменьшаться [Bussemer T., Krell C., Meyer H., 2016, p. 8, 2].

М. Янсити и К. Лакхани (Гарвардская школа бизнеса) отмечают, что, создав беспрецедентные возможности для глобальной экономики, цифровая экономика и порожденные ею тренды теперь только усугубляют и без того опасный уровень неравенства доходов, подрывают экономики стран и даже приводят к социальной нестабильности [Янсити М., Лакхани К., 2017].

С одной стороны, цифровая революция предлагает человеку большие возможности, в том числе более гибкие модели работы. С другой – она влечет за собой новые формы давления на работников, риски «новой» тейлоризации (измерение производительности с помощью цифровых устройств) и радикальных структурных сдвигов в квалификации работы и управлении мощностями. Несмотря на неоднозначный характер этих изменений, ясно одно: в эпоху цифровых технологий работникам понадобятся новые средства защиты [Bussemer T., Krell C., Meyer H., 2016, p. 14].

Учитывая отрицательные последствия цифровой революции, европейские исследователи предлагают прежде всего поддерживать таланты в области цифровых технологий и стимулировать развитие компетенций, связанных с ними [Benhamou S., 2018, p. 47], т.е. призывают государство и компании инвестировать средства не в рабочие места, а в работников, а также организовать защиту тех, чьи рабочие места могут вскоре исчезнуть.

В процессе модернизации европейской социальной модели предлагается руководствоваться следующими принципами. Исходя из того, что сетевой труд не ограничивается определенными временем и местом (что создает большую свободу для определения условий труда), необходимо учитывать интересы не только работодателей, но и сотрудников; добиваться максимального снижения новых видов стрессов и напряжений, возникающих в процессе перехода от традиционных трудовых отношений к их цифровым формам; добиваться гарантии индивидуальных и коллективных прав доступа, общения и участия в Сети; корректировать системы социального обеспечения с учетом изменений параметров труда [Bussemer T., Krell C., Meyer H., 2016, p. 16].

Иной точки зрения придерживается Д. Фрейн (Кардиффский университет). Он подчеркивает, что современное общество «работоцентрично»: труд является основным социальным механизмом распределения доходов и, следовательно, основным способом удовлетворения материальных потребностей большинства людей.

Работа также является ключевым источником статуса и идентичности человека. Поэтому пока рано говорить об устранении потребности в труде – одном из первоначальных обещаний промышленного развития. Например, Дж.М. Кейнс считал, что растущий запас знаний наряду с появлением новых производственных технологий радикально уменьшит потребность в труде и в конечном итоге освободит время для культуры, политики и организации продуктивной и социально полезной деятельности вне формальной экономики.

Проблема, однако, в том, что технологии сами по себе не могут сделать работников более свободными. Под диктатом капитала автоматизация будет подталкивать людей к безработице, поскольку их труд больше не нужен для получения прибыли.

Не меньшую тревогу вызывает и тенденция капитализма поглощать часть времени, сэкономленного за счет повышения производительности, создавая больше работы. На протяжении всей истории капитализма общества компенсировали вытесняющие рабочую силу последствия роста производительности путем расширения существующих отраслей и создания новых. Многие из таких новых рабочих мест (производство потребительских товаров с ограниченным использованием и продолжительностью жизни или предоставление услуг людям, которые нуждаются в помощи только потому, что они заняты работой) сомнительны с точки зрения социальной полезности, не говоря уже о неустойчивом характере системы, которая зависит от непрерывного экономического роста для поддержания уровня занятости.

Чтобы избежать антиутопических возможностей автоматизации, необходимо критически оценить цели, ценности и социальную организацию работы, в частности сократить рабочее время и распределить его более справедливо, предоставив всем возможность воспользоваться временем, сэкономленным благодаря повышению производительности. Учитывая растущую ненадежность труда как источника дохода и безопасности, необходимо рассмотреть предложения о том, чтобы отделить труд от заработной платы – идея, которая изучается в ходе возобновляющейся дискуссии вокруг безусловного базового дохода. Чтобы превратить автоматизацию из угрозы в спасение, возможно, следует признать, что существуют и другие способы получения удовлетворения и выражения чувства солидарности, которые люди до сих пор ищут через занятость [Frayne D., 2016].

В странах со зрелой экономикой, которые в основном опираются на формальный найм на полное рабочее время, частично защитить трудящихся от более существенного замещения труда капиталом в результате автоматизации могли бы цифровые платформы, помогающие работникам перейти из категории поставщиков труда в категорию владельцев капитала. Микропредприниматели могли бы управлять предприятиями городского общественного транспорта или локальными компаниями по доставке грузов, используя парки автономных автомобилей или грузовиков, доступных через платформу. Глобальная консалтинговая компания могла бы превратиться в платформу, объединяющую миллионы отдельных людей, управляющих микроконсалтинговыми фирмами.

Предположительно, избежать дальнейшего роста неравенства в доходах и богатстве можно, двигаясь в сторону «крауд-капитализма», в рамках которого большая часть трудовых ресурсов из категории работников, занятых полное рабочее время в качестве поставщиков талантов или труда, перейдет в разряд владельцев своего бизнеса, фактически превратившись в микропредпринимателей, которым будет принадлежать крошечный кусочек капитала. В связи с этим А. Сундарараджан призывает политиков принимать соответствующие меры [Сундарараджан А., 2017, с. 10].

Список литературы

1. Жилина И.Ю. Освоение новых технологий: последствия для производства. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика: Реферативный журнал. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – № 2. – С. 119–125.
2. Минервин И.Г. Инновации и их воздействие на экономический рост. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика: Реферативный журнал. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – № 1. – С. 109–121.
3. Минервин И.Г. Россия и глобальные инновационные процессы // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. экономики; ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М., 2012. – № 1: Инновационный процесс и место России в глобальной экономике / ред.-сост. вып. Минервин И.Г. – 168 с.
4. Сундарараджан А. Цифровая экономика серьезно подорвет традиционные отношения между работниками и работодателями // Финансы и развитие. –

- Вашингтон: МВФ, 2017. – Июнь. – С. 7–11. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2017/06/pdf/sundararajan.pdf>
5. Янсита М., Лакхани К. «Экономика платформ». Harvard Business Review Россия. – М., 2017. – 15.11. – Режим доступа: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a23621/>
 6. Benhamou S. Quels impacts de l'intelligence artificielle sur l'avenir du travail? // Rev. personel. – P., 2018. – N 589. – P. 46–49. – Mode of access: http://www.strategie.gouv.fr/sites/strategie.gouv.fr/files/atoms/files/revue_personnel_-s_benhamou_-intelligence_artificielle.pdf
 7. Boyd T. Innovation and Economic Growth: the Bottom Line // WIPO Magazine. – 2015. – December. – Mode of access: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2015/06/article_0004.html
 8. Bussemer T., Krell C., Meyer H. Social Democratic Values in the Digital Society. Challenges of the Fourth Industrial Revolution. – L., 2016. – 19 p. – (Occasion Paper; N 10). – Mode of access: <https://www.socialeurope.eu/book/op-10-social-democratic-values-in-the-digital-society>
 9. Chavagneux Ch. Un monde en panne d'innovation // Alternatives écon. – P., 2014. – N 338. – P. 60–63.
 10. Fernández-Macías E. Automation, digitalisation and platforms: Implications for work and employment. – Luxembourg: Eurofound, 2018. – 36 p. – Mode of access: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef18002en.pdf
 11. Frayne D. Automation will mark the end of our work-obsessed society // The Guardian. – L., 2016. – 24 Feb. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/sustainable-business/2016/feb/24/automation-end-work-obsessed-society-dystopia-jobs>
 12. Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? – Oxford: University of Oxford, 2013. – 72 p. – (OMS Working Papers). – Mode of access: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf
 13. How Can Innovation Contribute to Socio-Economic Development? // The Innovation Policy Platform / OECD. – 2013. – Mode of access: <https://www.innovation-policyplatform.org/content/how-can-innovation-contribute-socio-economic-development>
 14. Impact of digitization. Digitizing Europe: Why Northern European frontrunners must drive digitization of the EU economy / The Boston Consulting Group. – 2016. – May. – 38 p. – Mode of access: http://image-src.bcg.com/BCG-Digitizing-Europe-May-2016_tcm22-36552.pdf
 15. Notes from the AI frontier: Modeling the impact of AI on the world economy: Discussion paper / McKinsey Global Institute. – 2018. – September. – 64 p. – Mode of access: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/Artificial%20Intelligence/Notes%20from%20the%20frontier%20Mode->

ling%20the%20impact%20of%20AI%20on%20the%20world%20economy/MGI-Notes-from-the-AI-frontier-Modeling-the-impact-of-AI-on-the-world-economy-September-2018.ashx

16. Skidelsky R. En route vers la servitude avec l'intelligence artificielle? // Project syndicate. – 2019. – Feb. 21. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/automation-may-not-boost-worker-income-by-robert-skidelsky-2019-02/french>

Экономические и социальные проблемы России

Сборник научных трудов

№ 1(39)

ГОТОВНОСТЬ К ПЕРЕМЕНАМ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К ИННОВАЦИЯМ

Составители выпуска –
канд. ист. наук Жилина Ирина Юрьевна
д-р экон. наук Смирнов Сергей Николаевич

Техническое редактирование
и компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор Л.Н. Казимирова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 11/VI – 2019 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 10,0 Уч.-изд. л. 9,0
Тираж 100 экз. (1–80 экз. – 1-й завод)
Заказ № 44

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88
Тел.: 8-800-7000-86-33 / (845-2) 24-86-33